

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316 (072.8)

ПЕРЕХОД К УРОВНЕВОЙ СИСТЕМЕ ПРЕПОДАВАНИЯ СОЦИОЛОГИИ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Г. В. Дыльнов

Саратовский государственный университет
E-mail: DylnovGV@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проблемы внедрения уровневой системы подготовки специалистов по социологии в вузах современной России.

Ключевые слова: уровни подготовки специалистов, бакалавр, магистр, компетенции, зачетные единицы.

Transfer to a Two-level System of Teaching Sociology in Russian Educational Establishments

G. V. Dylnov

The paper treats problems of the introduction of a two-level system of training sociology specialists in the higher education establishments of the modern Russia.

Key words: specialist training levels, bachelor, magister, competence, academic units.

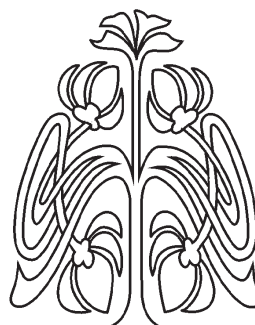
Отечественные вузы с 2011 г. перешли в основном на уровневую систему подготовки специалистов, в том числе и по социологии. Конечно, уже имелся определенный опыт работы в этом направлении, ведь согласно Государственному образовательному стандарту второго поколения предусматривалось два направления подготовки: специалист и бакалавр/магистр. Но большая часть отечественных вузов более 20 лет работала по первому направлению. Ныне речь идет о повсеместном, массовом переходе к подготовке бакалавров и магистров, о необходимости перестройки работы вузов, всех преподавателей в этом плане. Думается, что этот переход неизбежно займет определенное время: надо будет избавиться от старых стереотипов, не только освоить новые государственные стандарты, образовательные программы и учебные планы, но и изменить подход преподавателей к учебному процессу, их стратегию и тактику образовательной деятельности.

Важнейшая проблема, с которой сталкиваются все преподаватели-социологи, – сокращение срока подготовки специалиста на один год и, следовательно, уменьшение объема учебного материала, сокращение числа изучаемых дисциплин и тем по социологии.

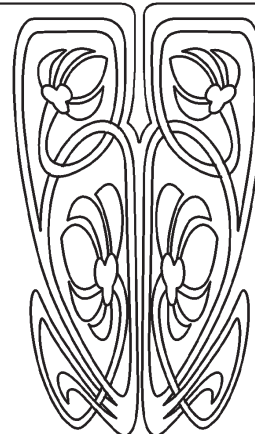
Естественно, речь не должна идти о механическом, произвольном сокращении количества тем и часов, ведь необходимо сохранить целостность и содержательность курса социологии как особой учебной дисциплины и науки. При этом следует видеть принципиальные различия при преподавании социологии в вузах технического, естественнонаучного профиля и в вузах, ведущих профессиональную подготовку социологов.

Как известно, введенный второй Государственный образовательный стандарт лишил социологию статуса обязательной базовой дисциплины для студентов всех специальностей, что повлияло на содержание и формы социологического образования в стране.

В ходе реализации второго ГОСТа выявилось неоднозначное отношение к преподаванию социологии со стороны руководства

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

технических вузов, что привело к формированию так называемой просветительской модели социологического образования. Этому способствовала также переориентация социологического образования на потребности российского рынка труда, породившая проблему искусственной подстройки образовательных программ (особенно в негосударственных вузах) под интересы рынка, нередко за счет качества подготовки социологов.

Тем не менее преподаватели социологии в этих вузах стремились совершенствовать свою работу, находить пути решения возникающих проблем. Они создавали авторские лекционные курсы, разнообразные виды коллективных и индивидуальных практических занятий, заданий и семинаров, поэтому просветительская модель социологического образования здесь реализовывалась в кратком варианте, в варианте с акцентом на изучение отдельных составных частей образовательного минимума и т. д. Представляется, что подобный опыт будет использован и при реализации ФГОСа третьего поколения в подготовке бакалавров.

Профессиональная подготовка специалистов-социологов начинается в современной России с 1989 г. с созданием первых социологических факультетов в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и Санкт-Петербургском государственном университете. Затем возникли сотни социологических кафедр и факультетов, были подготовлены тысячи социологов-специалистов.

Значительных успехов в преподавании социологии добились социологические факультеты МГУ, СПГУ, РГГУ, РУДН, государственный университет – Высшая школа экономики, РГСУ и ряд других вузов страны¹.

В этот период появились учебники и учебные пособия Ю. Г. Волкова, И. В. Мостовой, Г. В. Зборовского, В. И. Добренькова, А. И. Кравченко, Ж. Т. Тощенко, В. Н. Лавриненко, Г. В. Осипова, С. С. Фролова и др. Затем они получили новое переиздание и появились учебники более ориентированные на профиль вуза (С. И. Григорьев, Ю. В. Растов, Ю. Г. Вишневский, Г. И. Козырев, О. Н. Козлова). Примером учебного пособия «нового типа» может быть «Тезаурус социологии» под редакцией Ж. Т. Тощенко. В стране издается ряд социологических журналов, регулярно проводятся российские социологические конгрессы, которые уделяют проблемам социологического образования особое внимание.

Все сделанное за последние два десятилетия и создало прочную основу для решения проблем перехода повсеместно к новому направлению подготовки социологов – «бакалавр-магистр». На это направлены творческие усилия вузовских коллективов, отдельных социологов. Подобная работа началась и на социологическом факультете Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

В течение 2010/2011 учебного года были разработаны основные образовательные программы в соответствии с ФГОС третьего поколения. Их создано около 50 – по всем основным темам и проблемам подготовки социолога по направлениям «бакалавр» и «магистр», а также по специальностям аспирантуры. Обратим внимание прежде всего на программу по общей социологии для бакалавров.

В соответствии с ФГОСом рабочая программа содержит 7 разделов, которые разбиты на 34 лекции. В программе все они названы вместе с вопросами плана. Кроме того, здесь приводятся планы семинарских занятий, темы рефератов, докладов, тестовые задания, тематика эссе, список литературы, темы курсовых работ, вопросы к зачету и экзамену, интернет-ресурсы.

Даже беглый обзор представленной программы позволяет констатировать, что для ее реализации будут вполне пригодны имеющиеся учебники и учебно-методические пособия, которые лежали в основе подготовки социологов-специалистов. Вместе с тем мы глубоко убеждены в необходимости создания специальных пособий по социологии для бакалавров и магистров.

При самом первом, предварительном подходе к этой проблеме вполне очевидно, что в будущем учебнике для бакалавров через весь текст должна пройти идея компетенций – общекультурных, профессиональных и т. д., – что позволит соединить бакалавру содержание каждой отдельной темы, книги в целом с теми требованиями, которые к нему предъявляются и учебной программой, и ФГОСом в целом.

Учебник должен быть построен так, чтобы ориентировать на активизацию самостоятельной работы, на поиск тех ресурсов, которые не только заложены в учебнике, но и имеются на практических занятиях, в работе над дополнительной литературой и т. д. Другими словами, самостоятельная работа бакалавра становится одним из решающих факторов образования. Более широко в учебнике должны быть представлены тестовые задания, примерные темы эссе и рефератов, интернет-ресурсы и т. д.

А это, в свою очередь, предполагает существенное повышение уровня работы кафедр как по учебно-методическому обеспечению учебного процесса, так и по организации самостоятельной работы студентов и осуществлению четкого и последовательного контроля всего учебного процесса и работы преподавателей, учебно-вспомогательного персонала и студентов, в том числе и их практики. Бакалавры имеют, согласно ФГОСу, три вида практики – ознакомительную, профессиональную и педагогическую, – которая тоже должна занимать приоритетное положение в работе кафедры.

Думается, что в содержании учебника должны найти отражение все инновационные технологии учебного процесса с учетом имеющегося отечественного и зарубежного опыта.

В СГУ начали реализовываться и магистерские программы. В 2011/2012 учебном году магистранты социологического факультета работают по трем программам:

1. Социология политики и международных отношений.
2. Социология регионального развития.
3. Современные методы и SPSS-технологии в изучении социальных проблем общества.

Большое место в магистерских программах занимает научно-исследовательский семинар.

При этом следует учитывать то обстоятельство, что в магистратуру по социологии принимаются не только специалисты и бакалавры-социологи, но и выпускники других факультетов вузов города и региона, что предполагает необходимость особой социологической подготовки этой группы магистров через цель и задачи магистерской программы.

Завершая разговор о переходе на уровневую систему подготовки социологов, отметим все возрастающую роль личности преподавателя в данном процессе. Неслучайно повысилось внимание кафедр, факультетов к профессиональной подготовке преподавателей. В СГУ имеется

Институт дополнительного профессионального образования, в рамках которого функционирует факультет повышения квалификации. Ежегодно здесь обучаются 8–10 преподавателей социологического факультета СГУ, независимо от возраста, стажа работы, наличия ученой степени. Преподаватели-социологи не только слушают систематические курсы лекций, посещают практические занятия, но обязательно принимают активное участие в учебно-методических конференциях, готовят квалификационную работу и т. д.

Все, о чем шла речь выше, по нашему глубокому убеждению, лишь начало большой, трудоемкой и долговременной работы по успешному внедрению в отечественную высшую школу уровневой системы подготовки студентов.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: Добреньков В. И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социс. 2009. № 8 ; Булгакова М. Б. Историческая реконструкция и перспективы социологического образования в России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011.

УДК 316.334

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ МИГРАЦИИ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье представлен категориальный анализ миграции как социально-экономического феномена. Миграция населения рассматривается и как система отношений, и как процесс развития. Показана взаимосвязь процесса миграции и человеческого капитала. Отмечается, что в процессе миграции перемещаются не просто «человеческие ресурсы», а «информационно-интеллектуальный ресурс».

Ключевые слова: миграция, система отношений, субъект миграции, человеческий капитал.

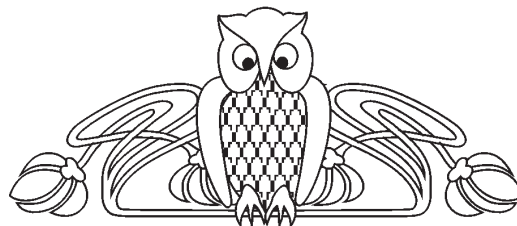
Conceptual Sphere of Migration

T. V. Cherevichko

It is presented in this article a categorial analysis of migration as socio-economic phenomenon. Migration of population is examined and as a system of relations, and as a development. It is showed the intercommunication of migration and a human capital. It is pointed that not only «manpower resources» move in the course of the migration, but «information and intellectual resource».

Key words: migration, system of relations, subject of migration, human capital.

В понимании миграции как социального и экономического феномена огромную роль сыгра-

ли антропология, социология, экономика и психология. Именно эти науки во многом определили основной дискурс в описании и исследовании миграции, предложили собственные концептуальные модели и способы интерпретации.

«Социально-экономический феномен миграции» – этот термин выбран не случайно. По крайней мере, можно назвать три причины:

– миграция существует в природе и жизни как реальный факт, к которому приложимы в определенной мере требования и методы социологической и экономической науки;

– из всех социально-экономических фактов мало имеется таких неоднозначных, как миграция;

– желание рассмотреть миграцию рабочей силы как развертывающееся целое.

Терминология в области миграции относится к числу «неустоявшихся». При анализе миграции трудоспособного населения очень часто употребляются понятия «мобильность», «подвижность», «перемещение». В определенной степени данный понятийный аппарат несколько устарел, что связано с социально-демографической экспансией на экономическую сферу. Это проявляется:

В СГУ начали реализовываться и магистерские программы. В 2011/2012 учебном году магистранты социологического факультета работают по трем программам:

1. Социология политики и международных отношений.
2. Социология регионального развития.
3. Современные методы и SPSS-технологии в изучении социальных проблем общества.

Большое место в магистерских программах занимает научно-исследовательский семинар.

При этом следует учитывать то обстоятельство, что в магистратуру по социологии принимаются не только специалисты и бакалавры-социологи, но и выпускники других факультетов вузов города и региона, что предполагает необходимость особой социологической подготовки этой группы магистров через цель и задачи магистерской программы.

Завершая разговор о переходе на уровневую систему подготовки социологов, отметим все возрастающую роль личности преподавателя в данном процессе. Неслучайно повысилось внимание кафедр, факультетов к профессиональной подготовке преподавателей. В СГУ имеется

Институт дополнительного профессионального образования, в рамках которого функционирует факультет повышения квалификации. Ежегодно здесь обучаются 8–10 преподавателей социологического факультета СГУ, независимо от возраста, стажа работы, наличия ученой степени. Преподаватели-социологи не только слушают систематические курсы лекций, посещают практические занятия, но обязательно принимают активное участие в учебно-методических конференциях, готовят квалификационную работу и т. д.

Все, о чем шла речь выше, по нашему глубокому убеждению, лишь начало большой, трудоемкой и долговременной работы по успешному внедрению в отечественную высшую школу уровневой системы подготовки студентов.

Примечания

- ¹ См. об этом подробнее: Добренков В. И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социс. 2009. № 8 ; Булгакова М. Б. Историческая реконструкция и перспективы социологического образования в России : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2011.

УДК 316.334

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ МИГРАЦИИ

Т. В. Черевичко

Саратовский государственный университет
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье представлен категориальный анализ миграции как социально-экономического феномена. Миграция населения рассматривается и как система отношений, и как процесс развития. Показана взаимосвязь процесса миграции и человеческого капитала. Отмечается, что в процессе миграции перемещаются не просто «человеческие ресурсы», а «информационно-интеллектуальный ресурс».

Ключевые слова: миграция, система отношений, субъект миграции, человеческий капитал.

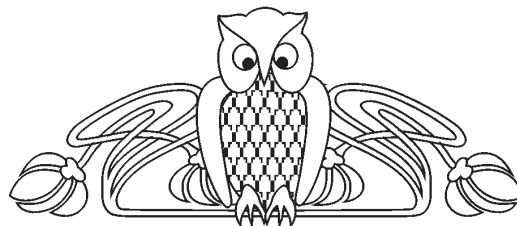
Conceptual Sphere of Migration

T. V. Cherevichko

It is presented in this article a categorial analysis of migration as socio-economic phenomenon. Migration of population is examined and as a system of relations, and as a development. It is showed the intercommunication of migration and a human capital. It is pointed that not only «manpower resources» move in the course of the migration, but «information and intellectual resource».

Key words: migration, system of relations, subject of migration, human capital.

В понимании миграции как социального и экономического феномена огромную роль сыгра-

ли антропология, социология, экономика и психология. Именно эти науки во многом определили основной дискурс в описании и исследовании миграции, предложили собственные концептуальные модели и способы интерпретации.

«Социально-экономический феномен миграции» – этот термин выбран не случайно. По крайней мере, можно назвать три причины:

– миграция существует в природе и жизни как реальный факт, к которому приложимы в определенной мере требования и методы социологической и экономической науки;

– из всех социально-экономических фактов мало имеется таких неоднозначных, как миграция;

– желание рассмотреть миграцию рабочей силы как развертывающееся целое.

Терминология в области миграции относится к числу «неустоявшихся». При анализе миграции трудоспособного населения очень часто употребляются понятия «мобильность», «подвижность», «перемещение». В определенной степени данный понятийный аппарат несколько устарел, что связано с социально-демографической экспансией на экономическую сферу. Это проявляется:

во-первых, в однозначном употреблении одних и тех же терминов. Так, например, ряд исследователей считают, что «мобильность» является синонимом «подвижности»¹;

во-вторых, в определении может присутствовать соотношение одних и тех же понятий. Так, в Многоязычном демографическом словаре отмечается: «Изучение подвижности населения охватывает не только миграцию в собственном смысле слова, но и временные перемещения (маятниковая и сезонная миграции)»²;

в-третьих, в недостаточно четком выявлении субординированной связи между понятиями «мобильность», «подвижность», «миграция»³.

Сложность такого социально-экономического явления, как миграция, требует большей четкости в определениях. По нашему мнению, в самом общем виде связь между миграцией, мобильностью и подвижностью можно представить следующим образом: мобильность – это способность к миграции, потенциальная миграционная активность; миграция представляет собой пространственное перемещение; подвижность характеризует степень сменяемости состава трудоспособного населения регионов. Все эти категории представляют собой разные способы определения сущности миграции. Ведь сущность любого явления так или иначе отражается в его определении, категориях, но сама по себе сущность категорией не является. Иначе говоря, все эти определения отражают разные стороны миграции трудоспособного населения, этой системы – процесса (явления, находящегося в динамике).

Если сформулировать кратко, то миграция – это взаимодействие явлений, возникающих в процессе пространственного перемещения населения. Самостоятельность бытия, которое опосредованно действиями человека, – вот главная отличительная характеристика сущности миграции. Поэтому можно согласиться с утверждением А. Л. Доброхотова, что в этом случае «сущностью в самом специфическом смысле оказывается живой индивид»⁴.

Исследование миграции как системы отношений в экономической литературе представлено недостаточно, в большей степени миграция рабочей силы исследуется как процесс. В этой связи может возникнуть вопрос: а есть ли миграционные отношения? Представляется, что такие отношения реальны, так как миграция существует как явление, а существовать – значит находиться в отношении к другому явлению.

Если мы определяем миграцию рабочей силы как совокупность отношений, реально существующих в окружающем мире, то неизбежен вопрос: почему важно различать миграцию как процесс и как систему отношений?

В качестве общего явления процесс можно определить как взаимодействие элементов системы, протекающее во времени по мере того как одно состояние системы сменяется другим.

Сущность процесса – какого-либо рода изменения.

Систему, в свою очередь, можно определить как совокупность структурно и функционально взаимоотношенных элементов. Вся сеть элементов и их взаимосотнесение образуют состояние системы.

Итак, миграционный процесс можно определить как взаимодействие в рамках пространственной системы отношений. Эта постоянная взаимосвязанность есть характерная особенность миграции.

И все же миграция к одному только процессу не сводится, она всегда шире, глубже и полна самых разных начал, мотивов и смыслов. Существенная разница между миграцией – системой отношений и миграцией-процессом проявляется в том, что миграция-система нацеливает на исследование последнего как феномена способа действия человека, а миграция-процесс как таковая является составной частью миграции-системы отношений. Изучение процесса миграции как системы отношений, образование ее понятий требуют особой тщательности, при анализе необходимо использовать принцип *различения*, иначе нельзя обозначить наблюдаемые процессы. Различение суть не что иное, как различные обозначения. Важно различение понятия процесса миграции как системы отношений и понятия миграции как процесса. «Обозначения возможны только на основании различения обозначенного, а различения служат тому, чтобы дать возможность обозначить одну или другую стороны различения»⁵. Действительность миграции как процесса выделяет, ограничивает, то есть определяет миграцию как систему отношений.

Методологически исходным положением для исследования различения миграции населения как процесса и как системы отношений может послужить также теория универсального эволюционизма. Система – это упорядоченное множество элементов, образующих целостное единство на основе выполнения общей функции, организованное функциональным взаимодействием, что проявляется в процессе ее развития. Миграция как процесс в своем развитии проявляется как целостная система отношений. Это говорит о том, что миграция как система отношений находится в постоянном изменении, но при этом остается идентичной самой себе. Объясняется это тем, что, помимо изменяющегося, в системе имеет место устойчивое, стабильное, сохраняющееся – структура системы – процесса. Структура порождает закономерности поведения всего миграционного процесса, изменив ее, можно изменить и эти закономерности.

Для исследования миграции как системы отношений необходимо, в первую очередь, определить структуру связей между всеми ее основными элементами, образующую ее изначальную целостность, а также направленность (цель) ее функционирования. В качестве основных

элементов миграции как системы можно назвать субъект, объект и непосредственно процесс миграции (миграцию как таковую). Характер миграции как системы отношений определяется, с одной стороны, средой, в которой она находится, а с другой – особенностями структурных связей между элементами системы. Взаимосвязь элементов миграции построена на принципе отношений (как отмечалось ранее, существовать – значит находиться в каком-либо отношении к другому явлению). Такой подход отражает «сетевой» метод исследования миграционных отношений. Данный метод позволяет выявить связи между индивидуумами, городами, странами для того, чтобы понять, как складываются миграционные отношения на основе взаимодействия субъектов.

Субъектом миграционных отношений в первую очередь является человек со всеми его индивидуальными особенностями и общественными характеристиками, которые и определяют уровень его миграционной подвижности. Человек сам представляет собой самостоятельную целостную систему, которая развивается по своим внутренним, собственным законам и которая находится под воздействием внешних сил. Одновременно с этим он является частью единой системы, для которой справедливы все ее основные свойства, в том числе и присутствие неопределенности. Все, что происходит в общественных системах, связано с формами проявления и реализации сущностных сил человеческой природы, творческих возможностей и потребностей человека. Можно сказать, что человеческое существование имеет два модуса – объективированное (универсальное) и самобытие (индивидуальное, человеческое), – составляющих сферу возможного и являющих подлинными его ценности и нормы поведения. Человек мигрирующий должен обладать достаточным набором интеллектуальных и физических качеств, чтобы выжить в новых условиях. Поэтому он всегда превосходит своей приспособляемостью конкурентов.

Субъект миграционных отношений – это и субъект рынка труда. Однако между мигрантом и местным жителем как субъектами рынка труда существует отличие – последний скорее приспособляется к сложившейся ситуации на рынке труда, делая свой индивидуальный выбор. Мигрант же, наоборот, активен по отношению к рынку труда, в какой-то мере он преобразует его. Ситуация на рынке труда становится объектом деятельности мигранта, при этом он как бы формирует и новую среду для отношений занятости. Мигранты в первую очередь пополняют «скрытый» рынок труда, усиливая «теневизацию» отношений занятости.

Субъект миграции – это и носитель части человеческого капитала. Категория «человеческий капитал» в нашей социально-экономической литературе, как, впрочем, и в западной, остается достаточно дискуссионной. Так, человеческий ка-

питал определяют как капитал в виде умственных способностей, полученный через формальное обучение или образование либо через практический опыт. Иногда он рассматривается как одна из важнейших форм капитала, определяемая в качестве производственных возможностей, воплощенных в человеческих существах⁶. Т. Л. Судова в свою очередь рассматривает человеческий капитал в виде интеллектуального капитала⁷.

Ряд авторов отмечают, что человеческий капитал неоднороден, имеет сложную внутреннюю структуру, развивающуюся во времени⁸. Классическая экономическая школа считает капиталом человеческие способности, так как они – неотъемлемое личное достояние человека. Для формирования человека требуется значительное количество ресурсов, но эти затраты предполагают получение в будущем определенного дохода, а также имеют свойство накапливаться.

Согласно теории человеческого капитала основными направлениями инвестиций в человеческий капитал выступают расходы на образование, здравоохранение и на его мобильность (потенциальную миграционную активность). Инвестиции в человеческий капитал во всех сферах повышают качество рабочей силы и часто способны дать больший производственный эффект, чем рост числа занятых.

В отечественной социально-экономической литературе проблема взаимосвязи человеческого капитала и миграции не находит должного признания.

По нашему мнению, развитие человеческого капитала осуществляется не только во времени, но и в экономическом пространстве. Экономическое пространство всегда территориально локализовано. Каждый человек заинтересован в более полной реализации своих собственных способностей и потребностей не только во времени, но и в пространстве, причем осуществить это возможно только в процессе миграции. В этом случае о миграции как таковой можно сказать очень немного: она не самостоятельно и отдельно от человека существующая реальность, а лишь способ его действия.

Миграция всегда есть действие, совершаемое пространственно-определенным субъектом, а также действие, выраженное пространственно. Иными словами, миграция – это то пространственное действие, в котором осуществляется реализация человеческого капитала. Именно поэтому между миграцией и человеческим капиталом не может быть причинно-следственных отношений. Это обусловлено тем, что миграция и человеческий капитал вовсе не два разных, порознь существующих и поэтому могущих взаимодействовать явления, а одно и то же явление, только рассматриваемое в двух разных аспектах.

Между человеческим капиталом и миграцией существует не отношение причины – следствия, а отношение субъекта со способом его собственного

действия. Миграция человеческого капитала не может вызвать изменений в миграции, не может воздействовать на процесс миграции, так как его существование в качестве «мигрирующего» и есть миграция. Если человеческий капитал не мигрирует, то не происходит его пространственно-временного движения, его динамика пространственно ограничена. Миграция – это пространственно выраженное действие человеческого капитала, само действие, а не результат (продукт) действия.

Результатом (продуктом) миграции может быть исключительно пространственно выраженное, пространственно зафиксированное изменение в положении субъектов миграции (носителей человеческого капитала) по отношению к объектам миграции (рабочим местам, регионам, странам). Миграция не вызывает пространственно выраженного изменения в человеческом капитале, а существует через него (внутри него), как и наоборот: всякое даже минимальное изменение внутри человеческого капитала, вызванное воздействием на него различных факторов (сил), непосредственно выражается для него как некоторый сдвиг в его способе действия (реализации, осуществлении), то есть в миграции.

Определяя человеческий капитал как запас экономически продуктивных человеческих способностей, который увеличивается за счет вложений в питание, образование, здоровье, профессиональную подготовку, не следует забывать, что параллельно с течением времени этот запас обесценивается (в связи с физическим износом человека, с утратой им знаний и возможностей). В этом случае миграция является не просто процессом перемещения человека для удовлетворения его потребностей, способностей и возможностей как во времени, так и в экономическом пространстве, но и формой реализации человеческого капитала. Человек в своей основе всегда мобилен. Его мобильность, способность к миграции, потенциальная миграционная активность возникают и изменяются под влиянием развития общества и в силу динамики его внутренних противоречий. Их разрешение создает новый импульс к движению, что порождает новый уровень интересов, стремление к удовлетворению потребностей.

На наш взгляд, существующая связь между миграцией трудоспособного населения и человеческим капиталом проявляется следующим образом: с одной стороны, миграция – это форма реализации человеческого капитала, с другой, миграция – это специфическая форма накопления человеческого капитала, включающая подвижность и неподвижность субъектов миграции. В данном случае под формой следует понимать некую границу, разделяющую две стороны одного процесса; какая сторона является исходной для совершения следующего действия (а значит, времени и пространства) – то ли для накопления тождества, то ли для того, чтобы пересечь границу, и реализуясь, начиная со следующего действия

исходить из другой стороны, особой причины. Иными словами, это реальный процесс производства, накопления и реализации знания как субстанции субъекта миграции.

Мигрант представляет собой «персонифицированное» знание, опыт. Причем для него знание, накопленное человечеством, выступает одновременно и как исходный пункт, и как цель его движения. Его личное участие в процессе производства и накопления знания заключается в том, чтобы приплюсовать к исходному знанию (полученному в процессе образования) новое, которое осуществляется через его реализацию, его воплощение в практической деятельности. Следует отметить, что процесс производства и накопления знания никогда не начинается «с самого начала», а осуществляется как совершенствование уже наличного знания, как преобразование уже накопленного. Иными словами, имеет место процесс расширенного воспроизводства знания посредством миграции. Если фиксировать формы, которые расширяющееся, возрастающее знание в процессе миграции попеременно принимает (накопленное знание – его применение – дальнейшее накопление знания), то можно сказать, что исходное знание мигранта «саморазвивается». Так как движение (миграция), в котором мигрант приобретает новое знание, есть его собственное движение, то его развитие есть самовозрастание знания. Иначе говоря, мигрант получает некую способность производить знание, в силу того что он сам является носителем знания. В рамках развиваемой нами концепции можно предположить, что по мере развития общества мигрант все менее является носителем просто человеческого капитала и все более становится носителем человеческих информационных ресурсов.

Если миграция – способ действия субъекта-мигранта, то для того, чтобы определить миграцию как систему отношений, необходимо исследовать именно способ действия мигрирующего субъекта, в отличие от способа действия просто субъекта (например, его перемещения на работу и с работы). В качестве общепринятых признаков, отделяющих субъекта-мигранта от других субъектов, совершающих разнообразные пространственные перемещения, можно назвать перемену постоянного места жительства и места приложения труда, пересечение административных границ территорий, продолжительное или постоянное пребывание субъекта на новом месте жительства (или продолжительность его отсутствия на прежнем месте жительства). Структура миграции как системы, безотносительно действия, представляет элементарную схему системы, где одним из элементов является процесс миграции.

Исследование миграции как системы отношений только на основе и в результате изучения структуры, то есть фиксированных в пространстве предпосылок процесса миграции или же его так же пространственно фиксированных результатов,

приводит к тому, что сам процесс миграции, или «миграция как таковая», как процесс, протекающий в определенных условиях и приводящий к определенным результатам, остается за пределами такого анализа.

В ходе исследования появляется вопрос: что такое миграция как процесс? В данном случае вопрос задан не о том, как субъекты осуществляют перемещение, а о сути действия. В таком случае миграция как действие неотделима от субъектов, с помощью которых она осуществляется, но и не тождественна им. Здесь речь идет, на наш взгляд, об осуществлении соответствующей функции миграции – перемещения с постепенным приращением знаний и опыта. Поиск и достижение цели являются основными ценностями, определяющими путь мигранта. Путь в этом случае представляет собой особый опыт, можно даже сказать, миграционный опыт в расширении местности как условия жизнедеятельности.

Чтобы понять миграцию рабочей силы как функцию (способ действия), надо рассмотреть ту реальную систему, внутри которой эта функция осуществляется, – систему отношений «человек мигрирующий и местность, путь». Местность населяют жители, а не мигранты. Это территориально определенные совокупности людей, которые получают и отдают мигрантов при наличии определенных причин и условий. Следует подчеркнуть, что объектом миграции является конечная цель пути. Это могут быть не только государство, регион, город, рабочее место, но и сам человек в мире. Поэтому понять миграцию можно только через исследование способа ее действия в системе «мир человека – человек в мире».

Трансформационные процессы в глобальной экономике в целом и в российской экономике в частности приводят не только к изменениям в природе миграции, ее содержании, но и к услож-

нению связей между самой категорией и формами ее реализации.

Таким образом, миграция – это перемещение человека не просто как «особого» ресурса, а интеллектуально-информационного ресурса. В этом смысле мобильность человеческого капитала становится равнозначной мобильности финансового капитала. Игнорирование этого обстоятельства выливается в «примитивизацию» миграции как социально-экономической категории. В концептуализации миграции ее сущность постоянно разворачивает себя через многообразие форм, причем по мере усложнения общественного развития связь между сущностью миграции и формами становится все более многослойной.

Примечания

- 1 См.: Моисеенко В. М. Динамика миграционной активности населения в современной России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2001. № 4. С. 65.
- 2 Многоязычный демографический словарь. М., 1964. С. 70–71.
- 3 См.: Немерюк Е. Е. Миграция и рынок труда в современном российском обществе. Саратов, 2006. С. 47.
- 4 Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 104.
- 5 Луман Н. Понятие риска // Теория и история экономических и социальных систем. Вып. 5. 1994. С. 145.
- 6 См.: Артемьев А. В. Человеческий капитал как фактор экономического роста. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0800/070800030.pdf> (дата обращения: 26.01.2012).
- 7 См.: Судова Т. Л. Человеческий капитал в наукоемкой экономике. СПб., 2001.
- 8 См.: Гурьева Л. С. Адаптация в условиях безработицы: механизм поведения потенциальных безработных // Вестник РГНФ. 1996. № 2. С. 43.

УДК 316.334.52 (470+571)

СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ В РОССИИ

Т. И. Трубицына

Саратовский государственный университет
E-mail: oberttb@yandex.ru

В статье раскрыты основные характеристики функционирования социальной инфраструктуры в регионах современной России. Выделено своеобразие этого процесса, в том числе роль государственного управления и хозяйствования предприятий.

Ключевые слова: условия инфраструктуры, малые и крупные предприятия инфраструктуры, финансовое воздействие, криминализация инфраструктуры, роль государства.

The Functional Originality of Modern Social Infrastructure in Russian Regions

T. I. Trubitsina

The main functional characteristics of social infrastructure in modern Russian regions are disclosed in the article. The originality of this

приводит к тому, что сам процесс миграции, или «миграция как таковая», как процесс, протекающий в определенных условиях и приводящий к определенным результатам, остается за пределами такого анализа.

В ходе исследования появляется вопрос: что такое миграция как процесс? В данном случае вопрос задан не о том, как субъекты осуществляют перемещение, а о сути действия. В таком случае миграция как действие неотделима от субъектов, с помощью которых она осуществляется, но и не тождественна им. Здесь речь идет, на наш взгляд, об осуществлении соответствующей функции миграции – перемещения с постепенным приращением знаний и опыта. Поиск и достижение цели являются основными ценностями, определяющими путь мигранта. Путь в этом случае представляет собой особый опыт, можно даже сказать, миграционный опыт в расширении местности как условия жизнедеятельности.

Чтобы понять миграцию рабочей силы как функцию (способ действия), надо рассмотреть ту реальную систему, внутри которой эта функция осуществляется, – систему отношений «человек мигрирующий и местность, путь». Местность населяют жители, а не мигранты. Это территориально определенные совокупности людей, которые получают и отдают мигрантов при наличии определенных причин и условий. Следует подчеркнуть, что объектом миграции является конечная цель пути. Это могут быть не только государство, регион, город, рабочее место, но и сам человек в мире. Поэтому понять миграцию можно только через исследование способа ее действия в системе «мир человека – человек в мире».

Трансформационные процессы в глобальной экономике в целом и в российской экономике в частности приводят не только к изменениям в природе миграции, ее содержания, но и к услож-

нению связей между самой категорией и формами ее реализации.

Таким образом, миграция – это перемещение человека не просто как «особого» ресурса, а интеллектуально-информационного ресурса. В этом смысле мобильность человеческого капитала становится равнозначной мобильности финансового капитала. Игнорирование этого обстоятельства выливается в «примитивизацию» миграции как социально-экономической категории. В концептуализации миграции ее сущность постоянно разворачивает себя через многообразие форм, причем по мере усложнения общественного развития связь между сущностью миграции и формами становится все более многослойной.

Примечания

- 1 См.: Моисеенко В. М. Динамика миграционной активности населения в современной России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2001. № 4. С. 65.
- 2 Многоязычный демографический словарь. М., 1964. С. 70–71.
- 3 См.: Немерюк Е. Е. Миграция и рынок труда в современном российском обществе. Саратов, 2006. С. 47.
- 4 Доброхотов А. Л. Категория бытия в классической западноевропейской философии. М., 1986. С. 104.
- 5 Луман Н. Понятие риска // Теория и история экономических и социальных систем. Вып. 5. 1994. С. 145.
- 6 См.: Артемьев А. В. Человеческий капитал как фактор экономического роста. URL: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0800/070800030.pdf> (дата обращения: 26.01.2012).
- 7 См.: Судова Т. Л. Человеческий капитал в наукоемкой экономике. СПб., 2001.
- 8 См.: Гурьева Л. С. Адаптация в условиях безработицы: механизм поведения потенциальных безработных // Вестник РГНФ. 1996. № 2. С. 43.

УДК 316.334.52 (470+571)

СВОЕОБРАЗИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ В РОССИИ

Т. И. Трубицына

Саратовский государственный университет
E-mail: oberttb@yandex.ru

В статье раскрыты основные характеристики функционирования социальной инфраструктуры в регионах современной России. Выделено своеобразие этого процесса, в том числе роль государственного управления и хозяйствования предприятий.

Ключевые слова: условия инфраструктуры, малые и крупные предприятия инфраструктуры, финансовое воздействие, криминализация инфраструктуры, роль государства.

The Functional Originality of Modern Social Infrastructure in Russian Regions

T. I. Trubitsina

The main functional characteristics of social infrastructure in modern Russian regions are disclosed in the article. The originality of this

process is separated out and also includes the role of public and economic management of enterprises.

Key words: conditions of infrastructure, small and large enterprise infrastructures, financial impact, infrastructural criminalization, role of government.

Определяя будущее развитие экономики страны, нужно найти направления изменения социальной инфраструктуры, гипотетически определить возникновение ее новых форм и результативность этих процессов. Находясь перманентно в состоянии изменения, социальная инфраструктура региона зависит от политических, экономических, социальных и иных условий, существующих в реальности.

Наличие определенных условий в регионе не исключает, а предполагает возможность множественности развития инфраструктуры в нем. Это зависит от той конкретной системы управления, которая складывается в каждом регионе, на предприятиях, расположенных в региональном пространстве. Иначе говоря, путь движения инфраструктуры в регионе не единственный, формы и способы функционирования социальной инфраструктуры в этой системе многообразны. Идет постоянный поиск, моделирование, эксперимент. Это множество возможного функционирования инфраструктуры не бесконечно. Управляющие субъекты должны отыскать наиболее приемлемые характеристики, формы, способы для целей определенного региона и его населения. Одной из форм, возникающих как воплощение определенных условий функционирования социальной инфраструктуры региона, является связь в нем малых и крупных предприятий. Социальная инфраструктура региона существует в виде малых и крупных предприятий, реализующих свою деятельность территориально в данном регионе.

В настоящее время инфраструктурные предприятия и организации, как правило, оформлены в виде акционерных компаний различного вида. Это определяет усложнение их взаимодействия по горизонтали и вертикали в регионе. При этом малые предприятия нередко являются составными частями крупных предприятий одного вида инфраструктуры региона. Возникает множество направлений взаимодействия: крупные предприятия инфраструктуры взаимодействуют друг с другом. Внутри крупных предприятий идет взаимодействие их структурных элементов – малых предприятий данного объединения. Малые предприятия взаимодействуют друг с другом, с крупными предприятиями инфраструктуры региона. Схематично такое взаимодействие можно представить как сложную систему связей, формирующих реальные процессы социального производства и социального потребления в регионе.

В таком взаимодействии важнейшими условиями являются: конкуренция между предпри-

ятиями инфраструктуры за рубль потребителя услуг, конкуренция между этими предприятиями за возможность распространения своего влияния на другие регионы как выход в межрегиональную конкуренцию; возможность диверсификации предприятий инфраструктуры в регионе и в других регионах как предложение своих услуг на межрегиональном рынке. Крупные предприятия инфраструктуры при этом не могут существовать только на региональном рынке. Они стремятся завоевать экономическое пространство других регионов, выходя на межрегиональные рынки. В настоящее время происходят такие сложные процессы в системе оказания услуг жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), которые нередко оказываются криминальными.

Взаимодействие малых предприятий сосредоточивается главным образом на определенной территории региона в целом или территории частей региона. Крупные предприятия инфраструктуры развиваются как диверсифицированные, предоставляющие инфраструктурные услуги по множеству направлений, множества видов, стремящиеся охватить ряд производственных отраслей и территории не одного, а нескольких регионов. Взаимодействие малых предприятий инфраструктуры региона мобильно, подвижно по сравнению с крупными предприятиями. Но последние более агрессивны в своей политике захвата сфер влияния, что нередко происходит на фоне ухудшения предоставляемых инфраструктурных услуг, их унификации без учета специфики регионов. В настоящее время в России только 10% малых предприятий сосредоточено в сфере производства, а 90% находятся в сферах различных видов инфраструктуры, причем значительная часть таких предприятий предоставляет разного рода социальные услуги. Экспертным путем мы определили, что в системах социальной инфраструктуры регионов сосредоточено примерно 50% малых предприятий страны. Особое значение для достижения успеха в их функционировании имеет степень технического, интеллектуального оснащения таких инфраструктурных предприятий региона.

Взаимодействие крупных и малых предприятий социальной инфраструктуры региона основывается на неравенстве технико-технологического их оснащения. Малые предприятия не всегда ищут самостоятельную сферу хозяйствования. Оказание ими инфраструктурных услуг в регионе бывает намного выгоднее в сфере влияния крупных инфраструктурных предприятий региона при сохранении хозяйственной самостоятельности такими малыми предприятиями. Крупные предприятия региональной инфраструктуры стремятся закрепиться на территории региона, в иных регионах, куда они смогли проникнуть как хозяйствующие субъекты или как собственники, укрепить свое монопольное

положение. В прежней хозяйственной системе СССР взаимодействие предприятий социальной инфраструктуры регионов нередко определялось наличием градообразующих производств. Именно их потребности производственного назначения обслуживала производственная региональная инфраструктура, а потребности работников производственного предприятия, членов их семей обслуживала социальная инфраструктура предприятия, которой принадлежали либо самому производственному предприятию, либо региону. Иначе говоря, базой социальной инфраструктуры в определенном регионе являлось градообразующее производственное предприятие. Именно оно было ответственно за развитие инфраструктуры в регионе для обеспечения своих собственных нужд, а также нужд работников и членов их семей.

В настоящее время такой основы социальной инфраструктуры в регионе не существует, поскольку производственные предприятия не могут и не хотят экономически обеспечивать всего необходимого набора инфраструктурных услуг. Возникают межпроизводственные сервисные организации, обслуживающие определенные инфраструктурные потребности ряда производств. Социальная же инфраструктура региона вообще почти полностью оторвалась от такой основы, как работники предприятий и члены их семей. В настоящее время либо социальная инфраструктура создается в регионе на рыночной основе в виде экономически и организационно самостоятельных предприятий, продавая свои услуги различным организациям, населению, региону как хозяйствующей единице, либо очень крупные предприятия создают ограниченный набор социальных инфраструктурных организаций только для своих работников, не заботясь о населении региона. Примерами такого подхода к социальной инфраструктуре являются подобные организации в газо- и нефтедобывающих регионах, возле предприятий, расположенных сравнительно автономно в каком-то более крупном регионе (например, вокруг атомной электростанции, в районе Саратовского подшипникового завода и т. д.). На наш взгляд, взаимодействие малых и крупных предприятий инфраструктуры в регионе нуждается в постоянном регулировании, согласовании. Нужен региональный центр, формирующий это взаимодействие и, соответственно, финансовую поддержку инфраструктурных предприятий со стороны производств, расположенных на территории региона. Существующие в настоящее время программы развития инфраструктуры регионов ограничены. Они, как правило, сосредоточивают свое внимание на некоторых социальных нуждах населения и на обеспечении инвестиционных процессов. Такой подход узок, он не вбирает в себя различные виды социальной инфраструк-

туры региона. Поэтому не могут обеспечиваться ни производственные, ни социальные потребности регионального хозяйствования. Программы обеспечения функционирования социальной инфраструктуры региона должны решать задачу создания равных стартовых условий хозяйствования для всех предприятий и равных стартовых условий для жизнедеятельности населения региона. В настоящее время законодательный разноречивый, правовой нигилизм на местном уровне не позволяют нормально развивать инфраструктуру региона.

Условием современного функционирования социальной инфраструктуры региона является самоорганизация этого процесса, наряду с предложенной выше регулирующей ролью центра. В этом нет противопоставления, поскольку самоорганизация оказания инфраструктурных услуг в регионе определяется возможностями рыночных процессов по территории, получением прибыли, возможностью инвестирования этой прибыли в развитие организаций социальной инфраструктуры. Центр управления социальной инфраструктурой региона может направлять функционирование структуры на развитие региона в целом, на улучшение в нем социальной обстановки. В этом проявится синергетический подход к проблеме функционирования объектов социальной инфраструктуры. Важна не сила административного управляющего воздействия, а умение определять векторы организаций социальной инфраструктуры в регионе как совместного их существования. При этом должно происходить согласование развития инфраструктуры, осуществляться резонансное управление.

Условием успеха функционирования социальной инфраструктуры в регионе является его технико-технологическая и социальная развитость. Один из показателей степени такой развитости – размер бюджетных доходов на душу населения в регионе. Этот показатель важен потому, что разрыв в бюджетной обеспеченности между богатыми и бедными регионами в России достигает десятков раз. Наиболее обеспеченные регионы имеют на душу населения более 95 тыс. руб., бедные же регионы имеют всего 6,5–7,4 тыс. руб. бюджетных доходов в год. Естественно, такой разрыв не позволяет создавать равные условия для функционирования социальной инфраструктуре региона. По Конституции России граждане страны, где бы они ни жили (Москва, Дагестан, Поволжье и т. д.), имеют равные гарантии обеспечения социальных условий жизнедеятельности. Поэтому федеральный центр берет на себя роль диспетчера, выравнивающего бюджетную обеспеченность в различных регионах страны. Так, в 2011 г. общий объем финансовой помощи регионам из федерального бюджета (по всем видам такой помощи совокупно) составил почти 1 трлн рублей. Но это порождает иждивенче-

ство у регионов, получающих дотации, и недо-вольство у регионов-доноров. Получается, чем больше регион зарабатывает денег, тем больше у него забирает федеральный бюджет для перераспределения в другие регионы. На этой основе современное эффективное развитие социальной инфраструктуры в регионах невозможно.

Еще хуже складывается ситуация в дотационных регионах, поскольку их зависимое финансовое положение не стимулирует собственного развития социальной инфраструктуры. Регион, во-первых, привыкает жить на федеральные деньги, а не зарабатывать их, не заботиться о собственном хозяйствовании, собственном населении. Во-вторых, при улучшении ситуации в регионе немедленно сокращается размер дотаций, что не стимулирует развития его экономики – производства, социальной инфраструктуры.

Во многих регионах нет предприятий, которые бы обеспечивали его развитие в целом: такие предприятия исчезли, а на дотации новые аналогичные предприятия не создашь. Это тем более нереально, что все подобные предприятия сейчас находятся в частной собственности. Обострилось данное положение в монорегионах страны. Поэтому при помощи бюджетного перераспределения не создашь государственных условий стимулирования развития социальной инфраструктуры регионов. Думается, что определенным выходом из такой ситуации может стать создание объектов межрегионального бизнеса, развивающего социальную инфраструктуру в разных сопряженных регионах. Не всегда эти попытки успешны. Известен (неудачный пока) опыт создания ассоциации, пытавшейся оказывать коммунальные услуги в разных регионах страны. В течение двух лет осуществлялся такой эксперимент в стране по регионам, но в 2005 г. большинство регионов отказалось от услуг этой ассоциации. Сейчас многие регионы заключают договоры на оказание некоторых услуг коммунальной инфраструктуры с энергетическими компаниями. Жизнь покажет, был ли удачным такой выбор. Но экспериментирование необходимо, иначе качественных сервисных коммунальных услуг не смогут получать ни население, ни фирмы. Пока же, по оценкам экспертов, низкая бюджетная обеспеченность регионов России нарастает (в 2004 г. в 11 регионах, в 2006 г. – в 20, а в 2010 г. уже почти в половине регионов страны). Низкой бюджетная обеспеченность населения региона считается тогда, когда доля собственных доходов в общих расходах бюджета региона составляет менее 40%.

Государство стимулирует развитие производства в регионах, что сопровождается ростом социальной инфраструктуры на таких территориях. Очень крупным подобным проектом является развитие Нижнего Приангарья, где будет завершено строительство Богучанской

ГЭС, крупного алюминиевого завода и целлюлозно-бумажного комбината. Во Владимирской области существует программа реконструкции исторического центра Владимира, ориентированная на развитие инфраструктуры туристической отрасли. В Саратовской области осуществляется развитие дорожного строительства, создание завода «Северсталь». В рейтинге инвестиционного потенциала Саратовская область уже шесть лет стабильно занимает 20-е место среди всех регионов России и 6-е место в Приволжском федеральном округе. Общее экономическое состояние региональных экономик является базовым условием для функционирования и развития социальной инфраструктуры. Сопоставление статистических данных по ряду регионов Поволжья позволяет сделать вывод не только о возможностях развития их социальной инфраструктуры, но и о реалиях выхода услуг регионов на межрегиональный рынок, что обеспечит воздействие на развитие этой инфраструктуры не только региональных условий данной территории, но и условий других регионов. Это происходит потому, что современные рыночные условия позволяют переносить экономическое состояние одного региона на рынок услуг социальной инфраструктуры других, участвующих в межрегиональном рыночном обмене.

Для развития социальной инфраструктуры важны показатели индекса потребительских цен, индекса реальных денежных доходов населения. Индекс потребительских цен в Приволжском федеральном округе в первой половине 2011 г. был 105%, что является равным значением такого индекса в целом по России.

Иностранный капитал осуществляет вложения в социальную инфраструктуру, дающую быструю отдачу. Значительные вложения за последние годы в Саратовскую область сделал капитал, принадлежащий самарским собственникам. Немало вложено и московского капитала. Это означает, что для экспансии капитала в региональную инфраструктуру существенное значение имеет политическая обстановка в регионе. В Саратовской области появилась некоторая организационная стабильность хозяйствования. Это привело к новой ситуации в инфраструктуре области, когда особенностью позитивного функционирования социальной инфраструктуры является политическая и организационная стабильность хозяйствования на территории, обеспечиваемая местной властью.

Однако различия в притоке капитала, различия в размере средней заработной платы по регионам и т. д. обнаруживают негативные синергетические эффекты воздействия региональных условий на функционирование социальной инфраструктуры. Очень часто экспансия капитала из других регионов провоцирует отрицательные эффекты хозяйствования значительного числа местных предприятий и негативно сказывается

на социальной инфраструктуре данного региона. В этом смысле весьма поучительна экспансия самарского капитала в Саратовскую область в 2003–2005 гг. Эта экспансия декларировала цели развития Саратовской области как в производственной, так и в социальной сфере. Некоторая часть самарского капитала под административным влиянием бывшей в то время губернаторской команды Саратовской области была вынуждена не вредить развитию территориального хозяйствования. Например, компания СОК сумела скупить контрольный пакет акций мощнейшего предприятия «Волгомост», которое базировалось в Саратовской области, но является предприятием федерального значения и, соответственно, осуществляет работы на всей территории страны. Первоначально компания СОК декларировала стремление развивать эту компанию, но действия ее были таковы, что большинство экспертов усомнилось в этой благородной идее. Под воздействием правительства СОК пришлось реализовывать декларируемые намерения. Но за ее работой постоянно следили общественность и соответствующие органы Саратовской области, чтобы реальные действия компании и декларируемые намерения были одинаковы. Иначе говоря, социальная инфраструктура предприятий, входящих в сферу влияния компании СОК на саратовской территории, постоянно требовала определенных административных рамок и управленческого воздействия регионального правительства. Эта ситуация отражала именно тот факт, что социальная инфраструктура не функционирует позитивно, ориентируясь на интересы территории, куда вкладывается капитал, и на интересы населения данной территории.

Требуется непрерывная корректировка действий капитала в интересах региона властными административными структурами данной территории. При этом, если происходит изменение вида деятельности фирмы, оказывающей инфраструктурные услуги социального характера, необходимо не менее чем за 6–12 месяцев извещать о будущем закрытии такого инфраструктурного предприятия. При выдаче административной властью региона разрешительных документов на деятельность предприятия нового собственника, на использование им нового объекта собственности нужно вписывать в такие документы специальные инфраструктурные обременения. Эти положения позволяют иметь определенный переходный период.

Современное хозяйствование в огромной степени зависит от качества и количества инфраструктурных услуг. Мы бы даже назвали это «инфраструктурной революцией» (приходящей на смену промышленной революции), существование которой обеспечивает новыми подходами всю деятельность региона и социальную жизнедеятельность населения. Важную роль при этом должны играть соответствующие

правовые нормы, неукоснительно исполняемые всеми участниками хозяйственных процессов. Велико значение разного рода судов, которые должны объективно, а не предвзято разбираться в ситуации, не сводя ее только к хозяйственному спору субъектов. Поэтому нужны и законодательные изменения в местном и федеральном законодательстве.

Социальная инфраструктура регионов функционирует во времени и пространстве. Это означает, что одни и те же предприятия инфраструктуры в разных регионах не только взаимодействуют различно, но и имеют разные результаты такого взаимодействия с учетом времени его осуществления. Если бы заранее при оформлении прав собственности была учтена деятельность инфраструктурных предприятий на будущий достаточно длительный период, скоординирована деятельность производителей и поставщиков инфраструктурных услуг, не оказался бы столь негативным результат от отрицательных действий нового собственника инфраструктурных предприятий. Иначе говоря, необходимо постоянно учитывать прямое и обратное влияние на участников регионального хозяйствования всей цепочки взаимосвязанных последствий существования инфраструктур. Вполне приемлем кластерный анализ функционирования социальной инфраструктуры региона. Поэтому реальным становится не любой набор взаимодействий объектов социальной инфраструктуры региона, а только тот, который обеспечивают позитивное развитие кластера в целом.

Особое значение для понимания функционирования социальной инфраструктуры в регионах имеет уровень развития в них теневой экономики. Это необходимо учитывать потому, что около 90% населения страны имеют теневые дополнительные доходы. Значительная часть оборота социальных услуг оказывается теневыми способами. Доходы от такого оборота не учитываются официально, не поступают в бюджеты, не могут воздействовать на социальную сферу, социальную инфраструктуру. По данным МВД страны, доля теневой экономики в России составляет примерно 45–50%. Это означает, что и в каждой региональной экономике примерно то же самое соотношение. Наиболее сложной проблемой при этом является необходимость сокращения криминализации и коррумпированности экономики регионов. Математически такое взаимодействие объектов социальной инфраструктуры можно оценить следующим образом: радиус его не может быть больше, чем произведение осуществления элементов социальной инфраструктуры. Общей формой в таком взаимодействии может быть определенный вид стимулирования роста заработной платы работников социальной инфраструктуры региона, действенный только для конкретного времени. Для продолжения функционирования объектов социальной инфраструктуры региона

нужен поиск новых подходов. Иначе возможен перелив рабочей силы, капитала. В этом случае инфраструктура нормально развиваться не будет. Предназначение управляющих субъектов региона заключается в поиске наиболее приемлемых для данного момента форм и других параметров функционирования социальной инфраструктуры региона.

Крупные предприятия социальной инфраструктуры могут предоставлять свои услуги другим регионам, продавая их на межрегиональных рынках. Малые инфраструктурные предприятия участвуют в межрегиональном рыночном обмене

в случае высокой технологичности, работы как информационной организации. Тогда и другие регионы могут покупать такие услуги, хотя предоставляются они малыми предприятиями определенного региона. Следовательно, социальные инфраструктуры выходят на рынок, продают свои услуги на межрегиональных рынках не в силу того, большие или малые по размеру предприятия, а в зависимости от степени современности технологии, применения информационных технологий. Поэтому уровень технико-технологической развитости региона определяет специфику функционирования рассматриваемой инфраструктуры.

УДК 316.334.2 (470+571)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности модернизационных процессов в экономике и социальной сфере российского общества.

Ключевые слова: модернизация, запаздывающая модернизация, экономика, социальная сфера.

Some Problems of Social and Economic Modernization of the Modern Russian Society

Z. M. Dylnova

The paper considers peculiarities of modernization processes in the economy and social sphere of the Russian society.

Keywords: modernization, late modernization, economy, social sphere.

При анализе состояния и тенденций развития российского общества за последние четверть века широко используются различные термины, такие как «перестройка», «обновление», «реформирование», «трансформация», «переходное общество», «кризисное развитие» и ряд других. В последнее время большинство социологов, исследовавших социальные перемены, сконцентрировали свое внимание на процессах модернизации, и тем самым понятие «модернизация» вышло на первый план. Поэтому есть необходимость более детально в нем разобраться.

Справочная и научная литература дает огромное количество толкований термина «модернизация». Не вдаваясь в пересказ разного рода значений данного понятия, отметим лишь,

что модернизация обозначает сложную совокупность перемен, происходящих в каждой части общества и направленных на совершенствование общественной системы в целом. Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, социальной сфере, культуре, экологии, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из них меняются раньше других, но все они в той или иной мере подвержены изменениям.

Естественно, что в данном случае нас интересует процесс модернизации в социально-экономической области жизни современного российского общества.

В научной литературе появилась своеобразная летопись современного этапа российской модернизации:

2006 г. – созданы Российская венчурная компания (РВК) и Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий; утверждена государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий».

Июль 2007-го – постановлением правительства создана Российская корпорация нанотехнологий (Роснано); принят Закон «О российской корпорации нанотехнологий».

Август 2007-го – утверждена ФЦП «Развитие инфраструктуры nanoиндустрии в Российской Федерации» на 2008–2010 годы».

Февраль 2008-го – первый вице-премьер РФ Д. А. Медведев, выступая на Красноярском экономическом форуме, сформулировал четыре

нужен поиск новых подходов. Иначе возможен перелив рабочей силы, капитала. В этом случае инфраструктура нормально развиваться не будет. Предназначение управляющих субъектов региона заключается в поиске наиболее приемлемых для данного момента форм и других параметров функционирования социальной инфраструктуры региона.

Крупные предприятия социальной инфраструктуры могут предоставлять свои услуги другим регионам, продавая их на межрегиональных рынках. Малые инфраструктурные предприятия участвуют в межрегиональном рыночном обмене

в случае высокой технологичности, работы как информационной организации. Тогда и другие регионы могут покупать такие услуги, хотя предоставляются они малыми предприятиями определенного региона. Следовательно, социальные инфраструктуры выходят на рынок, продают свои услуги на межрегиональных рынках не в силу того, большие или малые по размеру предприятия, а в зависимости от степени современности технологии, применения информационных технологий. Поэтому уровень технико-технологической развитости региона определяет специфику функционирования рассматриваемой инфраструктуры.

УДК 316.334.2 (470+571)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

З. М. Дыльнова

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются особенности модернизационных процессов в экономике и социальной сфере российского общества.

Ключевые слова: модернизация, запаздывающая модернизация, экономика, социальная сфера.

Some Problems of Social and Economic Modernization of the Modern Russian Society

Z. M. Dylnova

The paper considers peculiarities of modernization processes in the economy and social sphere of the Russian society.

Keywords: modernization, late modernization, economy, social sphere.

При анализе состояния и тенденций развития российского общества за последние четверть века широко используются различные термины, такие как «перестройка», «обновление», «реформирование», «трансформация», «переходное общество», «кризисное развитие» и ряд других. В последнее время большинство социологов, исследовавших социальные перемены, сконцентрировали свое внимание на процессах модернизации, и тем самым понятие «модернизация» вышло на первый план. Поэтому есть необходимость более детально в нем разобраться.

Справочная и научная литература дает огромное количество толкований термина «модернизация». Не вдаваясь в пересказ разного рода значений данного понятия, отметим лишь,

что модернизация обозначает сложную совокупность перемен, происходящих в каждой части общества и направленных на совершенствование общественной системы в целом. Модернизация включает постоянные перемены в экономике, политике, образовании, социальной сфере, культуре, экологии, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из них меняются раньше других, но все они в той или иной мере подвержены изменениям.

Естественно, что в данном случае нас интересует процесс модернизации в социально-экономической области жизни современного российского общества.

В научной литературе появилась своеобразная летопись современного этапа российской модернизации:

2006 г. – созданы Российская венчурная компания (РВК) и Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий; утверждена государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий».

Июль 2007-го – постановлением правительства создана Российская корпорация нанотехнологий (Роснано); принят Закон «О российской корпорации нанотехнологий».

Август 2007-го – утверждена ФЦП «Развитие инфраструктуры nanoиндустрии в Российской Федерации» на 2008–2010 годы».

Февраль 2008-го – первый вице-премьер РФ Д. А. Медведев, выступая на Красноярском экономическом форуме, сформулировал четыре

основных направления развития страны – «Четыре И» – институты, инфраструктура, инновации, инвестиции.

Сентябрь 2008-го – создана правительственная комиссия по высоким технологиям и инновациям.

Май 2009-го – при Президенте РФ создается комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики.

Июнь 2009-го – в ходе первого заседания комиссии по модернизации президент выделил пять важнейших сфер для модернизации: 1) энергоэффективность и энергосбережение; 2) ядерные технологии; 3) космические технологии; 4) медицинские технологии; 5) стратегические информационные технологии.

Сентябрь 2009-го – президент Д. А. Медведев публикует статью «Россия, вперед!», в которой ставится задача по преодолению сырьевого характера экономики, технологическому и инновационному развитию.

Ноябрь 2009-го – президент Д. А. Медведев в Послании Федеральному собранию провозглашает модернизацию приоритетной государственной задачей.

Декабрь 2009-го – поручение президента «О рабочей группе по разработке проекта создания территориально обособленного комплекса для развития исследований и разработок и коммерциализации их результатов».

Февраль 2010-го – Европейская комиссия выдвинула проект программы «Партнерство для модернизации».

Март 2010-го – на встрече со студентами - победителями олимпиад Д. А. Медведев объявил о планах создания в Сколково центра по разработке и коммерциализации новых технологий. Позже было объявлено, что комплекс возглавит В. Вексельберг.

Май 2010-го – на саммите Россия – ЕС в Ростове-на-Дону дан старт программе «Партнерство для модернизации».

Июль 2010-го – принят Закон «О реорганизации Российской корпорации нанотехнологий».

Август 2010-го – Минэкономразвития обнародовало концепцию «технологических платформ» – тематических направлений, в рамках которых будут осуществляться господдержка и координация прикладных исследований.

Сентябрь 2010-го – принят Закон «Об инновационном центре “Сколково”».

Октябрь 2010-го – реализация проекта «Сколково» официально возложена на Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий.

Ноябрь 2010-го – руководство Фонда «Сколково» заявляет о 100 проектах, поддерживаемых фондом, а также что концепция развития Сколково утверждена в начале 2011 г.

Если говорить о том, что было реально сделано в течение последнего года, и при этом

отбросить чисто пропагандистские акции вроде определения «пяти главных направлений модернизации», то окажется, что фактически запущен только один крупный проект – «Сколково». Другими гордятся, но относить их к большим и существенным затрудняются.

Даже действительно хороший, нужный и современный завод по производству светодиодов «Оптоган» модернизационным прорывом может быть назван лишь с большой натяжкой. Зато реальность проекта «Сколково», несмотря на разное к нему отношение со стороны профессионалов, невозможно отрицать.

Вместе с тем многие эксперты говорят о том, что одного проекта, даже такого масштабного, недостаточно для модернизации всей экономики. Слишком запущена ситуация в инновационной сфере. Как показало сравнительное исследование инновационных систем в 50 странах, проведенное компаниями «Бауман Инновейшн» и «Стратеджи Партнерс», Россия – единственная страна мира, где инновационная система деградирует. Если в ряде бедных и отсталых стран уровень инновационной активности вырос, то в России он существенно снизился по сравнению с уровнем 1980-х гг., причем ситуация не улучшилась даже в условиях экономического роста 2000-х. Это значит, что в среднесрочной перспективе Россия может потерять свою национальную инновационную систему.

Анкетирование 400 крупнейших российских компаний, проведенное агентством «Эксперт РА» в рамках конкурса «Русские инновации», показало, что крупными инновационными проектами могут похвастаться не более 10% всех корпораций. Более того, по данным исследования НАИРИТ, в 2009 г. произошел странный переворот: государство начало тратить на НИОКР и инновации больше, чем частные компании, став более интересным и активным участником научно-исследовательской инновационной деятельности, чем бизнес. Даже государственный «Газпром» потратил на НИОКР всего 0,6 млрд долл., тогда как расходы госбюджета на эти цели составили 13 млрд долл. То есть поддержка государственного почина со стороны бизнеса остается весьма скромной.

Но можно ли проводить модернизацию не в одном элитарном наукограде, а во всей стране? Вокруг этого вопроса в экспертном сообществе в течение последнего года развернулась острая дискуссия, которую можно было бы назвать дискуссией о социальной базе модернизации. Появились скептики, считающие, что в России нет социальной базы для модернизации. Нобелевский лауреат Андрей Гейм, которому агентство «Reuters» предложило оценить перспективы взятого Россией курса, сказал, что «для таких изменений потребуется несколько поколений», а «прогресс будет идти очень медленно, по капле».

Огромный резонанс вызвало выступление президента ИНСОРа Игоря Юргенса «Что мешает модернизации России», в котором он прямо сказал, что ни российский народ, ни российская элита не заинтересованы в быстрых переменах. Однако социологические опросы, проведенные сразу несколькими исследовательскими организациями, показывают, что заинтересованность в модернизации огромная. Так, исследование, проведенное совместно компаниями «ЦИРКОН» и «ОМІ Russia», показало, что почти две трети взрослого населения Российской Федерации на предложение выбрать между «модернизацией» и «стабильностью» выбрали первый пункт. Аналогичные результаты продемонстрировал опрос пользователей Интернета, проведенный сервисом «Глас Рунета»: 76% поддержали модернизацию.

Правда, что такое «модернизация», опрошенные понимают совсем не так, как это говорится в руководящих документах. Так, в опросе ЦИРКОНа среди признаков, характеризующих модернизацию, самым важным 47% опрошенных назвали искоренение коррупции, вторым по важности – сокращение чиновников (42%). В опросе «Глас Рунета» также говорили о коррупции и сокращении госаппарата, а заодно и о независимости судебной системы.

О том, что эти результаты не являются случайными, свидетельствует доклад «Готово ли российское общество к модернизации», подготовленный Институтом социологии РАН и германским Фондом им. Фридриха Эберта. Из него следует, что главными приоритетами модернизации для россиян являются равенство перед законом, соблюдение прав человека (41% опрошенных), беспощадная и в итоге успешная борьба с коррупцией (38%), установление социальной справедливости (31%). И только 25% назвали в качестве приоритета формирование эффективной инновационной экономики. Таким образом, у общества есть запрос на модернизацию скорее институциональную, чем техническую. На заседании комиссии по модернизации, прошедшем на территории университета МИСИС, президент Медведев заявил, что модернизация не осуществима без борьбы с коррупцией и укрепления честной конкуренции.

Но поскольку институциональная модернизация идет с трудом, то уже не приходится удивляться, что, согласно данным исследования, проведенного Центром стратегических разработок, значительная часть «креативного класса» и часть правящей элиты по разным причинам не только не востребованы и не вовлечены в процесс модернизации, но и находятся в оппозиции к власти. Эту часть только в Москве оценивают в 500 тыс. человек!

Надежда остается на то, что каждый из уже созданных в России институтов развития будет интенсивно «обрабатывать свою полянку», в

результате чего количество разрозненных усилий перейдет в качество. Сегодня каждый из «модернизационных фондов» может похвастаться теми или иными успехами. По прогнозам Вексельберга, в ближайшие три-пять лет инвестиции в «Сколково» составят около 180–200 млрд руб. Интерес к инвестициям в проект уже проявили такие компании, как Microsoft, Intel, Cisco и Nokia. Например, Cisco уже объявила о намерении инвестировать в российские венчурные проекты 100 млн долл.

«Роснано» на сегодняшний день одобрило 94 проекта в 30 регионах РФ, их общий бюджет составляет 10 млрд долл., а инвестиции «Роснано» – более 4 млрд долл. Крупнейшим из тех, о которых имеется информация, является проект производства солнечных батарей компанией «Хевел» (бюджет – 20 млрд руб.). Совокупный размер венчурных фондов, созданных с участием РВК, достигает 21 млрд руб., региональных венчурных фондов – 9 млрд руб. Среди проектов, которые РВК относит к своим безусловным успехам, – разработка компании «Русские навигационные технологии», где создали не имеющую аналогов инновационную технологическую платформу, чей годовой оборот уже превысил 7 млн долл. Еще один любопытный проект РВК – производитель лазеров «Спектралюс», чья выручка может достигнуть к 2013 г. 700 млн долл.

Комиссия по модернизации при президенте сама располагает полномочиями по распределению бюджетных средств на поддержку инновационных проектов в сумме 168,9 млрд руб. в течение 2010–2012 гг. Сегодня крупнейшей из поданных в комиссию заявок является проект компании «Русал», которой требуется более 3 млрд руб. на создание сверхмощного электролизера и новой технологии производства алюминия. Во множестве мест – при университетах, институтах, заводах, в технопарках – возникают маленькие ростки нового технологического уклада. Превратятся ли они в сплошную «сеть» и когда это будет – сказать трудно, но сегодня ясно, что успех модернизации будет зависеть от того, насколько государство сможет побудить частных инвесторов соучаствовать в финансировании технологических заделов, чем уже занимаются государственные институты.

При этом отметим, что Саратовский государственный университет стал участником инновационного проекта «Сколково».

При реализации задач модернизации необходимо исходить не только из того, что представляет собой экономика современной России, но и из перспектив развития нашего общества. И вся проблема заключается в том, что отсутствуют научно обоснованная стратегия развития страны, соответствующие ей законодательная база и квалифицированные системы управления на различных уровнях и единая и четкая политическая воля. Не выстроены главные ориентиры

общественного развития¹, хотя основной из них хорошо известен – в центре всех реформ должен быть человек, его интересы, заботы, потребности.

Несмотря на временные всплески внимания власти, лидеров государства и политических партий (особенно в период избирательных кампаний) к населению, простым людям, серьезно данная проблема даже не рассматривается.

Неслучайно ежегодно около 100 тыс. россиян (а это специалисты, квалифицированные рабочие) покидают Родину, более 40% опрошенных россиян подумывают о выезде за границу. Так с

кем же, какими руками осуществлять модернизацию ныне?

Вот почему главной задачей является придание модернизации ярко выраженной социальной направленности. В противном случае она так и будет «запаздывающей» по отношению к нашей стране.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Осипов Г. В.* Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007. С. 672.

УДК 316.334.25

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЭТАПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В. А. Зубков

Саратовский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета
E-mail: volodia.zubkov@yandex.ru

Статья посвящена социологическому исследованию национальных аспектов инновационных преобразований аграрной экономики Саратовской области.

Ключевые слова: этнические группы, инновации, аграрная экономика, Саратовская область, стратегия развития.

Economic Behaviour of Rural Ethnic Groups in Saratov Region at the Stage of Rural Sector Modernization

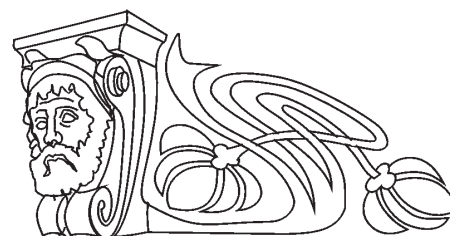
V. A. Zubkov

The article covers sociological research of national aspects of innovative reforms in Saratov Region agrarian economy.

Key words: ethnic groups, innovations, agrarian economy, Saratov Region, development strategy.

Успешная реализация заявленной Президентом РФ Д. Медведевым программы инновационного развития экономики требует постоянного, последовательного и целеустремленного воздействия со стороны всех властных структур.

Не остаются эти вопросы и без внимания ученых. Но необходимо отметить, что такие исследования в российской социологии посвящаются либо отношению населения к широкому спектру ключевых вопросов модернизации, либо, в лучшем случае, анализу современного социокультурного контекста инновационных преобразований, безотносительно различных на-

циональностей Российской Федерации. В этом отношении наиболее показательна, пожалуй, работа С. А. Рмахановой¹.

Как нам представляется, в процессе разработки и тем более реализации аграрной стратегии ни в коем случае нельзя игнорировать национальный вопрос. Население Саратовской области вообще, и сельское население в частности, является многонациональным. Поэтому важно выяснить, каким инновационным потенциалом обладают различные этносы, как этот потенциал сказывается на результативности их деятельности в изменяющихся современных условиях и каковы возможности его наращивания в перспективе.

При этом наиболее предпочтительным, но одновременно и чрезвычайно сложным нам представляется вариант, в котором органично консолидируются усилия региональных органов власти, бизнеса и территориального социального сообщества в реализации целевых программ, направленных на диверсификацию региональной экономики, стимулирование внутреннего спроса и привлечение в региональную экономику дополнительных и значительных инвестиций. В таком варианте применительно к сельской подсистеме наилучшим образом координируются пространственное развитие сельской территории Саратовской области с механизмом экономического роста, нацеленным на повышение конку-

общественного развития¹, хотя основной из них хорошо известен – в центре всех реформ должен быть человек, его интересы, заботы, потребности.

Несмотря на временные всплески внимания власти, лидеров государства и политических партий (особенно в период избирательных кампаний) к населению, простым людям, серьезно данная проблема даже не рассматривается.

Неслучайно ежегодно около 100 тыс. россиян (а это специалисты, квалифицированные рабочие) покидают Родину, более 40% опрошенных россиян подумывают о выезде за границу. Так с

кем же, какими руками осуществлять модернизацию ныне?

Вот почему главной задачей является придание модернизации ярко выраженной социальной направленности. В противном случае она так и будет «запаздывающей» по отношению к нашей стране.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Осипов Г. В.* Социология и общество. Социологический анализ российской смуты. М., 2007. С. 672.

УДК 316.334.25

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА ЭТАПЕ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

В. А. Зубков

Саратовский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета
E-mail: volodia.zubkov@yandex.ru

Статья посвящена социологическому исследованию национальных аспектов инновационных преобразований аграрной экономики Саратовской области.

Ключевые слова: этнические группы, инновации, аграрная экономика, Саратовская область, стратегия развития.

Economic Behaviour of Rural Ethnic Groups in Saratov Region at the Stage of Rural Sector Modernization

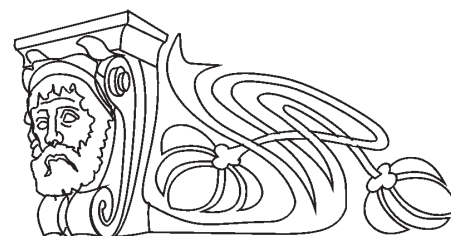
V. A. Zubkov

The article covers sociological research of national aspects of innovative reforms in Saratov Region agrarian economy.

Key words: ethnic groups, innovations, agrarian economy, Saratov Region, development strategy.

Успешная реализация заявленной Президентом РФ Д. Медведевым программы инновационного развития экономики требует постоянного, последовательного и целеустремленного воздействия со стороны всех властных структур.

Не остаются эти вопросы и без внимания ученых. Но необходимо отметить, что такие исследования в российской социологии посвящаются либо отношению населения к широкому спектру ключевых вопросов модернизации, либо, в лучшем случае, анализу современного социокультурного контекста инновационных преобразований, безотносительно различных на-

циональностей Российской Федерации. В этом отношении наиболее показательна, пожалуй, работа С. А. Рмахановой¹.

Как нам представляется, в процессе разработки и тем более реализации аграрной стратегии ни в коем случае нельзя игнорировать национальный вопрос. Население Саратовской области вообще, и сельское население в частности, является многонациональным. Поэтому важно выяснить, каким инновационным потенциалом обладают различные этносы, как этот потенциал сказывается на результативности их деятельности в изменяющихся современных условиях и каковы возможности его наращивания в перспективе.

При этом наиболее предпочтительным, но одновременно и чрезвычайно сложным нам представляется вариант, в котором органично консолидируются усилия региональных органов власти, бизнеса и территориального социального сообщества в реализации целевых программ, направленных на диверсификацию региональной экономики, стимулирование внутреннего спроса и привлечение в региональную экономику дополнительных и значительных инвестиций. В таком варианте применительно к сельской подсистеме наилучшим образом координируются пространственное развитие сельской территории Саратовской области с механизмом экономического роста, нацеленным на повышение конку-

рентоспособности сложившегося сельскохозяйственного производства региона, инновационное обновление аграрной экономики и дальнейший рост социальной активности сельского населения.

К сожалению, в Саратовской области осуществление масштабных инновационных преобразований в экономике пока никак себя не проявляет. По-прежнему низка норма накопления, малы инвестиции в основные производственные фонды. Медленно снижается доля населения, живущего за пределами прожиточного минимума. Недостаточна мотивация труда в большинстве отраслей материального и нематериального производства, включая и сельское хозяйство. Отсюда – существенные проблемы с повышением эффективности административного управления и результативностью сформированной рыночной экономики.

Как показывает проведенный нами анализ, при разработке стратегии развития аграрного сектора Саратовской области до 2025 г. возможны три сценария: *инерционный*, *экстраполяционный* и *интенсивный*. Однако первые два не соответствуют требованиям инновационного развития, а инерционный хотя и способен обеспечить стабильное развитие аграрной экономики области как минимум до 2014–2015 гг., но лишь при условии, что Россия не вступит в ВТО. Поэтому в качестве единственного перспективного пути долгосрочного развития сельского хозяйства остается интенсивный сценарий. При его реализации Саратовская область как приграничная территория России до 2025 г. может стать не только одной из опорных точек обеспечения национальной безопасности на евразийском пространстве, но и крупным экспортером сельскохозяйственной продукции в Российской Федерации, имеющим крепкие межрегиональные и международные связи.

Но чтобы достичь этих целей, уже в среднесрочной перспективе необходимо предусмотреть: во-первых, опережающий рост уровня жизни сельского населения по сравнению с городским; во-вторых, ускоренное развитие в сельской местности образования, здравоохранения и жилищного строительства; в-третьих, существенное увеличение государственной помощи малоимущим группам сельских жителей; в-четвертых, равные условия доступа к объектам социальной инфраструктуры для разных групп сельского населения; в-пятых, дополнительные меры по обеспечению занятости дееспособного сельского населения, привлечению и закреплению в сельском хозяйстве квалифицированных кадров и молодых специалистов.

В долгосрочной перспективе необходимо обеспечить: комплексное развитие сельской социальной инфраструктуры; поддержание и совершенствование сельской поселенческой сети; выравнивание уровня и качества жизни различных социальных групп сельского населения; создание на селе равных с городом условий для получения

доходов; сближение социальных условий жизни в деревне с городскими. Нужны также специальные целевые программы по развитию ведущих промышленных и культурных центров области – Балаково, Энгельса, Вольска, Балашова, Ртищево.

Не позднее 2013–2014 г. необходимо также разработать и внедрить на областном уровне эффективный экономический механизм повышения трудовой активности населения, занятого в аграрном секторе, более рационального использования трудового потенциала села за счет размещения в сельской местности объектов производственной инфраструктуры АПК, подсобных производств и предприятий несельскохозяйственных отраслей, развития кооперативных форм трудовой деятельности. Целесообразно осуществить и неотложные меры по привлечению в деревню части дееспособного городского населения, бывших военнослужащих и мигрантов из других регионов России и республик СНГ.

В аграрной политике Саратовской области необходим переход к тактике «прорывов» в развитии тех отраслей и подкомплексов АПК, где можно в короткие сроки получить максимальный экономический эффект при минимальных затратах трудовых, материально-технических и финансовых ресурсов. Региональной власти следует наметить мероприятия по созданию эффективной системы управления областными и муниципальными землями, внедрению экономических моделей рационального землепользования по всем категориям земель, возможно, не лишним стало бы создание регионального института земли, одной из главных задач которого была бы разработка экономических и прогнозных моделей управления АПК, комплексных схем развития сельских территорий.

Насколько это возможно в национальном аспекте? Чтобы хотя бы в первом приближении осветить эту проблему, весной 2011 г. нами в Вольском, Балаковском, Саратовском и Энгельском районах области было проведено разведывательное социологическое исследование, посвященное вербальным действиям и поведению различных этнических групп населения в процессе модернизации аграрной экономики. Учитывая оперативный характер, исследование проводилось по упрощенной программе с использованием наиболее доступных методов сбора первичной социологической информации и стихийного принципа отбора единиц выборочной совокупности. Всего было опрошено 117 человек, в том числе: 81,6% русских, 8,3% казахов, 4,7% украинцев, 2,5% татар, 2,9% – остальные национальности². Среди опрошенных 64,7% женщин и 35,3% мужчин, а также 4,9% (7 чел.) попавших в выборку руководителей разного ранга, которые дополнительно использовались нами в качестве экспертов. Из респондентов 18% имеют высшее и незаконченное высшее образование, 69,4% – среднее и среднее специальное образование, остальные предпочли уклониться от ответа на этот вопрос.

Учитывая, что выборка недостаточно репрезентативна, результаты опроса мы предпочли использовать, во-первых, для обоснования гипотезы о существовании связи между этнической принадлежностью респондентов и их готовностью к новым инновационным изменениям аграрной экономики, а во-вторых, для последующего описания формирующихся здесь тенденций, предполагая в дальнейшем повторить это исследование на той же самой выборке.

При анализе результатов опроса выявились следующие общие моменты, заслуживающие внимания.

Во-первых, нам не удалось выявить устойчивой связи между этнической принадлежностью респондента и его готовностью к реальным инновационным преобразованиям в экономике. Причем в первую очередь это касается лиц, уже занимающихся предпринимательской деятельностью. Обозначенные суждения у предпринимателей не носят глубинного характера, а в значительной степени определяются складывающейся ситуацией, хотя, по мнению подавляющего большинства опрошенных, средней оценкой положения дел в сельской экономике с натяжкой является «удовлетворительно», то есть 3 балла.

Видимо, нельзя игнорировать и тот факт, что аграрный бизнес, особенно в сфере сбыта и переработки сельскохозяйственной продукции, традиционно подвержен высокому риску из-за нестабильных природно-климатических условий, несовершенства существующей системы страхования и непоследовательности современной аграрной политики российского государства. Именно поэтому, как мы полагаем, большинство респондентов предпочитают стабильный и устойчивый доход для своей семьи (73%). Иными словами, для всех этнических групп характерно стремление сохранить свое материальное положение в современных экономических и политических условиях, подвергаясь минимальному экономическому риску.

И, наконец, инновационные преобразования в сельском хозяйстве напрямую связаны с высокопродуктивными сортами растений и породами животных, современными энергосберегающей техникой и технологиями, внедрением новых элементов организации и управления производством, повышением квалификации работников аграрного сектора, улучшением условий жизни на селе, наконец, со стимулированием личного интереса сельского предпринимателя, ученого сельскохозяйственного профиля и рядового работника сельского хозяйства. Причем основной здесь являются земельные отношения, составляющие ядро кардинальных аграрных преобразований, в совершенствовании которых почти 80% респондентов, учитывая печальный опыт приватизации «по А. Чубайсу», просто не верят. А это проблема, решаемая не столько на уровне индивидуального сельского предпринимателя, сколько на уровне государства,

региональных и муниципальных органов власти, доверия которым в полной мере тоже нет.

Во-вторых, массовому сознанию жителей села присущ конфликт ценностей, когда равенство доходов выглядит привлекательнее равенства возможностей, что не стимулирует каких-либо инноваций даже на ментальном уровне. Применительно к населению России в целом этот феномен ученые ИКСИ РАН впервые зафиксировали в 2003 г., когда 45,2% опрошенных указали, что предпочитают жить в обществе социального равенства, а не в обществе индивидуальной свободы, которое выглядело предпочтительнее только для 25,3% опрошенных³. Оказалось, что по отношению к сельским жителям этот фактор полностью сохранил свою значимость и сейчас, поскольку в нашем исследовании за него высказалось более 65% респондентов.

В-третьих, в сельском сообществе по-прежнему наблюдается размывание нравственных критериев, зафиксированное в свое время В. Н. Кузнецовым⁴. Это проявляется через снижение в мотивации респондентов таких ценностных ориентаций нормативно-регулятивного ряда, как чистая совесть, порядочность, патриотизм, национальная гордость, чувство служения другим людям. С учетом нашего исследования можно согласиться с Т. А. Панковой, что у преобладающей части сельской молодежи, вне зависимости от национальности, основными моральными регуляторами поведения и деятельности до сих пор выступают эмоции (чувства), а не разум. Причем право на индивидуальность молодежь связывает исключительно с возможностью личного обогащения, а ведущее место у представителей молодого поколения занимает такая цель, как «научиться зарабатывать деньги и приумножить свой капитал»⁵. Казалось бы, для инноваций это неплохо, но на селе формируется специфический тип социальной среды с высокой степенью неопределенности и риска, способностью к аккумуляции и расширенному воспроизводству криминальных рисков при отсутствии эффективных институциональных механизмов обеспечения гражданской социализации. В итоге резко снижается результативность профессиональной, качественной и эффективной работы, падает престиж труда в сельскохозяйственном производстве, особенно среди сельской молодежи и молодых выпускников вузов и колледжей аграрного профиля, и, соответственно, угасают перспективы каких-либо инновационных преобразований.

В-четвертых, для села очевидна тенденция деградации человеческого капитала и кризис социализации на основе серьезного ослабления социальной индивидуальной ответственности, причем в первую очередь это касается экономически активного населения. Это тем более прискорбно, поскольку в постиндустриальном обществе важнейшей сущностной характеристикой экономики становится способность к эффективным

качественным и структурным сдвигам, что предполагает наличие творчества не только в производственной, но и в непроизводственных видах деятельности человека.

В-пятых, не оправдывает себя, к сожалению, и такой важнейший социальный институт, как сельское самоуправление. И это не случайно: сказывается чрезмерный административный капитал. Например, один из авторов исследования, посвященного в свое время местному сельскому самоуправлению, перечисляя возможные его формы (от открытых собраний, создания комитетов отдельных улиц и деревень и до пропаганды здорового образа жизни), справедливо указывает, что реализация этих и других направлений не может быть осуществлена спонтанно, сама по себе, без внешнего организующего воздействия. В качестве такой «внешней» организующей силы могут выступать *только* местные органы самоуправления⁶. Иначе они лишаются поддержки населения, не могут выполнять свою основную функцию – эффективное обеспечение взаимосвязи сельского социума с государственными структурами для решения как местных, так и общенациональных задач, – и автоматически превращаются в придаток государственного аппарата.

Вместе с тем результаты нашего исследования выявили определенные этнические нюансы.

В принципе, к серьезным инновационным изменениям своего аграрного бизнеса психологически наиболее готовы немцы и представители группы остальных национальностей. Именно среди них большинство проявляет убежденность в том, что деньги решают все и что во имя их преумножения можно пойти на значительный риск. Последнее могло бы, вероятно, удивить, если не знать, что в нашей выборке группу остальных национальностей представляют армяне, азербайджанцы и чеченцы, изначально и активно участвующие в предпринимательской деятельности в постсоветский период. Этим этническим группам удалось успешнее других национальностей адаптироваться к современным рыночным отношениям.

Тем не менее здесь выделяется небольшая группа предпринимателей с доходом значительно выше среднего и высоким уровнем образования (6 чел., 5,1% выборки), которые категорически не приемлют каких-либо перемен в своем аграрном бизнесе, но желают позитивных изменений в политической и социальной сферах сельской жизни и готовы их активно поддержать при соответствующей политике государства.

Наиболее консервативной предстала славянская группа (русские и украинцы), за исключением молодежи до 25 лет, которая ориентирована на получение высоких доходов и готова использовать любые инновации для увеличения прибыли, пусть и с риском для себя. Однако удельный вес этой группы в нашем исследовании не превышает 3%.

Выжидательную позицию заняли казахи и татары, однако для получения более объективных выводов здесь необходимы дополнительные специализированные исследования. Дело в том, что в этой группе наблюдается преобладание замужних женщин в возрасте от 25 до 45 лет, имеющих по несколько детей. Многие из них работают в общественном производстве. Отсюда – жалобы в личных интервью на чрезмерную нагрузку, нервное перенапряжение, физическую усталость, отсутствие полноценного отдыха, проблемы со здоровьем. Тем не менее среди предпочтений на первом месте у них семья и личное подсобное хозяйство. Почему?

В условиях резкого снижения текущих доходов семья становится базой физического выживания основной массы сельского населения. Еще в 2003 г. В. В. Папиорковский писал: «...до 2010 г. около 50% сельских домохозяйств будут производить и реализовывать соответственно продукцию для целей повышения личного благосостояния, то есть в режиме устойчивого развития. Еще около 30% домохозяйств по-прежнему будут заниматься производством продукции подворья, главным образом, в режиме выживания, то есть для собственного потребления и поиска денежных средств с целью латания дыр в семейном бюджете. В оставшихся 20% домохозяйств производство продукции личного подворья будет минимальным или полностью отсутствовать, причем делаться это будет по двум прямо противоположным причинам: для 5% – за ненадобностью – богатые, а для 15% – в связи с полной недееспособностью, крайней формой немощности и бедности»⁷. Заканчивается уже 2011 г., но до сих пор наше село не оправилось от экономического кризиса 2008 г. Естественно, для женщин сейчас важнее стабильное положение, нежели какие-либо личные эксперименты с неясным результатом в экономической сфере.

С другой стороны, в этой группе материальное положение семьи оценивается преимущественно как «удовлетворительное», а ввиду более высокого образовательного уровня конкурентоспособность женщин по сравнению с мужчинами выше. Следовательно, правомерно говорить не об устойчивой тенденции в ментальности и поведении женщин казахской и татарской национальности, а скорее, о специфической ситуации, сложившейся на селе в последние годы и наложившей своеобразный отпечаток на каждую сельскую семью. В результате, видимо, происходит вынужденная адаптация женской части населения к новым жизненным реалиям и соответствующая корректировка идеалов и ценностных ориентиров.

По мнению экспертов, сейчас наблюдается неопределенность в оценке степени готовности и реального участия представителей этнических групп в инновационных преобразованиях на селе. При этом положительная реакция на ментальном уровне (около 9,5% опрошенных) отнюдь не

гарантирует соответствующего инновационного поведения. Однако выявляется определенная связь между этнической принадлежностью респондентов и их желанием к скорейшему изменению аграрной экономики и социально-экономических условий жизни на селе.

В целом можно констатировать, что в национальном аспекте Саратовская область к глубоким инновационным преобразованиям аграрного сектора экономики на ментальном уровне пока не готова.

Эти особенности поведения этнических групп сельского населения, безусловно, необходимо учитывать при разработке инновационной политики в многонациональных районах Саратовской области, а новые формы и методы хозяйствования должны соответствовать ориентации и предпочтениям проживающих здесь этнических групп.

Тем не менее мы полагаем, что наши выводы нуждаются в дополнительной проверке, чтобы исключить влияние других факторов, не относящихся к этническому статусу исследованных нами групп.

Примечания

- 1 Рмаханова С. А. Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп : социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2008.
- 2 По переписи 2002 г. среди населения Саратовской области русские составляли 85,94%, казахи – 2,94%, украинцы – 2,52%, татары – 2,16%, армяне – 0,94%, азербайджанцы – 0,62%, немцы – 0,45%, чеченцы – 0,32%.
- 3 См.: Социологическое исследование : Россияне о судьбах России и своих надеждах. М., 2003. С. 19.
- 4 См.: Кузнецов В. Н. Социология безопасности. М., 2003.
- 5 См.: Панкова Т. А. О становлении нравственных и гражданских позиций школьников // Социс. 2002. № 5. С. 111–116.
- 6 См.: Сергеев П. В. Местное самоуправление в системе социально-экономического развития села : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук. М., 2004. С. 30.
- 7 Пацюрковский В. В. Сельская Россия : 1991–2001 гг. М., 2003. С. 345.

УДК 334.012.023 (470) (09)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ

Г. А. Черемисинов

Саратовский государственный университет,
E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматриваются долгосрочные циклические изменения в социально-экономических процессах и институтах.

Ключевые слова: концепция больших циклов, социально-экономические институты и процессы, экономика России.

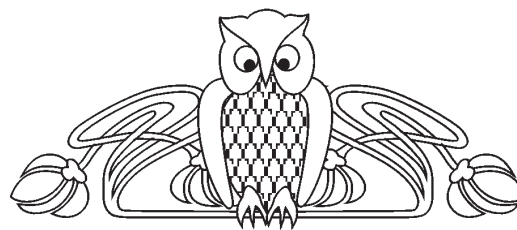
Socio Economic Aspects the Concepts of the Large Cycles

G. A. Cheremisinov

In this article the author considers long-term cyclic changes of socio economic processes and institutes.

Key words: concept of the large cycles, socio economic institutes and processes, Russian economy.

Модель больших циклов (длинных волн) Н. Д. Кондратьева, в основе которых лежат процессы перестройки всей социально-экономической структуры, охватывающие полувековой временной горизонт (45–60 лет), обладает серьезным концептуальным научно-практическим потенциалом и может служить методико-методологической основой для социально-экономических исследований и прогнозирования долгосрочных тенденций

развития российской экономики. Теоретическая модель кондратьевских циклов – уникальный инструмент познания. Заложённый в ней принцип снимает формально-логические противоречия между индивидуально-описательным (идеографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается и как результат стихийного сцепления обстоятельств, и как звено в закономерной цепи явлений. Систематизация явлений, выяснение их повторяемости во времени дают в руки исследователям ключ к толкованию причин общественных процессов, к постижению логики истории. На основе опыта прошлого, конечно, со всеми оговорками, можно предсказывать вероятное наступление событий в будущем.

Все элементы больших циклов взаимосвязаны, но ни один из них не является первопричиной длинной волны. Экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися случайными, приходящими извне, такими как открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых, научные достижения, во-

гарантирует соответствующего инновационного поведения. Однако выявляется определенная связь между этнической принадлежностью респондентов и их желанием к скорейшему изменению аграрной экономики и социально-экономических условий жизни на селе.

В целом можно констатировать, что в национальном аспекте Саратовская область к глубоким инновационным преобразованиям аграрного сектора экономики на ментальном уровне пока не готова.

Эти особенности поведения этнических групп сельского населения, безусловно, необходимо учитывать при разработке инновационной политики в многонациональных районах Саратовской области, а новые формы и методы хозяйствования должны соответствовать ориентации и предпочтениям проживающих здесь этнических групп.

Тем не менее мы полагаем, что наши выводы нуждаются в дополнительной проверке, чтобы исключить влияние других факторов, не относящихся к этническому статусу исследованных нами групп.

Примечания

- ¹ Рмаханова С. А. Феномен модернизации и его отражение в сознании субэлитарных групп : социокультурный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новосибирск, 2008.
- ² По переписи 2002 г. среди населения Саратовской области русские составляли 85,94%, казахи – 2,94%, украинцы – 2,52%, татары – 2,16%, армяне – 0,94%, азербайджанцы – 0,62%, немцы – 0,45%, чеченцы – 0,32%.
- ³ См.: Социологическое исследование : Россияне о судьбах России и своих надеждах. М., 2003. С. 19.
- ⁴ См.: Кузнецов В. Н. Социология безопасности. М., 2003.
- ⁵ См.: Панкова Т. А. О становлении нравственных и гражданских позиций школьников // Социс. 2002. № 5. С. 111–116.
- ⁶ См.: Сергеев П. В. Местное самоуправление в системе социально-экономического развития села : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук. М., 2004. С. 30.
- ⁷ Пацюрковский В. В. Сельская Россия : 1991–2001 гг. М., 2003. С. 345.

УДК 334.012.023 (470) (09)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ

Г. А. Черемисинов

Саратовский государственный университет,
E-mail: Cheremisinov@inbox.ru

В статье рассматриваются долгосрочные циклические изменения в социально-экономических процессах и институтах.

Ключевые слова: концепция больших циклов, социально-экономические институты и процессы, экономика России.

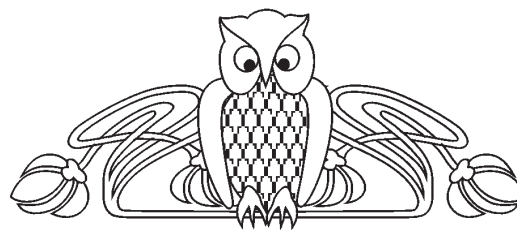
Socio Economic Aspects the Concepts of the Large Cycles

G. A. Cheremisinov

In this article the author considers long-term cyclic changes of socio economic processes and institutes.

Key words: concept of the large cycles, socio economic institutes and processes, Russian economy.

Модель больших циклов (длинных волн) Н. Д. Кондратьева, в основе которых лежат процессы перестройки всей социально-экономической структуры, охватывающие полувековой временной горизонт (45–60 лет), обладает серьезным концептуальным научно-практическим потенциалом и может служить методико-методологической основой для социально-экономических исследований и прогнозирования долгосрочных тенденций

развития российской экономики. Теоретическая модель кондратьевских циклов – уникальный инструмент познания. Заложённый в ней принцип снимает формально-логические противоречия между индивидуально-описательным (идеографическим) и абстрактно-схематическим (номографическим) подходами. Любое историческое событие понимается и как результат стихийного сцепления обстоятельств, и как звено в закономерной цепи явлений. Систематизация явлений, выяснение их повторяемости во времени дают в руки исследователям ключ к толкованию причин общественных процессов, к постижению логики истории. На основе опыта прошлого, конечно, со всеми оговорками, можно предсказывать вероятное наступление событий в будущем.

Все элементы больших циклов взаимосвязаны, но ни один из них не является первопричиной длинной волны. Экономические процессы органически сочетаются с событиями, кажущимися случайными, приходящими извне, такими как открытие и освоение новых месторождений полезных ископаемых, научные достижения, во-

енно-политические и социальные конфликты. Изучение различных сфер человеческого общества с точки зрения их соответствия друг другу не менее значимо, чем выделение отдельных доминирующих причинно-следственных связей.

Воспроизводственные циклы задают своеобразную форму развитию общественных явлений. Оно протекает как процесс взаимодействия противоположных тенденций, попеременного преобладания каждой из них, где возможны спады и подъемы, своя периодичность. Модели экономических циклов описывают развитие и разрешение противоречий интересов субъектов как периодические процессы, в результате которых осуществляется воспроизводство противоречий. Циклическая форма развития политико-экономических противоречий показывает повторяемость событий, взаимосвязь факторов и закономерности социально-экономического процесса, в ходе которого причина и следствие могут меняться местами.

В теоретической модели больших циклов взаимодействует несколько факторов: накопление капитала, динамика банковского процента, формирование и развитие рынков сбыта продукции, изменение соотношения сил различных стран на мировом рынке и передел сфер влияния в международном хозяйстве, действие социальных групп внутри отдельных государств, использование достижений науки и техники в производстве, функционирование денежной системы. Полувековые волны характеризуют процессы перестройки всей социально-экономической структуры. В рамках теории циклов возможно совмещение методологии динамических макроэкономических моделей и институционализма.

Концепция больших циклов объясняет закономерные процессы переплетения технологических, социально-демографических и экологических факторов общественного развития. Отраслевая структура исторически формируется как «слоеный пирог». Сферы деятельности, лежащие в ее основании, уже прошли стадию зрелости. Они служат источником финансовых, трудовых и материальных ресурсов для новых отраслей, которые инициируют колебания долгосрочной конъюнктуры.

Демографическая ситуация в стране зависит как от естественного прироста (убыли), так и от миграции населения. Движение рабочей силы тесно связано с направлениями потоков капитальных вложений, созданием условий занятости и приемлемого уровня доходов. Во время восходящей фазы большого цикла усиливается приток дешевой рабочей силы с периферии мирового хозяйства в индустриальные центры, а также во вновь осваиваемые регионы. Наплыв трудовых ресурсов поддерживает высокие темпы накопления и препятствует резкому повышению заработной платы. Но ухудшение конъюнктуры делает безработными миллионы людей, прежде всего иммигрантов и

переселенцев. Происходящие в точках соединения двух волн сдвиги в экономике сопровождаются большими трениями, пока квалификационный состав рабочей силы не придет в соответствие с запросами производства. Текущая безработица в эти годы становится структурной, вынужденной и длительной. Конкуренция еще больше снижает издержки на оплату труда и занятость. Поэтому миграция рабочей силы, доходы в сочетании с уровнем занятости и индексами цен во многом будут определять резервы экономического роста нашей страны в ближайшие годы.

Экологическая составляющая воспроизводства (плодородие почв, месторасположение земельных участков, содержание полезных компонентов в природных ресурсах, богатство лесных угодий и рыбных промыслов, погодно-климатические характеристики и т. д.) накладывает свой отпечаток на функционирование хозяйственного механизма, влияет на колебание цен. Динамика цен на сельскохозяйственную продукцию и товары добывающей промышленности – один из ключевых элементов больших циклов конъюнктуры. Довольно высокий уровень мировых цен на сельхозпродукцию и топливно-сырьевые ресурсы отмечается во время повышательных волн. Напротив, дешево продаются указанные товары в периоды депрессивного состояния мирового хозяйства.

Рост цен всякий раз стимулировал предложение продовольствия и природных материалов, но в то же время подталкивал к поиску альтернативных источников. Долгосрочный инвестиционный бум обычно начинался с использования новых видов топлива и сырья, то есть с более интенсивной эксплуатации природных запасов. Ресурсные ограничения преодолевались, однако возникали новые пределы разрушительного воздействия на окружающую среду. Завершение очередного цикла знаменовалось ухудшением экологической обстановки.

Концепция больших циклов в экономике показывает, что хозяйственная деятельность человека не только создает экологические проблемы, но и находит пути их решения. Как правило, новый большой цикл начинается с появления научно-технических решений и технологий, способных улучшить использование сырья и топлива в производстве продуктов и услуг. Обновляется ресурсная база промышленности. Это позволяет снижать нагрузку на окружающую среду. Кроме того, возникают более экологически чистые технологии.

Изменения в структуре отраслей могут уменьшать долю производств, оказывающих наиболее разрушительное воздействие на природу. Долговременный экономический подъем сопровождается усиленным созданием и накоплением капитала. Приток средств в экономику позволяет направлять деньги на устранение последствий разрушения экологии, на предотвращение возможного загряз-

нения природы. Сегодня, на стыке двух больших волн, закладываются предпосылки выхода из очередного глобального экологического кризиса.

Большие циклы определяют динамику развития хозяйственного механизма общества, который можно рассматривать как своеобразную хозяйственную парадигму: систему экономических знаний и практических навыков, образцов (примеров) поведения, стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных форм, правовых, культурных, религиозных норм, идеологических установок. У каждого народа образуется свое сочетание частного почина и государственной регламентации, идеологии индивидуализма и соборности, почитания традиций и веры в здравый смысл. Оно формирует тип работника, трудовую этику, потребности, хозяйственное право, которые придают национальные особенности экономике.

Господствующие образцы хозяйственного поведения сводят воедино обособленные устремления разных людей, социальных групп, коммерческих предприятий и некоммерческих учреждений, государственных органов управления. Перечисленные субъекты вынужденно приспособляются к существующей экономической ситуации. В то же время они деятельно, соразмерно собственной мощи видоизменяют условия хозяйствования, приближают грядущие структурные сдвиги в экономике, подготавливают очередную реформу экономической мысли и хозяйственных регуляторов. При этом возникает напряженность и зреют конфликты между социальными силами, благополучие которых связано с новоявленной или изживаемой системой ценностей.

Смена хозяйственных парадигм, как правило, сопряжена с коренной перестройкой отраслевой структуры экономики, когда освоение серии научно-технических достижений и передовых технологий создает перспективные сферы и формы организации предпринимательства. Межотраслевой перелив капитала направляет людей на открываемые рабочие места. Распределение занятости трудоспособного населения определяет интересы, идеологические предпочтения и расстановку сил социальных групп, формирует неповторимый социально-исторический «портрет» каждого цикла. В то же время происходят изменения в системе стимулов и регуляторов воспроизводства, организационных и правовых форм хозяйственной деятельности.

Концепция больших циклов является одной из важнейших теоретико-методологических предпосылок миросистемного анализа. Большие циклы – это мирохозяйственная модель, охватывающая межстрановые и внутривострановые социально-экономические процессы. Изучение истории хозяйства России в длинноволновом аспекте органично включает ее в мирохозяйственный контекст. Исследуется взаимосвязь

внешних и внутренних факторов долгосрочного социально-экономического развития нашей державы. Методологически снимается противопоставление политико-экономического воздействия извне (зарубежных сил) и изнутри (различных групп россиян) на ход отечественной истории, особенно в периоды системной трансформации, реформирования и революционных потрясений.

Модель кондратьевских циклов преодолевает односторонность теоретических схем микро- и макроэкономики, углубляет понимание роли государства в экономической системе. Государство рассматривается как субъект хозяйственных отношений внутри страны и на мировой арене, который связывает уровни взаимодействия и теоретические схемы национальной и международной экономики. Циклический миросистемный анализ позволяет выявлять общие моменты, закономерности и специфику социально-исторического развития российской экономики в условиях международного разделения труда.

Существует возможность приращения социально-экономических знаний посредством изучения фазовых особенностей больших циклов. Переход от исследования восходящей волны к исследованию нисходящей, и наоборот, от изучения Б-фазы к изучению А-фазы предполагает смену исходных теоретических посылок и построение моделей, описывающих специфику каждой из фаз в рамках единой концепции.

Такой подход отражает реальные историко-экономические изменения при чередовании фаз больших циклов: обновление «исторических декораций», то есть условий существования мирового хозяйства; смену моделей экономического развития (устойчивый рост, многолетняя депрессия); перестройку социально-экономической структуры (социальных групп, отраслей, институтов, организационных форм хозяйствования, идеологических предпочтений и т. д.); реформирование механизмов хозяйственного регулирования; перекраивание системы международного разделения труда и рыночных связей; переориентацию потоков инвестиций, рабочей силы, сырья, научно-технических знаний; системную трансформацию в мире и в отдельных странах; изменение форм конкурентной борьбы (политико-экономическое соперничество, военное противостояние).

Воспроизводственный подход позволяет понять не только колебания экономического роста, но и обратимость некоторых институциональных изменений, периодичность и закономерности развития предпринимательства «за казенный счет». «Длинноволновое обрамление» помогает объяснить «переходные» состояния отечественного хозяйства, определять исторический вектор перестройки социально-экономических институтов.

Национальную экономику следует рассматривать как многоуровневую (многоукладную) систему, построенную по принципу иерархически подчиненной пирамиды. В ней (снизу вверх)

присутствуют: дорыночный сектор натурального домашнего хозяйства; сектор индивидуальной трудовой деятельности и кооперативов; мелкие и средние предприятия, в том числе и розничной торговли; корпоративный сектор, включая оптовую торговлю, биржи и банковские учреждения; государственный сектор.

Каждому укладу присущи свои цели ведения хозяйственной деятельности и свои экономические регуляторы, а также свой наиболее эффективный состав отраслей экономики. Вышерасположенный уклад – «надстройка» – играет ведущую роль по отношению к нижестоящему в иерархии укладу. Интересы субъектов внутри уклада также структурируются по их политико-экономической силе. «Пирамидальная» концепция укладов объясняет взаимосвязь и соподчиненность хозяйственных отношений, приоритет интересов политико-хозяйственной бюрократии (высшего эшелона госаппарата и главных управленцев корпоративного сектора).

Обычно в стране наблюдается взаимодействие и достижение известного соответствия между состоянием хозяйственного механизма, соподчинением интересов социальных групп, соотношением частного и государственного предпринимательства, законодательным регламентированием экономической деятельности, а также динамикой колебаний конъюнктуры. Государство играет решающую роль в формировании структуры и установлении порядка функционирования перечисленных компонентов социально-экономической сферы. Они составляют круг тех обстоятельств, к которым приспосабливается правящая власть и которые она приспосабливает к собственным нуждам.

Хозяйственные отношения государства регламентируются нормами публичного и гражданского права. Пропорции между публично-правовой и гражданско-правовой деятельностью обуславливают структуру и размеры казенного предпринимательства, показывают объем ресурсов, присваиваемых и используемых им безвозмездно, с некоторой долей возмездности и за счет эквивалентного товарно-денежного обмена. Границы распространения государственного хозяйствования очерчивают пределы, в которых допускается частное ведение дел.

Государство не только выступает гарантом соблюдения принятых нормативных актов, но и способно менять «правила рыночной игры», пренебрегая ради своей выгоды потребностями любых физических лиц и организаций. Законодательство дает возможность государственному аппарату определять социальную стратификацию (расслоение общества на группы по различным признакам – доходам, имуществу, профессиям и т. д.), управлять социальной мобильностью (передвижением людей из одного слоя в другой), сооружать удобную социальную иерархию. Бюрократия сохраняет свою незыбле-

мость, успокаивая конфликтующие силы, разрешая противоречия интересов социальных групп.

Правительство строит свои отношения с частными дельцами, кооперацией, казенными предприятиями и организациями, наемными работниками, всем населением, используя регламентируемые законодательством формы: бюджет, налоги, займы, кредитно-денежную эмиссию, процент по ссудам, заработную плату, доходы, прибыль, цены, обменный валютный курс, таможенные пошлины и т. п. Поименованные формы составляют хозяйственный механизм общества и механизм согласования многочисленных экономических интересов.

В «каркасе» социальной и институциональной структуры хозяйственного механизма развивается экономика страны, осуществляется важнейшее предпринимательство, складываются важнейшие макроэкономические пропорции и параметры. На пульсацию внутреннего рынка серьезно влияет работа «государственной машины» посредством текущего хозяйствования и переделки социально-экономических институтов.

Чередование периодов длительных спадов и подъемов в российской экономике совпадало с изгибами в тенденциях казенного предпринимательства, что свидетельствует об их тесной взаимообусловленности. Государственная власть уступала натиску объективного стечения обстоятельств и приспосабливалась к серьезным изменениям конъюнктуры. В то же время правительственные мероприятия оказывали прямое влияние на пульсацию хозяйственной жизни страны, определяли размах и частоту конъюнктурных колебаний. Кроме того, высшее политико-хозяйственное руководство по собственному почину перекраивало систему рыночного регулирования, изменяло «правила игры» – правовые нормы и обычаи – в экономике. Всякий раз коренное обновление правительственной стратегии намечало перелом в долгосрочных тенденциях развития экономики. Реформация выполняла функцию «стрелок», переводивших хозяйство страны с «пути» повышательной волны конъюнктуры на «путь» понижательной волны и наоборот.

В современной истории индустриальной экономики России можно выделить три типа периодов развития государственного предпринимательства. Стабильно развивающееся, устойчивое государственное предпринимательство имело место после отмены крепостного права в 1861 г. и до начала Первой мировой войны в 1914 г., а также с момента окончания первой пятилетки и завершения в основном коллективизации крестьянства в 1932 г. до развертывания рыночных реформ в 1989 г. Второй тип развития – чрезвычайная трансформация государственного предпринимательства – отмечался в годы Первой мировой и Гражданской войн и до перехода к нэпу в 1921 г., когда происходило замещение частного предпринимательства казенным, и в 1989–1998 гг., когда

государственное предпринимательство интенсивно преобразовывалось в частное ведение дел. Третьей разновидностью эволюции государственного предпринимательства была его реконструкция в годы нэпа, то есть в 1921–1932 гг., а также с начала XXI века.

Периоды стабильного развития государственного предпринимательства в рамках одной хозяйственной парадигмы продолжались немногим более полувека (1861–1913 гг. и 1933–1989 гг.), то есть были соизмеримы с длинными волнами. Они включали в себя фрагменты понижательных фаз больших циклов (общей протяженностью 25–30 лет), отличавшихся неустойчивым ростом, депрессивным состоянием экономики, и повышательные фазы больших циклов (в интервале 25–30 лет), демонстрировавших бурный хозяйственный подъем. Повышательные фазы были

связаны с государственной поддержкой освоения нового технологического уклада, колонизации и урбанизации малообжитых территорий, массовых миграций населения в места создания дополнительных рабочих мест, с проведением денежных реформ в 1897 и в 1947 гг.

Чрезвычайная трансформация (в 1914–1921 гг., 1989–1998 гг.) и реконструкция (в 1921–1932 гг.) государственного предпринимательства располагалась на отрезках понижательных фаз длинных волн. Кризисное разрушение хозяйственной парадигмы предшествовавшего большого цикла шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Однако становление очередной парадигмы хозяйствования завершалось после восстановления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ.

УДК 316.334.22

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е. Е. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические аспекты исследования трудового потенциала, представляющего собой одно из свойств рабочей силы. Обращается внимание на то, что теоретический анализ данной категории важен для более глубокого раскрытия реальных резервов повышения эффективности работы промышленных предприятий в условиях их хозяйственной самостоятельности.

Ключевые слова: потенциал, ресурс, трудовой потенциал, резерв, рабочая сила, трудовые ресурсы, трудовой потенциал работника.

Basic Theoretical and Methodological Aspects of Labour Potential Study

E. E. Borodavkina

In the article basic theoretical and methodological aspects of the study of labour potential, which is one of the labour power qualities, are considered. Special attention is paid to the fact that theoretical analysis of the given category is important for deeper disclosing of real reserves for increasing the efficiency of industrial works in conditions of their economic independence.

Key words: potential, resource, labour potential, reserve, labour power, labour resources, worker's labour potential.

Современные экономические условия, характеризующие состояние российской действительности и отражающие принятие курса на дальнейшее развитие и укрепление рыночных от-

ношений, обуславливают повышенное внимание к проблемам эффективной реализации потенциальных возможностей производства страны. Следует отметить, что делается акцент на исследование сущности, закономерностей формирования и развития экономического, производственного, научно-технического, трудового, образовательного и другого потенциала общества.

Общетеоретические и методологические исследования в политэкономии, анализ проблем экономики труда, механизма функционирования рабочей силы, формирования, использования и перераспределения трудовых ресурсов позволяют наиболее полно проанализировать социально-экономические проблемы трудового потенциала.

Прежде чем рассмотреть, что собой представляет трудовой потенциал предприятия, обратимся к самому понятию «потенциал». Употребление данной дефиниции в научной литературе можно наблюдать в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия. В этимологическом значении термин происходит от латинского слова «*potentia*», что означает скрытую возможность, мощь, силу. Широкая трактовка смыслового содержания понятия «потенциал» состоит в его рассмотрении как «источника, возможностей, средств, запаса, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи или

государственное предпринимательство интенсивно преобразовывалось в частное ведение дел. Третьей разновидностью эволюции государственного предпринимательства была его реконструкция в годы нэпа, то есть в 1921–1932 гг., а также с начала XXI века.

Периоды стабильного развития государственного предпринимательства в рамках одной хозяйственной парадигмы продолжались немногим более полувека (1861–1913 гг. и 1933–1989 гг.), то есть были соизмеримы с длинными волнами. Они включали в себя фрагменты понижательных фаз больших циклов (общей протяженностью 25–30 лет), отличавшихся неустойчивым ростом, депрессивным состоянием экономики, и повышательные фазы больших циклов (в интервале 25–30 лет), демонстрировавших бурный хозяйственный подъем. Повышательные фазы были

связаны с государственной поддержкой освоения нового технологического уклада, колонизации и урбанизации малообжитых территорий, массовых миграций населения в места создания дополнительных рабочих мест, с проведением денежных реформ в 1897 и в 1947 гг.

Чрезвычайная трансформация (в 1914–1921 гг., 1989–1998 гг.) и реконструкция (в 1921–1932 гг.) государственного предпринимательства располагалась на отрезках понижательных фаз длинных волн. Кризисное разрушение хозяйственной парадигмы предшествовавшего большого цикла шло параллельно с возникновением новых элементов равновесного регулирования экономики. Однако становление очередной парадигмы хозяйствования завершалось после восстановления положительной макроэкономической динамики и институциональных реформ.

УДК 316.334.22

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е. Е. Бородавкина

Саратовский государственный университет
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются основные теоретико-методологические аспекты исследования трудового потенциала, представляющего собой одно из свойств рабочей силы. Обращается внимание на то, что теоретический анализ данной категории важен для более глубокого раскрытия реальных резервов повышения эффективности работы промышленных предприятий в условиях их хозяйственной самостоятельности.

Ключевые слова: потенциал, ресурс, трудовой потенциал, резерв, рабочая сила, трудовые ресурсы, трудовой потенциал работника.

Basic Theoretical and Methodological Aspects of Labour Potential Study

E. E. Borodavkina

In the article basic theoretical and methodological aspects of the study of labour potential, which is one of the labour power qualities, are considered. Special attention is paid to the fact that theoretical analysis of the given category is important for deeper disclosing of real reserves for increasing the efficiency of industrial works in conditions of their economic independence.

Key words: potential, resource, labour potential, reserve, labour power, labour resources, worker's labour potential.

Современные экономические условия, характеризующие состояние российской действительности и отражающие принятие курса на дальнейшее развитие и укрепление рыночных от-

ношений, обуславливают повышенное внимание к проблемам эффективной реализации потенциальных возможностей производства страны. Следует отметить, что делается акцент на исследование сущности, закономерностей формирования и развития экономического, производственного, научно-технического, трудового, образовательного и другого потенциала общества.

Общетеоретические и методологические исследования в политэкономии, анализ проблем экономики труда, механизма функционирования рабочей силы, формирования, использования и перераспределения трудовых ресурсов позволяют наиболее полно проанализировать социально-экономические проблемы трудового потенциала.

Прежде чем рассмотреть, что собой представляет трудовой потенциал предприятия, обратимся к самому понятию «потенциал». Употребление данной дефиниции в научной литературе можно наблюдать в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого столетия. В этимологическом значении термин происходит от латинского слова «*potentia*», что означает скрытую возможность, мощь, силу. Широкая трактовка смыслового содержания понятия «потенциал» состоит в его рассмотрении как «источника, возможностей, средств, запаса, которые могут быть приведены в действие, использованы для решения какой-либо задачи или

достижения определенной цели; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области»¹. В связи с этим можно сделать вывод, что под терминами «потенциал», «потенциальный» понимается наличие либо у отдельно взятого человека, либо у первичного трудового коллектива предприятия, либо у общества в целом скрытых, не проявивших еще себя возможностей или способностей в соответствующих сферах их жизнедеятельности.

Следует также обратить внимание на то, что Л. И. Абалкин предлагает не противопоставлять понятия «потенциал» и «ресурсы». Потенциал, будь то экономический, производственный или трудовой, представляет собой обобщенную, собирательную характеристику ресурсов, привязанную к месту и времени².

В развитии представлений о потенциале выделяют три направления. Сторонники первого (их большинство) полагают, что под потенциалом следует понимать совокупность необходимых для функционирования или развития системы различных видов ресурсов, главным образом экономических, непосредственно связанных с функционированием производства и ускорением научно-технического прогресса. Так, например, В. Н. Архангельский под потенциалом понимает средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии, которые могут быть мобилизованы для достижения определенной цели или решения поставленной задачи³, то есть совокупность определенных накопленных ресурсов. В такой трактовке указанной дефиниции к составным частям потенциала относятся соответствующие трудовые, материальные, финансовые и информационные ресурсы, которые вовлекаются в сферу совершенствования производства. В данную категорию включаются и совокупность ресурсов, обеспечивающих надлежащий уровень организации производства и управления, и ресурсы сферы образования и переподготовки кадров⁴. Вместе с тем необходимо также заметить, что для планирования и управления производственной деятельностью «ресурсное» понимание потенциала имеет важное значение, однако в указанном направлении есть и недостатки, поскольку данное понимание не исчерпывает всех характеристик потенциала, и особенно такой сложной системы как трудовой потенциал.

Под потенциалом сторонники второго направления понимают систему материальных и трудовых факторов (условий, составляющих), обеспечивающих достижение целей производства. В основе данного подхода – высказывание К. Маркса о том, что средства труда, предмет труда и рабочая сила как факторы производства (элементы образования нового продукта)⁵ выступают лишь в возможности, тем самым подчеркивается их потенциальный характер. Для превращения этой возможности в действительность «они должны соединиться»⁶.

Потенциал как способность комплекса ресурсов системы решать стоящие перед ней задачи представлен сторонниками третьего направления. Он является целостным выражением единства структуры и функции объекта, проявлением их взаимосвязи, выражением совокупных возможностей коллектива для выполнения каких-либо задач⁷. А. С. Панкратов полагал, что трудовой потенциал – производная от трех величин: численности населения в трудоспособном возрасте на данный момент; количества регламентированного для нужд производства времени в течение суток, недели, месяца, года человеческой жизни; общественно необходимой напряженности (интенсивности) трудовой деятельности в течение регламентированного рабочего времени⁸.

Необходимо отметить, что подход к оценке, измерению и управлению потенциалом предопределяет представление о его сущности. В том случае когда потенциал рассматривается как совокупность ресурсов, его оценка заключается в установлении качественных и количественных характеристик значений отдельных видов ресурсов, причем их взаимное влияние не учитывается и не измеряется. Когда речь идет о системе ресурсов, характеристики ее отдельных составляющих должны дополняться показателями, описывающими систему в целом. Исследуя потенциал как способность ресурсов давать определенные результаты и обеспечивать функционирование системы, следует учитывать и выражать в показателях все факторы, которые определяют такую способность. Для этого необходимо иметь как характеристики ресурсов всех видов, так и их результирующие (системные) характеристики, знать способ их использования и управления ими. Другими словами, необходимо знать не только ресурсы, но и накопленные, однако еще не используемые резервы⁹.

Ряд авторов отмечают, что с методологической точки зрения потенциал, выступая в единстве пространственных и временных характеристик, концентрирует в себе одновременно три уровня связей и отношений. Во-первых, происходит отражение прошлого. С этой позиции он является собой совокупность тех свойств, которые были накоплены системой в процессе ее становления и обуславливают возможность ее функционирования и развития. В данном случае понятие «потенциал» тождественно значению понятия «ресурс». Во-вторых, дает возможность охарактеризовать с точки зрения практического применения и использования наличных способностей настоящее, что позволяет провести различие между возможностью реализованной и нереализованной. В указанной функции понятие «потенциал» отчасти идентично понятию «резерв». В-третьих, отражает ориентацию на развитие (будущее): в процессе трудовой деятельности работник не только реализует свои способности, но и приобретает новые силы и способности¹⁰.

В связи с тем что в экономической литературе отсутствует однозначное определение трудового потенциала, а также различны точки зрения относительно его структуры, необходимо, на наш взгляд, уточнить соотношение понятий «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «трудоустройство», их связь и различие, общее и особенное, поскольку одни без других не существуют. Так, например, Л. С. Дегтярь прямо указывает, что «не проводит различий между понятием “трудоустройство” и “трудовые ресурсы” общества»¹¹.

Можно, думается, согласиться с мнением А. А. Ткаченко, который отмечал, что «роль и место трудоспособного населения в существовании человеческого общества определяется тем, что оно является естественной основой для формирования совокупного работника общества, производящего средства к жизни, и составляет основную часть трудовых ресурсов»¹². В данном случае напрашивается вывод о том, что понятия «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» хотя и близки по своему содержанию, но не адекватны друг другу. В. С. Немченко разграничивает эти понятия следующим образом: под трудовыми ресурсами понимаются совокупная способность общества к труду или масса труда, которыми располагает общество как потенциальными запасами; рабочая же сила представляет собой используемую, занятую в народном хозяйстве часть трудовых ресурсов¹³. При такой трактовке указанных дефиниций трудовые ресурсы выступают как социально-экономическая база рабочей силы. Различия между этими понятиями заключены в общем объеме составляющих их ресурсов, составе входящих в них контингента и источниках их формирования¹⁴.

Ряд авторов, рассматривая категорию «рабочая сила», особо выделяют потенциал личности как определенный уровень ее психических возможностей и внутренней энергии, направленной на ее творческое самовыражение и самоутверждение¹⁵. В данной трактовке внимание обращается на психофизиологические и личностные моменты индивидуума. В связи с тем что не все способности являются элементами его рабочей силы, представляется правомерным наряду с термином «рабочая сила» использовать более широко в понятийном обороте термин «трудоустройство работника». Данная постановка вытекает из потребностей практики. Термины «рабочая сила» и «трудоустройство работника» хотя и представляются однотипными, однако не являются тождественными понятиями. Второй термин самой постановкой обращает внимание на качественные аспекты функционирования рабочей силы. Сходство данных категорий видится в том, что обе они характеризуют способность человека к труду¹⁶.

Некоторые авторы при определении трудового потенциала отмечают, что он включает всех граждан, способных участвовать в процессе

общественного производства, с учетом их физических возможностей, имеющихся знаний и профессионально-квалификационных навыков¹⁷. В приведенном определении отражена весьма существенная сторона трудового потенциала, свидетельствующая о том, что данная категория значительно шире понятия «трудовые ресурсы». Она включает наряду с количественными (трудовыми ресурсами) и совокупность качественных характеристик рабочей силы, влияющих на производственную деятельность работника¹⁸. Такой подход позволяет по-иному рассматривать современное положение дел с человеческим фактором. Незначительный прирост трудоспособного населения, ожидаемый в обозримой перспективе, не означает, что столь же мало изменится и трудовой потенциал. По мере обновления производственного аппарата и обеспечения на этой основе значительного роста производительности труда в промышленности будет наблюдаться постепенное замедление темпов прироста рабочей силы с последующей стабилизацией и сокращением ее абсолютной величины, ввиду того что новая техника, внедряемая в производство, требует для своего обслуживания, с одной стороны, более квалифицированной рабочей силы, а с другой – меньшего числа рабочих. Это обстоятельство должно быть особо учтено при оптимизации плановых заданий.

Качественное отличие трудового потенциала от трудовых ресурсов состоит, на наш взгляд, в том, что трудовой потенциал – это не просто масса труда, находящегося в распоряжении общества, а единство совокупного работника и соответствующих условий его трудовой деятельности, отражающих оптимальную возможность и способность народнохозяйственного комплекса обеспечить высокую эффективность общественного труда¹⁹.

Трудовой потенциал выступает как интегральная характеристика совокупности способностей к труду (в их количественном и качественном отношении), которая определяет возможности как отдельного работника, так и совокупного рабочего (работника) по их участию в общественно полезной трудовой деятельности. В каждый конкретный период он представляет собой ту часть трудовых ресурсов, которая, обладая определенной работоспособностью, профессионально-квалификационной подготовкой и имея характерную для нее половозрастную структуру, способна при определенной интенсивности использования рабочей силы достигать конкретных социально-экономических результатов.

Отличие понятия «трудоустройство» от понятий «рабочая сила» и «трудовые ресурсы» состоит в следующем. Во-первых, трудовой потенциал – это персонифицированная рабочая сила, рассматриваемая в совокупности своих качественных характеристик. Во-вторых, данное понятие позволяет оценить степень использования потенциальных возможностей как отдельно взятых

работников, так и их совокупности, обеспечивая на практике активизацию человеческого фактора. В-третьих, анализ трудового потенциала призван обеспечить качественную (структурную) сбалансированность в развитии личного и вещественных факторов производства.

Под трудовым потенциалом следует, на наш взгляд, понимать совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудоспособного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил. В трудовой потенциал наряду с категорией дееспособных лиц в трудоспособном возрасте необходимо включать также лиц, занятых индивидуальной трудовой деятельностью и предпринимательством. Это в том числе и работодатели, имеющие капитал и возможности для создания новых рабочих мест.

Важной чертой характеристик трудового потенциала является способность взаимно дополнять друг друга. Степень их альтернативности не постоянна, она зависит от экономической ситуации, уровня развития производственного потенциала, особенностей и специфики развития хозяйственной системы. При этом психофизиологические и профессионально-квалификационные характеристики трудового потенциала составляют основополагающую способность работника (или персонала) выполнять производственные задания, то есть то, что отдельный человек или коллектив в принципе или потенциально может делать на работе. Мотивационная и корпоративная составляющие трудового потенциала в гораздо большей степени влияют на текущую (реальную) трудовую деятельность. Они отражают то, что конкретный работник или персонал предприятия с данными психофизиологическими и профессионально-квалификационными характеристиками хочет и стремится делать на работе. Таким образом, первые два компонента трудового потенциала демонстрируют уровень достигнутых возможностей работника, а два других характеризуют степень заинтересованности человека в эффективном использовании этих возможностей, а также в развитии своих трудовых потенциалов.

Независимо от уровня исследования процесс развития трудового потенциала носит двойственный характер. С одной стороны, он является объективным требованием производственного потенциала соответствующего уровня и, стало быть, условием реализации возможностей человека к труду. С другой стороны, его развитие зависит от субъективных потребностей и интересов человека в определенной сфере жизнедеятельности, от оценки работником уровня собственной конкурентоспособности.

Динамику характеристик трудового потенциала определяет совокупность факторов государственного, отраслевого и регионального

характера, действие которых в определенной мере можно считать опосредованным. «Преломляясь» через уровень предприятия, их воздействие может как усиливаться, так и уменьшаться. Именно уровень предприятия является ведущим, определяющим развитие трудового потенциала отрасли, региона, а также страны в целом.

Принципиальным отличием данной концепции от имеющихся в научной литературе является выделение в качестве движущей силы развития трудового потенциала поведения работника в сфере труда, не только зависящего от внешних факторов, но и определяемого внутренними побудительными силами. Выделение конкурентоспособности работника в качестве элемента данной системы имеет принципиальное значение, так как в условиях рынка труда именно самооценка конкурентоспособности является основой развития трудового потенциала человека.

Трудовой потенциал работника представляет собой совокупность физических и духовных свойств отдельного индивида, а также его способность достигать в заданных условиях определенных результатов в его производственной деятельности. Он включает в себя: психофизиологический потенциал – способности и склонности человека, состояние его здоровья, работоспособность, выносливость, тип нервной системы и т. п.; квалификационный потенциал – объем общих и специальных знаний, трудовых навыков и умений, обуславливающих способность к труду определенного качества; личностный потенциал – уровень гражданского сознания и социальной зрелости, степень усвоения работником норм ответственного отношения к труду, ценностные ориентации, интересы, потребности и запросы в сфере труда. Таким образом, трудовой потенциал работника – многоаспектная экономическая категория, исследованием отдельных частей которой должны заниматься общественные и экономические науки, физиологи, социологи, психологи и др.

Трудовой потенциал работника является исходной точкой, определяющей его дальнейшее трудовое поведение. Разграничение потенциала работника имеет важный теоретический и практический смысл. Результативность труда рабочих зависит от степени взаимного согласования в развитии производственно-квалификационного, психофизиологического и личностного потенциала, механизм управления каждым из которых существенно отличается.

Для управленческой деятельности весьма важно, уяснив механизм действия каждого из компонентов трудового потенциала работника, разработать систему взаимоувязанных мер, воздействующих на наиболее полное использование его резервов.

Таким образом, трудовой потенциал работника характеризует его способность к труду определенного содержания и сложности, глубину

и разносторонность общих и специальных знаний, производственных навыков и опыта, с одной стороны, и способность совершенствоваться в процессе труда, решать новые задачи, возникающие в результате изменений в производстве, — с другой. Трудовой потенциал предприятия отличен от трудового потенциала работника, так как система всегда больше суммы составляющих ее частей — индивидуального трудового потенциала работников — в силу возникновения нового качества, обусловленного взаимодействием составляющих систему элементов. Анализ методологических подходов к исследованию трудового потенциала постоянно требует применения новых исследовательских теорий, а также методов и приемов, благодаря которым дальнейшее изучение рыночных отношений в области труда позволяет расширить теоретические представления о трудовом потенциале, а в некоторых случаях и принять практические решения в этой области. Необходимо совершенствовать методологические и методические основы решения проблемы формирования и использования трудового потенциала предприятия. Это будет способствовать более глубокому изучению и выработке практических рекомендаций по таким важным вопросам, как оптимизация численности занятых на предприятиях, повышение эффективности использования рабочей силы в соответствии с потребностями производства, с одной стороны, и с учетом индивидуальных способностей и интересов работника — с другой; прогнозирование и планирование потребности в кадрах и выявление источников ее обеспечения; оптимизация соотношения между стабильной и мобильной частями трудового потенциала и др. Важным методологическим вопросом, имеющим принципиальное значение для выявления факторов, определяющих формирование и использование трудового потенциала, является выделение его составляющих.

УДК 316 (470) (09)+929 Федотов

Г. П. ФЕДОТОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю. В. Селиванова

Саратовский государственный университет
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

В статье анализируется творчество известного русского ученого Г. П. Федотова. Опираясь на совокупность социологических методов и приемов, автор статьи сделала упор на выявление и раскрытие социологических аспектов публикаций ученого. В частности, в статье анализируется использование междисциплинарных приемов исследования в методологической системе Федотова, рассматриваются концепция социодинамики российского общества и перспективы его демократического преобразования.

Ключевые слова: междисциплинарные приемы, принцип историзма, диалектический метод, гуманистические традиции.

Примечания

- 1 Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1058.
- 2 См.: *Абалкин Л. И.* Диалектика социалистической экономики. М., 1981. С. 214.
- 3 См.: *Архангельский В. Н., Зиновьев Л. Е.* Управление научно-техническим прогрессом в машиностроении. М., 1983. С. 6.
- 4 См.: *Каныгин Ю. М.* Научно-технический потенциал. Проблемы накопления и использования. Новосибирск, 1974. С. 13.
- 5 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения : в 50 т. М., 1983. Т. 23. С. 217.
- 6 Там же. Т. 24. С. 43.
- 7 См.: *Производственный коллектив: социальные резервы управления.* Киев, 1984. С. 23.
- 8 См.: *Панкратов А. С.* Трудовой потенциал в системе управления производством. М., 1983. С. 29–30.
- 9 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Трудовой потенциал предприятия : пути эффективного использования. Саратов, 1991. С. 26.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 *Дегтярь Л. С.* Трудовой потенциал общества и социальная политика. М., 1984. С. 5.
- 12 *Ткаченко А. А.* Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978. С. 34.
- 13 См.: *Немченко В. С.* Проблемы управления трудовыми ресурсами в развитом социалистическом обществе // Трудовые ресурсы, научные основы управления трудовыми ресурсами. М., 1978. Вып. 4.
- 14 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 30.
- 15 См.: *Парыгин Б. Д.* НТР и личность. М., 1978. С. 182.
- 16 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 33.
- 17 См.: *Скаржинский М. И., Баландин И. Ю., Тяжов А. И.* Трудовой потенциал социалистического общества. М., 1987. С. 9.
- 18 См.: *Гладкий И. И.* Человеческий фактор развития. М., 1986. С. 6–7.
- 19 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 38.

G. P. Fedotov in History of Our Native Sociology

Yu. V. Selivanova

This article focuses on the analysis of legacy of a famous Russian scholar G.P. Fedotov. On the basis of sociological methods and technique, the author places the emphasis on revealing the sociological aspects of his works which include in particular the following: the use of interdisciplinary methods in Fedotov's methodological system, conception of social dynamics of Russian society and the future of democratic reforms.

и разносторонность общих и специальных знаний, производственных навыков и опыта, с одной стороны, и способность совершенствоваться в процессе труда, решать новые задачи, возникающие в результате изменений в производстве, — с другой. Трудовой потенциал предприятия отличен от трудового потенциала работника, так как система всегда больше суммы составляющих ее частей — индивидуального трудового потенциала работников — в силу возникновения нового качества, обусловленного взаимодействием составляющих систему элементов. Анализ методологических подходов к исследованию трудового потенциала постоянно требует применения новых исследовательских теорий, а также методов и приемов, благодаря которым дальнейшее изучение рыночных отношений в области труда позволяет расширить теоретические представления о трудовом потенциале, а в некоторых случаях и принять практические решения в этой области. Необходимо совершенствовать методологические и методические основы решения проблемы формирования и использования трудового потенциала предприятия. Это будет способствовать более глубокому изучению и выработке практических рекомендаций по таким важным вопросам, как оптимизация численности занятых на предприятиях, повышение эффективности использования рабочей силы в соответствии с потребностями производства, с одной стороны, и с учетом индивидуальных способностей и интересов работника — с другой; прогнозирование и планирование потребности в кадрах и выявление источников ее обеспечения; оптимизация соотношения между стабильной и мобильной частями трудового потенциала и др. Важным методологическим вопросом, имеющим принципиальное значение для выявления факторов, определяющих формирование и использование трудового потенциала, является выделение его составляющих.

УДК 316 (470) (09)+929 Федотов

Г. П. ФЕДОТОВ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Ю. В. Селиванова

Саратовский государственный университет
E-mail: juliaselivanova@mail.ru

В статье анализируется творчество известного русского ученого Г. П. Федотова. Опираясь на совокупность социологических методов и приемов, автор статьи сделала упор на выявление и раскрытие социологических аспектов публикаций ученого. В частности, в статье анализируется использование междисциплинарных приемов исследования в методологической системе Федотова, рассматриваются концепция социодинамики российского общества и перспективы его демократического преобразования.

Ключевые слова: междисциплинарные приемы, принцип историзма, диалектический метод, гуманистические традиции.

Примечания

- 1 Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 1058.
- 2 См.: *Абалкин Л. И.* Диалектика социалистической экономики. М., 1981. С. 214.
- 3 См.: *Архангельский В. Н., Зиновьев Л. Е.* Управление научно-техническим прогрессом в машиностроении. М., 1983. С. 6.
- 4 См.: *Каныгин Ю. М.* Научно-технический потенциал. Проблемы накопления и использования. Новосибирск, 1974. С. 13.
- 5 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения : в 50 т. М., 1983. Т. 23. С. 217.
- 6 Там же. Т. 24. С. 43.
- 7 См.: Производственный коллектив: социальные резервы управления. Киев, 1984. С. 23.
- 8 См.: *Панкратов А. С.* Трудовой потенциал в системе управления производством. М., 1983. С. 29–30.
- 9 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Трудовой потенциал предприятия : пути эффективного использования. Саратов, 1991. С. 26.
- 10 Там же. С. 28.
- 11 *Дегтярь Л. С.* Трудовой потенциал общества и социальная политика. М., 1984. С. 5.
- 12 *Ткаченко А. А.* Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. М., 1978. С. 34.
- 13 См.: *Немченко В. С.* Проблемы управления трудовыми ресурсами в развитом социалистическом обществе // Трудовые ресурсы, научные основы управления трудовыми ресурсами. М., 1978. Вып. 4.
- 14 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 30.
- 15 См.: *Парыгин Б. Д.* НТР и личность. М., 1978. С. 182.
- 16 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 33.
- 17 См.: *Скаржинский М. И., Баландин И. Ю., Тяжов А. И.* Трудовой потенциал социалистического общества. М., 1987. С. 9.
- 18 См.: *Гладкий И. И.* Человеческий фактор развития. М., 1986. С. 6–7.
- 19 См.: *Одегов Ю. Г., Бычин В. Б., Андреев К. Л.* Указ. соч. С. 38.

G. P. Fedotov in History of Our Native Sociology

Yu. V. Selivanova

This article focuses on the analysis of legacy of a famous Russian scholar G.P. Fedotov. On the basis of sociological methods and technique, the author places the emphasis on revealing the sociological aspects of his works which include in particular the following: the use of interdisciplinary methods in Fedotov's methodological system, conception of social dynamics of Russian society and the future of democratic reforms.

Key words: interdisciplinary methods, historical method, dialectical method, traditions of humanism.

Творчество Г. П. Федотова – известного отечественного историка, публициста, богослова, социолога – многогранно, и содержание его трудов менялось на разных этапах жизненного пути ученого. Будучи историком по образованию, в первый период своей деятельности он писал в основном на исторические темы, позже выступал как философ и богослов, занимался изучением проблем культуры, социальной психологии. На протяжении четверти века он регулярно публиковал острые талантливые статьи по актуальным вопросам в прессе русского зарубежья.

В сфере социально-политической проблематики наиболее полно развернулся творческий потенциал Федотова как методолога и аналитика. Важное место в методологической системе Федотова занимает использование *междисциплинарных приемов*, которые получили ныне широкое признание и распространение в разных отраслях общественнознания. Можно сказать, что его методология функционирует на стыке историко-культурной и социологической проблематики, предполагающей обращение к различным памятникам общественной мысли, художественной литературы, фольклора и т. п.

Обратимся прежде всего к характеристике *принципа историзма* в его творчестве. *Историзм* в понимании русского социолога – не просто внимание к прошлому, а методологический принцип подхода к *объективной действительности* как изменяющейся во времени, развивающейся на основе определенных закономерностей. Принцип историзма Федотов рассматривал как объективное отражение реальной диалектики общественных процессов. С позиций подлинного историзма, как считал русский мыслитель, грубо ошибочными являются любые проявления архаизации и модернизации, попытки замены реальных фактов иллюзиями и утопическими построениями.

Огромная эрудиция и мастерство исследователя-аналитика позволяли Федотову успешно применять *сравнительно-исторический метод*, с помощью которого выявлялось общее и особенное в социальных явлениях, наглядно раскрывались причинно-следственные связи между, казалось бы, изолированными и неблизкими по времени событиями общественной жизни. Применение этого метода дает социологу возможность получить и сопоставить различные хронологические «срезы» в развитии социального явления, выявить произошедшие изменения, реконструировать тенденции данного процесса.

По сути дела, речь идет о *единстве исторического и социологического подхода* в анализе общего процесса социально-политической эволюции общества, что было продемонстрировано им в ряде работ («Трагедия интеллигенции», «Революция идет», «Новая Россия», «Россия и свобода»

и др.). Особенно это характерно для такой его крупной монографии, как «Святые Древней Руси» (1931 г.). Всем содержанием своего труда Федотов доказывает, что социологический подход не препятствует историческому, социальному подходу, а дополняет, обогащает его.

Важно отметить приверженность Федотова к *диалектическому методу*, который часто применяется им для анализа социальной реальности. Характерной чертой его творчества была склонность к своего рода «парадоксальной диалектике», выступающей у него как разновидность историзма и способ социологического исследования.

Далее следует остановиться на значении *принципа объективности* как краеугольного камня *методологической системы* Федотова. В его понимании объективный метод – это единственно правильный способ познания, строго научного проникновения в суть явлений и событий. Объективность, точность восприятия и отбора фактов – одна из сложнейших проблем научной методологии, можно сказать, камень преткновения для многих исследователей. Реальному восприятию социальных фактов зачастую препятствуют мировоззренческие установки исследователя, его политические, эстетические и иные взгляды.

Г. П. Федотов отмечал своеобразный парадокс мировосприятия русских эмигрантов. На первый взгляд, пишет он, может показаться, будто мы призваны быть беспристрастными свидетелями на суде истории. То, что они оказались в стороне от событий, происходящих в России, как бы автоматически должно обеспечить их объективность в оценке того, что творится на Родине. «Но это лишь кажется, это совсем не так. Мы не свидетели, а жертвы истории. Может ли сын, потерявший мать, быть беспристрастным свидетелем в суде над ее убийцей? Есть священный эгоизм горя, который ослепляет. Мы ходим в кровавом тумане, где теряются для нас очертания реальностей. И когда, не довольствуясь плачем Иеремии, мы пытаемся что-то делать, как-то исполнить сыновний долг, наши руки производят неловкие жесты, наши ноги скользят, и в ослеплении благородных страстей мы наносим новые раны России»¹.

Говоря о «ранах, наносимых России», Федотов имел в виду *необъективное, искаженное изображение событий*, когда пером исследователя или публициста движут не гуманные чувства, а озлобление и ненависть. Личная обида нередко перерастала в чувство отчуждения, неприязни к своему народу, в стремление отрезать себя от него. «Кровавый туман», застилающий глаза, мешает реально взглянуть на происходящие события и написать правду о них. «Люди думают, что они живут любовью к России, а на деле, оказывается, – ненавистью к большевикам»².

Такого рода предвзятость была чужда социологическому мышлению Федотова. Прежде всего объективность определялась нравственной позицией исследователя. Кроме того, нужно учиты-

вать, что он прошел хорошую методологическую школу под руководством такого выдающегося учителя, как И. М. Гревс, и прекрасно осознавал *опасность* и *субъективизма*, неизбежно приводящего к ошибкам, и *догматизма*, поражающего и убивающего научную мысль.

Практически во всех основных работах Федотова нашла воплощение важная черта его мировоззрения – *исторический оптимизм*, основанный не только на глубокой вере в творческие возможности русского народа, но прежде всего на результатах объективного анализа главных тенденций общественного развития. Социологическое творчество Федотова обращено к будущему, поэтому в теоретическом наследии ученого большое место занимают элементы социального прогнозирования. В своих попытках заглянуть в будущее Федотов-социолог больше полагается не на интуитивно-иррациональные «прозрения», а на научное предвидение, основанное на исследовании и обобщении реальных фактов.

В размышлениях о будущем Федотов старается соблюдать осторожность и сдержанность в выводах, по преимуществу формулирует проблемы, а не дает готовые решения. Тем не менее с полной уверенностью можно утверждать, что в своих прогнозах он более удачлив, чем многие из его современников, стремившихся выступать в роли провидцев. Социально-политическая и духовная ситуация нашего времени удивительно прозорливо и точно угадана и описана в таких его работах, как «Конец Империй», «Национальное и вселенское», «Будет ли существовать Россия?», «Письма о русской культуре», «Проблемы будущей России» и многих других.

Все это говорит о том, что обращение к творческому наследию Федотова – не дань моде, а актуальная задача современной отечественной социологии, прежде всего с точки зрения тех уроков социального прогнозирования, которые можно извлечь из анализа работ ученого.

С проблемой *социального прогнозирования*, безусловно, связана и проблема *систематизации фактов*, поскольку лишь на основе концептуальных, обобщенных выводов можно делать реальные футурологические прогнозы. В своей научной деятельности Федотов стремился не только к наиболее полному охвату фактического материала, но и к его систематизации (хотя и понимал ограниченность усилий в этом направлении).

Характерно его замечание в статье 1937 г., посвященной анализу сталинского режима. Он пишет, что за минувшие годы накопилось немало фактов, наблюдений, рассказов иностранцев и беглецов из СССР, газетных вырезок. «Не пора ли подвести итоги? – ставит вопрос Федотов. – Пусть голоса, идущие из России, противоречивы. Нельзя ли разрешить в некоторую гармонию эти диссонансы? Конечно, новая жизнь в России еще не отстоялась. Каждый день приносит новые изменения ее лица. Но можно попытаться угадать

общее направление движения. Или, иначе, найти схему, в которой противоречивые явления уложились бы без слишком большого насилия над фактами. Большого отсюда сделать мы не можем. Но не сделать этого не можем тоже. Чтобы жить, и жить Россией, мы должны ставить ориентирующие вехи с полной готовностью сменить их, как только жизнь изменит свое русло»³.

Таким образом, Федотов говорил о необходимости построения теоретических схем, но явно видел, что сама жизнь предостерегает от увлечения «жесткими» системами. Он понимал, что время для составления таких обобщающих сочинений еще не наступило. В условиях быстрого изменения политической ситуации и социальной нестабильности более уместны, как отмечал Федотов, «моментальные снимки» эпохи, которые дают довольно богатую пищу для размышлений и строительный материал для будущих теоретических систем. Но это не значит, что ученый стремился лишь к фактографии и полностью отвергал возможность объективных обобщений.

На страницах его многочисленных сочинений можно найти важные концептуальные положения и существенные выводы, имеющие непреходящее значение. Социологические идеи содержатся не только в работах, посвященных актуальным вопросам общественной жизни, но и в таких трудах, как «Святые Древней Руси», «Стихи духовные» и др.

Следует отметить, что *социологическая объективность* и *исторический реализм* Федотова далеко не всегда адекватно воспринимались в эмигрантской среде. Отдельные меткие характеристики были подхвачены прессой русского зарубежья, но общий смысл федотовских выступлений часто ускользал от внимания публики. Он не укладывался в простые, однозначные формулы и временами болезненно задевал общие предрассудки. Добавим, что и ныне глубинный смысл и значимость методологических установок Федотова в полной мере еще не поняты и не усвоены нашим научным сообществом. В данном случае полезным является обращение к творческому опыту Г. П. Федотова, который, наряду с такими мыслителями, как М. Вебер, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, П. А. Сорокин, высказывал мнение, что *без знания и учета исторической природы социальных явлений невозможно нарисовать достоверную социологическую картину современности*.

Поэтому Федотова с полным правом можно считать и одним из *основателей исторической социологии* – научной отрасли, которая способствует преодолению разрыва между основными направлениями современного общественнознания, позволяет по-новому взглянуть на традиционные проблемы и обеспечить системный, комплексный характер исследования.

Анализируя сложные проблемы прошлого и настоящего, Федотов всегда стремился раз-

глядеть в бурном потоке исторических событий образ мыслящего, действующего и страдающего Человека. *Историзм* как методологический принцип неразрывно связан с *гуманистическими убеждениями* Г. П. Федотова. Он утверждал, что лежащая за поверхностью словесно-литературной борьбы человеческая драма истории полна глубокого, хотя и трудноуловимого смысла. Смысл истории – в развитии и самореализации личности. Принципиальная ориентация на творческую личность, на человека в многообразии его социокультурных функций является одной из важнейших методологических основ федотовской социологии.

Федотов всегда сохранял верность европейской *гуманистической традиции*, корнями своими уходящей в античность. По его определению, «гуманизм есть культура человека как творческой личности». «Человек становится вполне человеком, – писал Федотов, – только в процессе культуры, и лишь в ней, на ее вершинах, находят свое выражение его самые высокие стремления и возможности. Только по этим достижениям можно судить о природе или назначении человека»⁴.

Можно констатировать, что Федотов был сторонником приоритета интересов личности над интересами государства, и такой подход к данной проблеме весьма актуален также и в наши дни, когда Россия становится на путь усвоения демократических принципов и создания свободного гражданского общества. В этой ситуации оправдано обращение к полузабытым идеям русского мыслителя, который возрождение нашей страны мыслил лишь на путях освобождения человека и максимального раскрепощения его творческих возможностей.

Федотов четко различал *«исторический»* (философский или философско-теологический) и *социологический* (объективно-позитивистский) *подход к изучению социодинамики общества*, оценке конкретных этапов его развития. Они представляются ему необходимыми и взаимно дополняющими аспектами, без которых невозможно понимание своеобразия и цельности национальной духовности и исторического пути России. Но эта взаимосвязь предполагает и выявление специфических особенностей каждого из этих аспектов, имеющих столь важное значение для осмысления и оценки творчества Федотова в целом. В данном случае нас интересует круг тех проблем, которые находятся в поле зрения *политической социологии* как одной из важнейших отраслей социологического знания, интенсивное развитие которой наблюдается именно в настоящее время.

С точки зрения современных социологов, внимание политической социологии следует направить не столько на изучение разновидностей политики и политической сферы, сколько на изучение сущности власти и всех других аспектов политики с точки зрения личности,

человека, с учетом его реального статуса как члена гражданского общества⁵. Такой подход созвучен позиции Федотова, который всегда стремился рассматривать общественные проблемы сквозь призму *проблемы личности как субъекта политической жизни*, творца культуры, действующего лица истории. Обращение к теоретическому наследию Федотова особенно важно в контексте бурных споров и дискуссий по различным политическим вопросам, которые не утихают в течение последних лет. Полемика по этим вопросам вполне закономерна – ведь речь идет об объективно необходимом идеологическом обосновании различных направлений реальной политики. Изучение социологических работ Федотова помогает разобраться в пестром калейдоскопе идеологических манифестов и партийных программ, особенно в тех случаях, когда «хорошо забытое старое» выдается за новое, свежее слово в политической мысли.

Разработка Федотовым *проблем политической социологии* основана также и на признании абсолютной ценности личностного начала. На протяжении всего своего творческого пути он выступал против любых проявлений *антигуманизма*. Под самым благовидным предлогом, писал он, идет наступление на гуманистические принципы, а по существу, наступление на человека, ведется беспощадная борьба «с его душой, с его разумом, с его сердцем и нравственной совестью»⁶. В противостоянии идеологии человеконенавистничества видит Федотов долг каждого честного ученого, писателя, художника.

Большое значение имеют мысли Федотова по вопросам *становления демократии и утверждения свободы личности в новой России*. Русский ученый, как уже отмечалось выше, твердо стоял на позициях признания классических принципов европейской демократии и незыблемых прав человека и гражданина, *осуждал любые проявления волюнтаризма и тоталитарных тенденций*. Федотов относил себя к числу принципиальных противников всякого умаления роли личности, поглощения личности какой-либо социальной общностью – будь то коллектив, семья, церковь, нация или государство. «Для нас свобода совести и мысли, – писал он, – является реальным благом, и даже таким, за которое мы отдадим все другие»⁷. И условием будущего социального и культурного возрождения России, по его мнению, должно быть освобождение личности, а не ее новое закрепощение в системе тоталитарной власти.

Федотов указывал на опасность формализации демократии, то есть разрыва между правовыми, конституционными нормами и социальной действительностью. «Недомогание демократии, – писал он, – начинается тогда, когда массы перестают ощущать ее как свое государство, свою власть»⁸. Чтобы не допустить такого «недомогания» демократии, необходимо строить

ее на новой, более широкой социальной основе. «По-видимому, – размышлял Федотов, – для того, чтобы планировать трудный и опасный переход к новым социальным формам, она должна радикально перестроиться. Она должна вернуть себе доверие масс, прикоснуться к земле, то есть к органической, хозяйственно-духовной почве народной жизни, и почерпнуть новые силы в этом прикосновении»⁹.

Он выделял такие черты будущего социально-го строя, как рациональная организация хозяйства, социальное обеспечение (то, что ныне называют социальной защищенностью), подлинное народовластие и самоуправление, в котором должна участвовать, по крайней мере, большая часть населения. Особенно злободневно звучит мысль Федотова о возрастании роли профессиональных организаций в политической жизни и социальном управлении: «Лишь в них, – полагал он, – личность работника преодолевает свою социальную немощ и обретает сознание своего социального достоинства»¹⁰.

Объективной предпосылкой этих преобразований является развитие духовной культуры, приобщение широких масс к духовным ценностям. Федотов настаивал на том, что в социальном движении должен присутствовать определенный идеал, каковым он считал модель «культурного общества», в котором преодолена классовая вражда, изжиты резкие проявления социального неравенства и бескультурия.

Эти и другие *методологические положения*, отражающие главные аспекты мировоззрения Федотова, приобретают актуальность в современных условиях. Затеявая грандиозное преобразование общественной жизни, мы сейчас стали обстоятельно говорить о «социальных технологиях», эффективном управлении и т. п. При этом зачастую к проблеме личности по-прежнему подходят с вульгаризаторских позиций, рассматривая человека как некую абстрактную величину, как «слепок» общественных отношений. По инерции все еще продолжают рассуждать о «человеческом факторе» как о некоем историческом материале, который нужно «приспособить» к процессу ускоренной модернизации.

Особенностью социологического творчества Федотова является то, что он видел свое призвание на двух поприщах: во-первых, выступал как внимательный *исследователь и аналитик текущих событий*; во-вторых, серьезно относился к работе по *обобщению опыта русской общественной мысли, русской культуры в целом*. «В эмигрантском ковчеге он сразу самоопределил себя (и потом на протяжении всей жизни самоотверженно выступал) как строитель “Нового Града”, сеятель пустынный, которому выпало заново взрастить семена культуры испепелившей себя Родины»¹¹. И поэтому он выступал как один из немногих подлинных продолжателей отечественной социологии в русском зарубежье.

Итак, можно констатировать, что истоком мировоззрения Федотова послужил сложный комплекс разнообразных философских и социологических идей. Здесь и духовное наследие русского православия, и ключевые идеи русского философско-религиозного ренессанса, и лучшие традиции отечественной социологии. Сказалось также влияние идей традиционного европейского гуманизма (корни которых уходят в эпоху Античности и Средневековья) и новейших социалистических учений. Мировоззрение Федотова формировалось не в «тишине и покое», а в бурные годы общественных кризисов и переворотов, бедствий и скитаний.

Круг интересов Федотова в области социологии широк – это проблемы социальной структуры и социальной динамики, социологии личности, культуры, религии, политической социологии. Коренные черты его социологической методологии – патриотизм, исторический оптимизм, гуманистическая направленность, которая проявлялась в ориентации на творческую личность как субъект социальных процессов.

Ведущими методологическими принципами федотовской социологии выступают объективность и историзм, способствующий выявлению причинно-следственной и функциональной связи социальных явлений. В анализе социально-политических процессов он проявил глубокую проницательность, строгость мышления, умение заглянуть в будущее. И большинство его принципиальных выводов и теоретических прогнозов подтверждено историей, доказывается практикой сегодняшнего дня.

Примечания

- 1 Федотов Г. П. Россия, Европа и мы // Судьбы и грехи России : в 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 3.
- 2 Федотов Г. П. Зачем мы здесь? // Современные записки. 1935. № 58. С. 435.
- 3 Федотов Г. П. Сталинокрафия // Судьба и грехи России. Т. 2. С. 83.
- 4 Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Т. 2. С. 253–254.
- 5 См.: Политическая социология : учебник для вузов / под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2002 ; Политическая социология / под ред. Г. П. Сопова. Ростов н/Д, 2001.
- 6 Федотов Г. П. Ессе homo. О некоторых гонимых «измах» // Феномен человека : антология. М., 1993. С. 92.
- 7 Федотов Г. П. О святости, интеллигенции и большевизме : избранные статьи. СПб., 1994. С. 81–83.
- 8 Там же. С. 84–85.
- 10 Федотов Г. П. Что такое социализм? // Кентавр. 1992. № 5–6. С. 157.
- 11 Смирнов Л. Империя культуры : О творчестве Федотова // Наше наследие. 1991. № 3. С. 88.

УДК 316.7 (470+571)

ТРАНСЛЯЦИЯ КУЛЬТУРЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. С. Ляховец

Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Ивантеевка
E-mail: blokada@inbox.ru

В статье на основе междисциплинарного подхода рассмотрены наиболее значимые факторы, оказывающие непосредственное влияние на процессы трансляции культурных норм, ценностей и духовных традиций подрастающим поколениям населения современной России.

Ключевые слова: человеческий потенциал, ценностное сознание, культура, модернизация, этносociокультурные процессы, мотивация, социокультурная адаптация.

Culture Translation and the Formation of the Man in the Modern Russia

A. S. Liakhovets

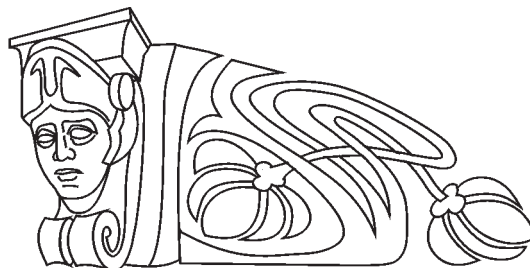
The paper considers the most significant factors immediately influencing the processes of translation of cultural norms, values, and spiritual traditions to the rising generations of the modern population of Russia on the basis of an interdisciplinary approach.

Key words: human potential, value-oriented consciousness, culture, modernization, ethnosociocultural processes, motivation, sociocultural adaptation.

Практически все исследователи проблематики современного человека особое внимание обращают на Россию и другие новые независимые государства, где процессы модернизации экономического потенциала оказались напрямую связанными не только с формированием, развитием и укреплением института частной собственности, а значит, становлением рыночных отношений западного образца, но и с процессами формирования новых поколений, ориентированных на либеральную идеологию и ценности общества потребления.

Воспитание, образование и обучение подрастающих поколений всегда являлось одним из важных направлений политической деятельности всех обществ и государств, существовавших в истории человечества. Эти процессы обеспечивают преемственность хода исторического развития общества и включают в себя не только достаточно управляемые процессы воспитания, образования и обучения, но и объективно-существующие, но практически неуправляемые процессы первичной и вторичной социализации молодежи, ее социокультурной адаптации ко всем сферам жизни современного им общества.

За два последних десятилетия в России произошло немало кардинальных перемен не только

в политике и экономике, но и во всех других сферах жизни общества, что с неизбежностью привело к радикальной трансформации духовной культуры, в первую очередь системы ценностных ориентаций всего населения, а также к существенной эволюции наиболее социально значимых интересов и потребностей, инструментальных ценностей и культурных норм каждого гражданина.

Современные отечественные культурологи считают, что в настоящее время Россия переходит от практики использования норм и принципов традиционной культуры и адекватных им стандартов поведения к новому типу социокультурных отношений, основанных на принципах либеральной идеологии, а также на политико-правовых и нравственных нормах цивилизованного рынка и общества потребления.

Следует отметить, что если для одних исследователей этот переход означает возвращение страны к историческим истокам российского капитализма, основы которого возникали еще в позапрошлом веке, то ряд других исследователей считают, что всякое реформирование и перестройка в России перманентны и занимают целые исторические эпохи, начиная с реформ Петра I. Как правило, утверждают сторонники этой точки зрения, все они были малоэффективны и приносили населению только разного рода невзгоды и лишения. Вместе с тем на протяжении многих десятилетий в самые разные исторические эпохи российские властные структуры постоянно используют малоэффективную социальную технологию «догоняющей модернизации». Поэтому некоторые исследователи считают, что для российских социокультурных традиций характерен транзитивный тип общества, то есть такие исторические процессы, которые являют собой постоянный переходный период, вызванный к жизни геоприродными условиями, социокультурными обстоятельствами, спецификой исторической судьбы этносов и особенностями нашей государственности¹.

Быстрые темпы радикальных перемен в жизни современного человечества усилили вероятностные и стохастические тенденции в жизни всех современных народов, и в этой связи существенно возросли многообразные социальные ри-

ски во всех странах и государствах, что особенно актуализирует проблему трансляции культуры и становления человека в хаотическом и вероятностном мире. На это обращала внимание еще в конце XX в. известный американский культуролог М. Мид, писавшая о том, что «сегодняшние дети вырастают в мире, которого не знали старшие, но некоторые из взрослых предвидели, что так будет. Те, кто предвидел, оказались предвестниками префигуративной культуры будущего, в которой предстоящее неизвестно»². Переход к этой новой культуре потребовал и новых методологических подходов в объяснении, осмыслении и понимании процессов трансляции культуры современному человеку.

Современное социально-гуманитарное знание о человеке развивается на основе междисциплинарности, используя все новейшие подходы к исследованию общества и опираясь на теоретическое богатство философии, социологии, культурологии, истории и всего другого социально-гуманитарного знания, что существенно увеличивает познавательные возможности социальной философии, социологии и в особенности философской антропологии и философии культуры.

Вместе с тем во все времена философия не просто интересовалась наукой, но способствовала разработке новейших научных гипотез, обладая высокими познавательными возможностями «философского вопрошания», а также способностью к философскому переосмыслению и другому, аксиологическому пониманию естественнонаучного знания. Такой союз философии и науки всегда был достаточно плодотворным. Среди новейших научных достижений, положительно повлиявших на развитие философии, в первую очередь следует назвать синергетику, которая исследует взаимодействие внешних (каузальных) и внутренних (саморефлективных) социальных реалей, имеющих случайностный и непредвидимый характер, на основе которого возникают из хаоса и дезорганизации новые, самоорганизующиеся структуры и отношения, существенным образом изменяющие все общественные процессы и социальные институты. Современная синергетика утверждает, что социальный мир не устроен рационально и развитие современной цивилизации осуществляется случайно, поэтому обладает высокой многовариантностью и альтернативностью. Для развития современного общества характерно наличие бифуркации, или определенных точек в периодах существования, когда изменение внешних и внутренних неравновесных по значимости факторов в развитии общества достигает критического уровня, что ведет к неустойчивости социальных структур и одновременно с этим порождает возможность различных вариантов дальнейшего развития общества, а также возникновение нового порядка.

И. Пригожин и И. Стингерс, впервые распространившие принципы синергизма на изучение

общества, подчеркивали, что «источником порядка является неравновесность. Неравновесность есть то, что порождает порядок из хаоса»³.

Современный человек формируется в обществе с высокими социальными рисками, когда существенному изменению подвержены все социальные институты, традиционно влияющие на воспитание, образование и обучение человека, – семья, социальная среда, сама социально-экономическая система и институты образования, гражданское общество и другие социальные реалии.

Современные исследователи обращают внимание на то, что в настоящее время происходит качественное возрастание риска во всех сферах общества и практически для каждого его члена, потому что социальный риск определяется как вероятность негативного для общества или человека события. В современной литературе в самом общем виде риск рассматривается в трех главных аспектах: как возможность самого негативного события; как высокая неопределенность наступления сроков этого события; наконец, как высокая значимость (ценность) произошедшего события для человека. Общеметодологическая теория рисков была сформулирована как американским исследователем Э. Гидденсом, так и немецким ученым У. Беком. Однако Э. Гидденс обратил внимание не только на общую характеристику феномена риска, но и на то, что в современном мире постоянное обновление ситуаций риска требует от человека не только новых личностных качеств (например, мужества и самостоятельности в ситуации постоянного выбора при решении жизненно важных для человека проблем), но и достаточно четкого умения чувствовать себя господином над социальными отношениями и обстоятельствами, включенными в практику его непосредственной жизнедеятельности. Этот подход сразу же ставит вопрос о том, как и какими методами необходимо формировать индивидуально-личностные качества у подрастающих поколений молодежи, живущей в условиях высокой неопределенности.

Специфические особенности становления молодого человека в условиях общества риска, к которому относится современная Россия, рассмотрены в работе отечественной исследовательницы Ю. А. Зубок⁴. В трех больших разделах книги анализируется сначала воспроизводственный подход к анализу социальных проблем молодежи, затем рассматривается концепция риска как методолого-теоретическое обоснование социального анализа российской молодежи и на базе мониторинговых исследований, проведенных автором, делаются выводы и даются практические рекомендации, связанные с новыми тенденциями воспитания и образования современной российской молодежи.

Особую роль в сегодняшнем мире познания человека играет философия постмодерна, утверждающая необходимость междисциплинарного и

интегративного подхода к познанию социальной реальности, которую философы постмодерна предлагают анализировать, используя принципы холизма, плюрализма и толерантности. Одновременно с этим они утверждают, что в современном хаотическом и недетерминированном мире познание все больше становится искусством интерпретации и многочисленные мифы о современном мире и человеке создаются рациональными и иррациональными мыслителями, оптимистами и пессимистами, релятивистами и агностиками, то есть всякими авторами, и каждая предлагаемая ими концепция имеет право на существование.

Именно поэтому процесс становления современного человека, трансляция ему необходимых и достаточных культурных образцов, знаний, норм, традиций и идеалов требуют прежде всего всестороннего философского рассмотрения, на основе которого только и возможно создание эффективных социальных технологий, обеспечивающих оптимальное вхождение новых поколений в непредсказуемо изменяющийся мир социума.

В современной философской, социальной и культурной антропологии преобладает тенденция интегративного подхода к анализу содержательных и сущностных характеристик человека, его биогенетической, социокультурной и индивидуально-личностной природы. Этот подход основывается на междисциплинарном анализе феномена современного человека.

Интегративный подход выявляет, что возрастание степени внешней свободы современного человека все еще сочетается с относительной неразвитостью качества и меры его внутренней свободы. Современное эмпирическое знание показывает усиление противоречия между возрастанием интеллектуальной, в первую очередь рационалистической, составляющей образования подрастающих поколений и запаздывающей эмоционально-нравственной культурой каждого современного субъекта, что создает реальную угрозу для решения проблем выживания как отдельного человека, так и всего человечества.

В условиях радикальной трансформации современных народов и государств особенно значимыми становятся ментальность народов и базисные ценности культуры, определяющие не только национальный характер, но и историческую судьбу народов и государств.

Вместе с тем современная история еще раз доказала, что наличие единого социального идеала в массовом сознании населения делает все общество более сплоченным и способствует реализации на основе быстрых темпов модернизационного изменения и кардинальной трансформации всех сфер социальной практики.

Существующие научные, а не умоглядные представления о ментальности и национальном характере, стереотипах сознания и системах ценностей народов, о массовом сознании и поведении

населения позволяют получить адекватное представление о существе социальных механизмов, которые способствуют или препятствуют социальным процессам модернизации и трансформации, а также процессам трансляции и преемственности культуры в диалектическом единстве традиций и новаций.

Разрабатываемый современной философией синергийно-информационный подход обладает большим эвристическим потенциалом, позволяющим представить феномен человека не как совокупность социальных ролей и функций в обществе, а как начало становления подлинного субъекта общественных отношений, как развивающегося в сфере мышления, морального сознания и праксеологически-познавательного интеллекта человека, как подлинное природно-социокультурное начало исторического процесса, а не конечный и неизменный продукт биосоциальной эволюции.

Стереотипы сознания и социальные представления определяют массовое сознание населения трансформирующихся и модернизирующихся стран, а реально происходящие процессы сохранения, эволюции или радикального изменения существующих в обществе систем базовых и инструментальных ценностей в полной мере выявляются в процессах социокультурной адаптации населения к радикально изменяющимся условиям социального бытия. Эти процессы, равно как и сама структура, уровни и функции социокультурной адаптации населения, зависят от индивидуальностно-личностной направленности субъектов адаптации, их взаимодействия с социальным окружением и социальными институтами общества, а также от общего эмоционального настроения общества по отношению к реализуемому или только декларируемому курсу радикальных преобразований.

Успешное осуществление таких изменений в нашей стране, как показывают материалы мониторинговых эмпирических исследований, проводимых в течение многих лет под руководством Н. И. Лапина в Институте философии РАН, обеспечивается только тогда, когда в обществе сохраняется достаточно спокойная, не тревожная атмосфера и большинство населения позитивно относится ко всему происходящему в обществе. Характерно, что в этих условиях население имеет доминирующую четкую установку на ценности частной жизни, семью и материальный достаток и достаточно апатично по отношению к политике⁵.

Социальная практика не только России, но и других современных модернизирующихся стран доказывает возможность плодотворного сочетания транзитивности стереотипов сознания, доминирование их направленности на преуспевание и успехи в карьере с очевидным возрождением и сохранением вековых традиций своей этнонациональной культуры, поэтому практически во всем мире массовые социокультурные процессы стали в первую очередь этносоциокультурными процессами.

Практика показывает, что в любом транзитивном модернизирующемся обществе ускоряется взаимодействие культур, возрастает динамика их взаимодействия, изменяются и сами механизмы трансляции культуры, а также существенно эволюционируют практически все социальные институты, возникшие и действующие в каждом современном обществе в качестве трансляторов как традиционных, так и инновационных культурных норм и стандартов поведения.

Новый культурный код быстрее и легче всего осваивает наиболее молодая и образованная часть общества, что определяется не только спецификой возраста, но в не меньшей степени еще и тем, что современные культурные коды являются доминирующим объектом манипуляции всех СМИ, которые призваны формировать массовое мифологизированное сознание населения. На базе пропаганды основных ценностей общества потребления складываются стереотипы сознания символического обмена, характерного для современных рыночных обществ, которые находятся за пределами как марксовской концепции отчуждения человека, так и дюркгеймовской концепции аномии. На место этих классических концепций человека в условиях индустриального общества приходит и становится все более популярной «антисоциальная» теория Ж. Бодрийяра, включающая анализ потребительского общества и концепцию симулякров, то есть такого символического обмена, который предполагает обмен между символами, или знаками, а не взаимодействие символов и реальности. Этот новый культурный код определенным образом влияет на людей и довольно существенно определяет их потребности, и главным образом символическое потребление, которое в условиях информсистем и неопределенности культурного кода становится все более симулятивным⁶.

Наиболее ярким примером такого символического обмена являются все реформы в нашей системе образования: вначале стремление каждого вуза стать университетом, академией, высшей школой и пр., затем введение многоуровневого образования с громкими титулами «бакалавр», «магистрант», «магистр» и как апофеоз всех образовательных симулякров – пресловутый ЕГЭ, где проблема символического обмена Ж. Бодрийяра доведена до своего логического конца.

Становление информационной культуры в современном мире выявило особую роль и значение интеллектуальной творческой элиты, обеспечивающей качественно новое приращение знаний и ценностей, трансформацию экономики на основе принципов цивилизованного рынка и оптимального сочетания традиционного – инновационного в социокультурной жизни общества. Создание нового, будь то научные открытия, социальные технологии, артефакты культуры и многое другое, невозможно без существования квалифицированной и практически деятельной интеллектуальной

элиты, формирование которой, главным образом, и призвана осуществлять современная высшая школа. Подготовка интеллектуальной элиты предполагает превращение обучающегося в активного деятельного субъекта трансляции, трансформации и инновационного развития культуры.

Современный человек как субъект культурного творчества должен обладать таким новым мировоззренческим качеством, как толерантность к возрастающему многообразию культур и их теоретическому анализу, а следовательно, иметь достаточно плюралистические ориентации в методологии. Субъект культуры понимает, что и его личная судьба, и судьба всего общества зависит не только от наличия частной собственности и цивилизованного рынка, практической реализации демократических идеалов и эффективного функционирования гражданского общества, но также и от индивидуальной предприимчивости самого субъекта, его творческого, индивидуально-личностного отношения к действительности, позитивного отношения к новациям и нововведениям. Для каждого представителя интеллектуальной творческой элиты характерны личностная творческая активность, инициативность, высокий уровень нравственной культуры и стремление к практическому воплощению своей потребности в самореализации.

Несмотря на природную и индивидуально-личностную уникальность человека, его социализация предполагает овладение конкретно-историческими, но типичными для данного общества социальными ролями, без чего невозможно осуществить включенность индивида в социальные связи и отношения, осуществить его оптимальную социокультурную адаптацию к миру социума. Человек на практике реализует определенные, одобряемые обществом стандарты поведения, и этим обеспечивается стабильность общественной практики, а при сохранении базисных культурных традиций сохраняется и определенный консенсус существующих в нем социальных групп или социальная структура общества.

В современных исследованиях человек рассматривается как деятельное и творческое существо, субъект труда, общения и познания, причем проблемы творчества чаще всего анализируются в рамках соотнесения таких базовых понятий, как «культура», «деятельность», «творчество». Творчество понимается как процесс, исторически меняющийся и связывающий воедино и процесс стереотипизации, или создания по образцу, и создание нового, не известного в данном обществе.

Культура предполагает, что в процессе ее сохранения и развития задействованы репродуктивные и продуктивные стороны интеллекта ее творцов и созидателей, а сам культурный процесс всегда выступает как единство традиционного и новационного, потому что для сохранения и развития культуры одинаково важны как существующие в ней традиции, так и возникающие

новации. Однако не менее важно и взвешенное их соотношение, особенно тогда, когда идут процессы воспитания, образования и обучения подрастающих поколений, благодаря чему осуществляется преемственность культуры и сохраняются этнос и само общество как система деятельного взаимодействия существующих социальных институтов, организаций и учреждений, массовых процессов и практических действий.

Рассматривая специфику современных этносоциокультурных процессов, исследователи подчеркивают, что они хаотичны и непредсказуемы и связаны с динамикой всех исторических процессов современности, с усложнением социальной практики современного человечества, высокой мобильностью населения планеты, неконтролируемой урбанизацией большинства стран, ростом потребительской идеологии и массового мифологического сознания, формируемого направленной деятельностью глобальных и локальных СМИ.

Вместе с тем в современных условиях возрастают роль и значение интеллектуальной творческой элиты в жизни каждого государства, стремящегося к модернизации и устойчивому развитию. Смысл современной новейшей модернизации правящие структуры разных государств, как и сами народы, видят в том, чтобы в итоге модернизации каждому гражданину страны, актору социальных процессов, было обеспечено достойное и комфортное существование с соблюдением всех неотъемлемых прав человека, живущего в XXI веке. Еще в самом начале трансформационных процессов в современной России известный отечественный автор А. С. Панарин писал о том, что «современные творческие интеллектуальные элиты отличаются не только показателями высокой компетентности в престижных видах деятельности, но и четкими социокультурными позициями, противоположными как социальному и национальному отщепенству, так и безродности «граждан мира»⁷.

Культура понимается многими авторами как все искусственное, созданное человеком. Согласно этому подходу вся искусственная среда предстает как способ человеческого бытия и результат всей человеческой деятельности и одновременно как совокупность различных духовных культурных универсалий, норм и ценностей, а также разнообразных экономических, политических, религиозных и других социальных институтов, организаций и учреждений, созданных людьми для их совместной деятельности и общения. Предельно широкое определение культуры, особенно значимое для темы этой статьи, дано в работе отечественного исследователя А. Я. Флиера «Некультурные функции культуры»: «Культура – это принцип упорядочивания мира, нормирования человеческих отношений, систематизации знаний и представлений о бытии. А это накапливается по ходу истории. И этому надо учиться»⁸.

Поэтому в процессе трансляции культуры подрастающим поколениям главным становится изучение активных связей человека с миром природы, социума и собственным индивидуально-личностным, или субъектным миром человека.

В переходном состоянии современных модернизирующихся в рамках либеральной идеологии обществ и государств особенно значимым становится рост индивидуальной свободы человека, его автономности и независимости от господствующих традиционных культурных форм жизнедеятельности общества. На протяжении последних десятилетий модернизацию современного российского общества связывали с возникновением института частной собственности и рынком, функционированием гражданского общества и демократическими институтами власти, считая, что все остальные параметры новейшей модернизации возникнут сами собой.

Однако современная история убедительно доказала особую значимость культурных традиций, национального характера и ментальности народов, осуществляющих переход к новым общественным отношениям. Именно эти компоненты сыграли решающую роль в успехах/неудачах модернизации многих современных народов и государств.

Для начала XXI в. наиболее значимым становится тот факт, что половина современного человечества – горожане и рост городов становится особенностью народонаселения Земли. Население этих городов составляют не только горожане, живущие в условиях городов в течение нескольких поколений, но и в не меньшей степени мигранты, недавно ставшие жителями города. Подавляющее число мигрантов испытывают большие трудности, находясь на рубеже двух культур – своей и новой для них, городской. Они образуют маргинальные слои населения, которые отличаются девиантным, а нередко и делинквентным поведением.

Существующие в современном философском, культурологическом и психологическом знании подходы к проблемам стереотипов сознания, социальным представлениям и социокультурной адаптации в условиях современного общества риска позволяют более глубоко и адекватно понять внутренние механизмы, обеспечивающие процессы вхождения в культуру каждого последующего поколения. Знание этих механизмов необходимо для того, чтобы разрабатывать более эффективные способы и формы образования и воспитания подрастающих поколений в системе социальных институтов и учреждений общества.

По мере усложнения социальной практики образовательная подготовка подрастающих поколений, особенно живущих в городах, становится все более длительной и требует увеличения социального времени на подготовку молодежи к жизни в современном обществе, а также все больших финансово-экономических и социокультурных

затрат, от которых напрямую зависит возрастание стоимости главного богатства любого современного общества – его человеческого капитала.

Базисным основанием становления человека как социокультурного типа личности всегда были и остаются определенные стереотипы сознания, на основе которых складываются стереотипы поведения и фиксированные установки личности. Стереотипы сознания представляют собой типовые, ожидаемые реакции субъекта или группы на конкретные процессы, свидетелями или участниками которых они являются. У. Липпман, создавший концепцию стереотипов сознания, отмечал, что стереотипы представляют собой преимущественно упрощенные клише, описывающие эмоциональную реакцию конкретной социальной группы или человека на разные факты социальной действительности. Эти стереотипы используются индивидом независимо от его личного эмпирического опыта, они помогают быстро реагировать на полученную информацию и определять соответственно существующим стереотипам свое поведение.

Современное социально-гуманитарное знание считает важнейшими социальными институтами, передающими стереотипы сознания подрастающим поколениям, семью, сверстников и СМИ. Стереотипы составляют важную часть как индивидуального, так и массового сознания людей, принадлежащих к одному этносоциокультурному кругу.

В условиях современности, когда происходила и происходит радикальная трансформация всех сфер жизнедеятельности российского общества, перед всеми звеньями системы образования встали новые, ранее не решаемые образовательные задачи подготовки специалистов, социальные характеристики и индивидуально-личностные качества которых существенно отличаются от качеств, традиционно формировавшихся в условиях авторитарно-бюрократического общества. Новая нормативная модель современного человека предполагает, что он будет не только активно деятельным и инициативным, но и отвечать высоким моральным качествам. Специалисты считают, что он должен быть свободным и обладать определенной частной собственностью, ответственно относиться к гражданским обязанностям и разделять демократические принципы государственного устройства. Человек, живущий и действующий в условиях цивилизованных рыночных отношений, должен позитивно относиться к инновативной деятельности и одновременно уважать культурные традиции не только своей страны, но и всех стран, с которыми его связывают деловые отношения.

В современных условиях в России складываются традиции, основывающиеся на принципах теории интегративного управления, предполагающей разные формы интеграции – культурную, нормативную, функциональную, коммуникационную,

– и вся эта современная актуальная проблематика должна быть неотъемлемой частью содержания новейшего образования. В современном мире уже сложилось четкое представление о том, что через социальный институт образования любое общество не только сохраняет, но и умножает свой культурный потенциал, обеспечивает за счет инвестиций в сегодняшнее образование рост своего потенциального, а значит, в недалеком будущем и реального материального богатства, которое всегда может создать человек, имеющий необходимые знания и социокультурные качества, обеспечивающие взаимопонимание и консолидацию всех членов общества.

Отечественные исследователи в последние годы также стали внимательно изучать роль элиты в модернизации современной России, потому что происходящие кризисные процессы в обществе убедительно доказывают, что именно качественные характеристики отечественной элиты определяют многие наши просчеты и негативные тенденции. Создание интеллектуальной творческой элиты, вырастающей на базе отечественной культуры и инновационных тенденций во всех сферах жизни общества, – главная задача современного отечественного прикладного социально-гуманитарного знания.

Политические, хозяйственно-экономические и социокультурные проблемы современного человечества связаны с продолжающейся модернизацией ряда стран и народов, с осуществлением хозяйственной деятельности в условиях усиливающегося дефицита природных и социокультурных составляющих и перехода ряда высокоразвитых стран от постиндустриальной экономики к становлению развивающейся информационной культуры, главным товаром которой является информация, а ее открывателем, разработчиком и хранителем – самоорганизующаяся творческая личность, или человеческий капитал (в терминах современного социально-гуманитарного знания).

Переход современного человечества к информационному типу культуры предполагает: совершенствование хозяйственной деятельности в условиях усиливающегося дефицита природных и культурных составляющих; отказ от бюрократических, авторитарных, узкотехнологических методов руководства; использование на практике принципов гуманитарного, косвенного управления и резкое возрастание инвестиций в человеческий капитал.

Прежние, сформировавшиеся за длительный период параметры человека, работающего в индустриальном обществе, не удовлетворяют более стремительно меняющемуся миру. Эпоха человека – приписка машины, человека-инструмента заканчивается. Наступает время человека-творца, но не в виде избранного гения, а в форме творчества субъекта как формы жизни, свойственной абсолютно каждому человеку, который умеет и хочет творить только по личному желанию.

Это не очередная утопия, но стремление к реализации высшего предназначения каждого человека – быть творцом, создавать новое и развиваться самому, быть счастливым внутренне, так как, по мнению А. Маслоу, только процесс созидания содержит высшие неэгоистические и трансцендентные мотиваторы⁹.

Анализ основ мотивации индивидуальной и групповой трудовой деятельности в современных условиях все менее оказывается связанным с производительным трудом и созданием товара в вещной форме. Однако для любого общества сохраняется высшая значимость позитивной мотивации труда и исследователями предполагаются разнообразные модели адекватного поведения работающих, обеспечивающие их высокую позитивную мотивацию, реализацию потребности человека в творчестве и постоянном самосовершенствовании.

Менее всего молодые понимают рынок как определенный способ хозяйствования, для чего необходимы определенные как деловые, так и человеческие качества. В условиях рынка нет места иждивенчеству молодых и политике патернализма со стороны старших. Рынок требует деловых, организованных людей, ориентированных в первую очередь на собственную инициативность, умение общаться с деловыми партнерами не запанибратя, а по законам цивилизованного рынка, дающего каждому свой шанс. Если подходить к оценке молодежи с этих позиций, то можно сделать вывод, что подавляющее большинство молодых в России до сих пор не обладают теми личностными качествами, которые необходимы для реализации цивилизованной рыночной экономики.

Анализ современного российского человеческого потенциала (в первую очередь детей и молодежи РФ начала XXI в.) позволяет выявить тенденции его изменения на ближайшую перспективу и создать социальные технологии, способствующие формированию таких социальных качеств работника, которые обеспечат его успешную деятельность в сфере высоких технологий в рамках современных организаций, ориентированных на новые социальные и гуманистические цели хозяйственной деятельности, а также будут способствовать реализации индивидуально-личностных жизненных планов подрастающих поколений.

Примечания

- 1 См.: Ахизер А. С. Россия : критика исторического опыта / Социокультурная динамика России. Т. 1. : От прошлого к будущему : 2-е изд. Новосибирск, 1998 ; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- 2 Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 396.
- 3 Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. С. 265.
- 4 См.: Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007.
- 5 См.: Латин Н. И. Пути России : социокультурные трансформации. М., 2000.
- 6 См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- 7 Панарин А. С. Философия политики. М., 1994. С. 302–303.
- 8 Флиер А. Я. Некультурные функции культуры. М., 2008. С. 272.
- 9 См.: Маслоу А. Дальние резервы человеческой психики. М., 2007. С. 168.

УДК 316.35:614.2

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ АМБУЛАТОРНО-ПОЛИКЛИНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Е. А. Андриянова, Ю. А. Позднова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: pozdnova@mail.ru

На базе эмпирического исследования анализируются факторы формирования социальных стереотипов медицинской активности городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи. Ситуация недоверия к амбулаторно-поликлинической помощи рассматривается авторами как результат действия негативных социальных стереотипов в отношении данного социального института.

Ключевые слова: медицинская активность, социальный стереотип, амбулаторно-поликлиническая помощь как социальный институт, практики поддержания здоровья.

Formation of Social Stereotypes Factors of Urban Population Concerning the Out-Patient-Polyclinic Help

E. A. Andriyanova, Yu. A. Pozdnova

On the basis of empirical research factors of formation of social stereotypes of medical activity of urban population concerning the out-patient-polyclinic help are analyzed. The situation of mistrust to the out-patient-polyclinic help is considered by authors as result of negative social stereotypes concerning the given social institute action.

Это не очередная утопия, но стремление к реализации высшего предназначения каждого человека – быть творцом, создавать новое и развиваться самому, быть счастливым внутренне, так как, по мнению А. Маслоу, только процесс созидания содержит высшие неэгоистические и трансцендентные мотиваторы⁹.

Анализ основ мотивации индивидуальной и групповой трудовой деятельности в современных условиях все менее оказывается связанным с производительным трудом и созданием товара в вещной форме. Однако для любого общества сохраняется высшая значимость позитивной мотивации труда и исследователями предполагаются разнообразные модели адекватного поведения работающих, обеспечивающие их высокую позитивную мотивацию, реализацию потребности человека в творчестве и постоянном самосовершенствовании.

Менее всего молодые понимают рынок как определенный способ хозяйствования, для чего необходимы определенные как деловые, так и человеческие качества. В условиях рынка нет места иждивенчеству молодых и политике патернализма со стороны старших. Рынок требует деловых, организованных людей, ориентированных в первую очередь на собственную инициативность, умение общаться с деловыми партнерами не запанибрата, а по законам цивилизованного рынка, дающего каждому свой шанс. Если подходить к оценке молодежи с этих позиций, то можно сделать вывод, что подавляющее большинство молодых в России до сих пор не обладают теми личностными качествами, которые необходимы для реализации цивилизованной рыночной экономики.

Анализ современного российского человеческого потенциала (в первую очередь детей и молодежи РФ начала XXI в.) позволяет выявить тенденции его изменения на ближайшую перспективу и создать социальные технологии, способствующие формированию таких социальных качеств работника, которые обеспечат его успешную деятельность в сфере высоких технологий в рамках современных организаций, ориентированных на новые социальные и гуманистические цели хозяйственной деятельности, а также будут способствовать реализации индивидуально-личностных жизненных планов подрастающих поколений.

Примечания

- 1 См.: Ахизер А. С. Россия : критика исторического опыта / Социокультурная динамика России. Т. 1. : От прошлого к будущему : 2-е изд. Новосибирск, 1998 ; Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.
- 2 Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 396.
- 3 Пригожин И., Стингерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2001. С. 265.
- 4 См.: Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007.
- 5 См.: Лапин Н. И. Пути России : социокультурные трансформации. М., 2000.
- 6 См.: Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
- 7 Панарин А. С. Философия политики. М., 1994. С. 302–303.
- 8 Флиер А. Я. Некультурные функции культуры. М., 2008. С. 272.
- 9 См.: Маслоу А. Дальние резервы человеческой психики. М., 2007. С. 168.

УДК 316.35:614.2

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ АМБУЛАТОРНО-ПОЛИКЛИНИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Е. А. Андриянова, Ю. А. Позднова

Саратовский государственный медицинский университет
E-mail: pozdnova@mail.ru

На базе эмпирического исследования анализируются факторы формирования социальных стереотипов медицинской активности городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи. Ситуация недоверия к амбулаторно-поликлинической помощи рассматривается авторами как результат действия негативных социальных стереотипов в отношении данного социального института.

Ключевые слова: медицинская активность, социальный стереотип, амбулаторно-поликлиническая помощь как социальный институт, практики поддержания здоровья.

Formation of Social Stereotypes Factors of Urban Population Concerning the Out-Patient-Polyclinic Help

E. A. Andriyanova, Yu. A. Pozdnova

On the basis of empirical research factors of formation of social stereotypes of medical activity of urban population concerning the out-patient-polyclinic help are analyzed. The situation of mistrust to the out-patient-polyclinic help is considered by authors as result of negative social stereotypes concerning the given social institute action.

Key words: medical activity, social stereotype, out-patient-polyclinic help as social institute, practices of health maintenance.

На сегодняшний день базовые направления совершенствования амбулаторно-поликлинической помощи населению как первичного звена здравоохранения концептуально определены в Национальном проекте «Здоровье». В его рамках государство уделяет большое внимание совершенствованию амбулаторно-поликлинической помощи в контексте развития профилактического направления модернизации отечественного здравоохранения. В научной литературе сложилась точка зрения, согласно которой профилактическое направление в российской медицине еще долго будет «буксовать» в силу отсутствия у большинства населения необходимой мотивации активного поддержания собственного здоровья¹. В этой связи представляются значимыми социологическая рефлексия социальных стереотипов, определяющих медицинскую активность населения, а также практики поддержания его здоровья наличными ресурсами амбулаторно-поликлинической помощи.

В социологии социальный стереотип как феномен общественного сознания связывают с продуцированием привычного (шаблонного) отношения личности к различным явлениям. В качестве его основных черт выделяют высокую устойчивость и непосредственное влияние на поведение субъекта социальной активности в качестве направляющих². Использование понятия «социальный стереотип» в качестве исследовательского инструмента в проблемном поле социологии медицины позволяет выявить систему социальных и социально-психологических детерминант медицинской активности субъектов медико-социального взаимодействия. Под медицинской активностью нами понимается поведение субъекта, определяемое его отношением к собственному здоровью и реализуемое в процессе его взаимодействия с учреждениями здравоохранения. Медицинская активность реализуется в различных направлениях. К ним относятся: систематическое обращение к специалистам-медикам, выполнение врачебных рекомендаций, прохождение диспансеризации.

Ставя в центр рассмотрения факторы формирования социальных стереотипов в отношении к амбулаторно-поликлинической помощи, мы исходили из того, что данный институт обладает рядом существенных характеристик. К ним относятся: доступность, комплексность обслуживания пациентов и непрерывность наблюдения за ними, обеспечение гарантированного минимума медицинской, психологической и социальной помощи; возможность предупреждения патологических состояний,

раннее выявление и своевременное лечение заболеваний³.

Негативные социальные стереотипы в отношении амбулаторно-поликлинической помощи, на наш взгляд, являются причиной такого опасного феномена современной российской реальности, как позднее обращение за медицинской помощью. Так, по данным мониторинга НИИ им. Н. А. Семашко, 96,1% больных обращаются за медицинской помощью в последний момент, с запущенными формами болезней⁴. Исследования, проведенные под руководством академика А. В. Решетникова, показали, что преобладание среди россиян негативной оценки всех видов медицинской помощи имеет тенденцию к нарастанию⁵. Снижается уровень доверия к амбулаторно-поликлинической помощи как институту медицины, формируется ее негативный образ. Как следствие, «официальная» медицина не рассматривается населением как результативная практика поддержания здоровья.

При рассмотрении процесса формирования социальных стереотипов в отношении амбулаторно-поликлинической помощи нами учитывались два вида системных социальных факторов: внутренние и внешние. Неравнозначное соотношение указанных факторов определяет «полярность» наличных социальных стереотипов.

К внутренним факторам, формирующим социальные стереотипы в отношении амбулаторно-поликлинической помощи, отнесены следующие: 1) отношение личности к собственному здоровью как ценности; 2) доверие к учреждениям здравоохранения. Отношение к здоровью задает некий алгоритм здоровьесберегающего поведения личности и определяется особенностями мотивации субъекта.

На уровне личности интериоризация здоровья как фундаментальной ценности проявляется в ответственном отношении к собственному здоровью и выборе наиболее эффективной для субъекта траектории здоровьесберегающего поведения. Ответственное отношение к собственному здоровью предполагает наличие потребности в индивидуальном «мониторинговании» здоровья не только в ситуации его значительного ухудшения или угрозы его потери, но и в повседневной практике. Последняя включает в себя регулярную диагностику, систематическое обращение за врачебной консультацией. На сегодняшний день возможности реализации подобной практики созданы в рамках амбулаторно-поликлинической помощи. Одним из опасных векторов развития недоверия к данному социальному институту является обращение населения к другим, более «популярным» практикам поддержания здоровья (самолечение, обращение к представителям нетрадиционной медицины и др.).

К внешним факторам формирования социальных стереотипов в отношении амбулаторно-поликлинической помощи относятся такие элементы социальной среды, как: 1) семейное воспитание; 2) индивидуальные практики взаимодействия с учреждениями здравоохранения; 3) имидж амбулаторно-поликлинической помощи, сформированный средствами масс-медиа.

С целью выявления значимости воздействия выделенных факторов на формирование социальных стереотипов городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи нами в 2010 г. было проведено социологическое исследование (N = 564). Исследование проводилось в г. Саратове как типовом областном центре. Тип выборки пропорциональный; контроль репрезентативности осуществлялся по полу и возрасту. Шкала возрастных групп определялась как равномерная интервальная: 25–34 года (37%), 35–44 года (34%) и 45–55 лет (29%). Возрастной ценз ограничен трудоспособным возрастом – 25–55 лет. Работающие составляли 90%. Среди респондентов преобладали женщины (54%). Образовательный статус респондентов представлен следующим образом: высшее профессиональное образование – 67%, среднее специальное – 27% и среднее – 6%.

Первый блок анкеты включал в себя вопросы, касающиеся отношения личности к собственному здоровью и доверия к учреждениям здравоохранения. Основным индикатором в оценке отношений личности к собственному здоровью явился показатель «самооценка здоровья». Респондентам было предложено оценить состояние собственного здоровья по пятибалльной шкале. Оценили состояние здоровья как «очень хорошее» и «хорошее» лишь 17% респондентов, как «удовлетворительное» – 77% и только 6% опрошенных – как «неудовлетворительное». Полученные данные соответствуют опубликованным Федеральной службой государственной статистики (Росстат) в 2008 г.⁶

Различия в самооценке здоровья у респондентов проанализированы по следующим критериям: гендерные различия, возраст и уровень образования (табл. 1). Гендерные различия в самооценке здоровья характеризуются традиционно завышенной самооценкой здоровья у мужчин (72% удовлетворены собственным здоровьем) по сравнению с женщинами (58%). По возрастному критерию распределение самооценки здоровья саратовцев отражает традиционную для России картину снижения уровня здоровья с увеличением возраста⁷: от 82% респондентов в возрасте 25–34 лет до 37% в возрасте 45–55 лет. Свыше половины опрошенных с высшим образованием более лояльны в оценках собственного здоровья (68%) по сравнению с респондентами, имеющими среднее образование (41%).

Таблица 1

Различия в самооценке здоровья у респондентов, %

Респонденты		Удовлетворены	Неудовлетворены
✓	Мужчины	72	28
	Женщины	58	42
✓	25–34 года	82	18
	35–44 года	67	33
	45–55 лет	37	63
✓	Высшее образование	68	32
	Среднее образование	41	59

Полученные данные показали, что почти все респонденты, в том числе и имеющие хронические заболевания, обращаются за медицинской помощью в районную поликлинику только в случае появления болевого синдрома или резкого обострения имеющегося хронического заболевания (91%). Не обращались в поликлинику за последние два года 37% опрошенных. Эти данные коррелируют с результатами общероссийских исследований по выявлению причин поздней обращаемости за амбулаторно-поликлинической помощью⁸. Только 13% участников опроса обращаются в поликлинику при первых симптомах недомогания. Обращаются за амбулаторно-поликлинической помощью в связи с необходимостью получения больничного листа 34% респондентов. Профосмотр как причину посещения поликлиники назвали 39% опрошенных.

Большинство респондентов (69%) квалифицированной врачебной помощи предпочитают самолечение. Свое нежелание обращаться в районную поликлинику 51% опрошенных объясняет большими потерями времени, 17% в качестве причины выбрали ответ «график работы не позволяет посещать поликлинику». Респонденты, работающие в негосударственных учреждениях (24%), предпочитают обращаться за медицинской помощью только в крайних случаях, когда состояние здоровья уже не позволяет им работать. Об этом убедительно говорят их высказывания типа «у меня серьезная работа, а сидеть в очереди нет времени и желания».

Одним из самых значительных ресурсов амбулаторно-поликлинической помощи является диспансеризация. Ответы респондентов отражают формальное отношение горожан трудоспособного возраста к диспансеризации. На предложение выбрать высказывание относительно диспансеризации, с которым респонденты могли бы согласиться, 56% опрошенных выбрали ответ, что «диспансеризация является формальной процедурой, которая существенных результатов не приносит». Во многом их желание оправдать свое бездействие в отношении к собственному здоровью связано с социальными стереотипами, отражающими патерналистские традиции в медицине.

Семейное воспитание, выделенное в качестве внешнего фактора формирования социальных стереотипов медицинской активности в отношении амбулаторно-поликлинической помощи, позволяет объяснить этот процесс в контексте механизмов социализации. Семья как первичный институт социализации выполняет ряд значимых функций в формировании содержательного наполнения практик поддержания здоровья. Семейное воспитание как социальная технология воспроизводства всего спектра социальных стереотипов актуализирует личный опыт, задает некий алгоритм исчерпывающего действия в отношении здоровья и позволяет распространять его на различные ситуации. Именно в семье формируется, в частности, опыт взаимодействия с амбулаторно-поликлинической службой.

Усвоение практик поддержания здоровья ребенком в процессе семейного воспитания является предметом большого количества исследований. Так, И. В. Журавлева, исследуя здоровье подростков, установила прямую зависимость оценки ими своего здоровья от уровня образования родителей⁹. Аналогичные вопросы поднимаются в исследованиях Т. А. Гурко в связи с курением детей и родителей¹⁰. Прямая зависимость образа жизни детей от гигиенического поведения их родителей установлена в исследованиях под руководством О. В. Грениной¹¹. Согласно данным нашего исследования, 38% респондентов отметили, что традиции поддержания здоровья получили в родительских семьях. Чуть менее половины опрошенных (45%), оценивших свое здоровье как «хорошее», связывают его именно с семейным воспитанием (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязь самооценки здоровья и источника практик его поддержания, %

Показатель	«Хорошее» здоровье	«Удовлетворительное» здоровье	«Неудовлетворительное» здоровье
Семейное воспитание	45	33	1
Пример окружающих	11	28	0
Образование	9	20	9
Медицинская информация в СМИ	17	28	17
Ухудшение здоровья	14	45	77
Мода на здоровый образ жизни	15	14	4
Необходимость быть в хорошей форме	26	33	6

Таким образом, личный опыт старшего поколения включен в процесс конструирования практик поддержания здоровья младшего поколения. Благодаря ретрансляционной функции семьи происходит «клиширование» всего спектра социальных стереотипов в отношении как собственного здоровья, так и амбулаторно-поликлинической помощи практически в неизменном виде.

Индивидуальный опыт взаимодействия с учреждениями здравоохранения непосредственно связан с личной оценкой деятельности конкретного учреждения здравоохранения и работающих там врачей. Согласно данным проведенного опроса, большинство респондентов (72%) отмечают неудовлетворенность качеством работы районной поликлиники (табл. 3). Женщины более требовательны к амбулаторно-поликлинической помощи, нежели мужчины. Неудовлетворенность поликлинической помощью увеличивается с возрастом. Достоверных различий ($p < 0,05$) среди работающих и неработающих респондентов не установлено.

Полученные результаты свидетельствуют о невысоком уровне удовлетворенности горожан амбулаторно-поликлинической помощью и соответствуют данным ряда российских исследований, проведенных в период с 2001 по 2011 г.¹²

Таблица 3

Удовлетворенность качеством работы районной поликлиники, %

Респонденты	Удовлетворены	Неудовлетворены
✓ Мужчины	43	67
Женщины	33	77
✓ 25–34 года	40	60
35–44 года	27	73
45–55 лет	17	83
✓ Работающий	29	71
Неработающий	25	75

Испытывают трудности с доступностью посещения участковых терапевтов и специалистов в связи с наличием очередей в поликлиниках 84% респондентов. Большинство (85%) столкнулось с неуважительным отношением со стороны медицинского персонала поликлиники. Подавляющее большинство респондентов (94%) оценивают уровень обеспечения медицинским оборудованием районных поликлиник как недостаточный и считают его некачественным. Недовольны неточностью диагнозов 67% и недостаточной оперативностью диагностики в поликлинике 84% опрошенных. Не доверяют

диагнозу, поставленному в поликлинике, 17% респондентов. График работы поликлиник оценивают как «неудобный» 77% участников опроса, несмотря на то что территориальное удобство районных поликлиник оценили положительно 68% опрошенных.

При возникновении проблем со здоровьем обращаются к участковому терапевту 43% (мужчины – 36%, а женщины – 51%); в частный медицинский центр 23% респондентов. Прислушиваются к советам фармацевтов в аптеке 30%, лечится самостоятельно методами народной медицины (травы, уринотерапия, лечебное голодание и пр.) треть опрошенных (32%). Не знают фамилии своего участкового терапевта 63% респондентов.

Предпочитает консультироваться с участковым врачом только 34%, в то время как 36% респондентов консультируются в первую очередь у знакомого врача, 38% – с родственниками и друзьями, предпочитают консультацию фармацевта в аптеке – 16%, врача коммерческого медицинского центра – 14%, читают медицинские справочники и статьи в сети Интернет – 24% опрошенных. Большинство респондентов (61%) предпочитают квалифицированной медицинской помощи самолечение. Основное количество женщин (69%) предпочитают лечиться самостоятельно, не прибегая к помощи специалистов. В зависимости от возраста респондентов ответы распределились следующим образом: от 25 до 34 лет – 58%, от 35 до 44 лет – 62%, от 45 до 55 лет – 65%. К самолечению более склонны работающие респонденты (71%).

Одним из ведущих факторов формирования социальных стереотипов городского населения в отношении амбулаторно-поликлинической помощи выступает информационная среда, создаваемая средствами массовой информации. Объективная значимость СМИ как канала информации и высокий уровень доверия населения к ним обуславливают необходимость рассмотрения их при анализе факторов формирования социальных стереотипов. Средства массовой информации сегодня все больше выполняют функции «проводников» информации по вопросам здоровья, профилактики болезней, а также формируют социальные стереотипы в отношении различных медицинских учреждений. Традиционно СМИ пользуются большим доверием у россиян¹³. Согласно данным нашего исследования, подавляющее большинство респондентов (94%) отмечает отсутствие информации о ресурсах муниципального здравоохранения. Кроме того, значительная часть опрошенных (92%) получает необходимую информацию о практиках поддержания здоровья по телевизору; при этом 39% специально смотрят телепередачи с информацией о здоровье.

На сегодняшний день можно констатировать, что создаваемый средствами массовой

информации имидж амбулаторно-поликлинической службы носит негативный характер. В высокорейтинговых СМИ отсутствует необходимая информация о ресурсах муниципального здравоохранения. Региональные СМИ переполнены информацией коммерческого характера. Результаты исследования, проведенного учеными Казанского технического университета, показали, что в современной прессе доля негосударственных рекламных публикаций составляет 32,1%. При этом 46,7% информации содержат отрицательную оценку деятельности институтов медицинской службы¹⁴. По данным того же исследования, информация СМИ воспроизводит патерналистскую модель отношения к здоровью, в рамках которой вся ответственность за здоровье переносится на государство, а усилия субъекта минимизированы.

Итак, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Ситуация с обращением населения за амбулаторно-поликлинической помощью как проявлением медицинской активности имеет отрицательную динамику. Большинство опрошенных демонстрируют неэффективные поведенческие стратегии относительно собственного здоровья (поздняя обращаемость за медицинской помощью, отказ от лечения или самолечение), которые базируются на стереотипизованных обобщениях о качестве и оперативности оказания медицинских услуг районной поликлиникой. Сформированные в постсоветский период негативные социальные стереотипы в отношении амбулаторно-поликлинической помощи являются барьером для медицинской активности городского населения.

В этой связи для реализации задач развития профилактического направления отечественной медицины необходимо разработать технологии системного и целенаправленного формирования эффективных социальных стереотипов медицинской активности субъектов медицинской помощи и ответственного отношения к здоровью. Мощным фактором формирования социальных стереотипов в отношении амбулаторно-поликлинической помощи является семейное воспитание. На базе эмпирического материала было показано, что в поведенческих моделях младшего поколения отражаются социальные стереотипы старшего, в частности отношение родителей к своему здоровью и здоровью детей составляет содержание повседневных гигиенических практик, практик занятий спортом, отношения к вредным привычкам и своевременность обращения за медицинской помощью. Таким образом, семейное воспитание является «благоприятной зоной» в процессе конструирования практик индивидуального «мониторинга» здоровья с использованием ресурсов амбулаторно-поликлинической помощи.

Примечания

- ¹ См.: *Шилова Л. С.* Получение медицинских услуг и модернизация здравоохранения // Национальные проекты и реформы 2000-х годов : модернизация социальной политики. М., 2009. С. 52–84.
- ² См.: *Ядов В. А.* Стереотип социальный // *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. С. 654.
- ³ См.: *Матвеев Э. Н., Потехина М. В., Злобин А. Н.* Проблемы медико-социальной помощи пожилым // Политика по отношению к здоровью пожилых в России : материалы консультативного междунар. семинара. М., 1995. С. 60–62 ; *Байрамукова Т. С., Черниенко Б. И.* Диспансерное наблюдение пациентов пожилого и старческого возраста врачом общей практики // *Качество медицинской помощи*. 2002. № 4. С. 35–41 ; *Щепин О. П.* Современный этап реформы здравоохранения и обеспечение доступности медицинской помощи в Российской Федерации // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 1999. № 3. С. 7–10.
- ⁴ См.: *Максимова Т. Н.* Современное состояние, тенденции и перспективные оценки здоровья населения. М., 2002.
- ⁵ См.: *Решетников А. В.* Социальный портрет потребителя медицинских услуг // *Экономика здравоохранения*. 2000. № 12.
- ⁶ Опрос проведен в 24 субъектах Российской Федерации в июне-июле 2008 г. Выборка 2204 человека в возрасте 15 лет и старше. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (дата обращения: 27.02.11).
- ⁷ См.: *Журавлева И. В., Иванова Л. Ю.* Улучшит ли национальный проект «Здоровье» состояние здоровья россиян? // *Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков*. Вып. 8. М., 2009. С. 377–392.
- ⁸ См.: *Максимова Т. Н.* Указ. соч.
- ⁹ См.: *Журавлева И. В.* Здоровье подростка в социоструктурном контексте // *Социальное расслоение и социальная мобильность*. М., 1999. С. 134.
- ¹⁰ См.: *Гурко Т. А.* Особенности развития личности подростков в различных типах семей // *Социс*. 1996. № 3.
- ¹¹ См.: *Григина О. В., Кича Д. И., Важнова Т. В., Хило Е. В.* Здоровье – основной раздел программы медико-социальной характеристики семьи // *Здравоохранение РФ*. 1997. № 1. С. 28.
- ¹² См.: *Котова Г. Н.* Потребность городского населения в амбулаторно-поликлинической помощи // *Здравоохранение РФ*. 2001. № 6. С. 11–13 ; *Шильникова Н. Ф., Ходакова О. В.* Социологический опрос как механизм управления лечебными учреждениями // *Социология медицины*. 2004. № 2. С. 24–26 ; *Русинова Н. Л., Панова Л. В., Бурмыкина О. Н.* Предикторы удовлетворенности потребителей услугами первичного здравоохранения // *Социология медицины*. 2006. № 2 ; *Хабриев Р. У., Серегина И. Ф.* К результатам социологического исследования по оценке доступности и качества медицинской помощи населению // *Здравоохранение РФ*. 2007. № 1. С. 3–5 ; *Светличная Т. Г., Цыганова О. А., Борчанинова Е. Л.* Анализ скрытой неудовлетворенности пациентов учреждениями здравоохранения Республики Коми // *ГлавВрач*. 2011. № 1. С. 49–53.
- ¹³ Отчет основан на данных общероссийского социологического исследования, проведенного ВЦИОМ 10–11 марта 2007 г. В ходе исследования были опрошены 1600 человек в 153 населенных пунктах 46 областей, краев и республик России. Статистическая погрешность не превышает 3,4%. URL: <http://www.oprf.ru/publications/library/2106> (дата обращения: 1.05.11).
- ¹⁴ См.: *Савельева Ж. В.* Медицина и врачи в символической реальности средств массовой коммуникации: социальное конструирование образа российской прессой // *Биоэтика*. 2011. № 1. С. 27–30.

УДК 316.422.42+929 [Южаков+Энгельгардт]

ТЕОРИЯ ПРОГРЕССА С. Н. ЮЖАКОВА И М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТА

О. Г. Антонова

Институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове
E-mail: BegininalA@info.sgu.ru

В статье рассматриваются социологические воззрения известных отечественных ученых С. Н. Южакова и М. А. Энгельгардта, на сущность прогресса, общественное развитие, нравственность личности как продукт цивилизации.

Ключевые слова: прогресс, социальный прогресс, общественное развитие, отечественная социология.

**The Theory of Progress
of S. N. Yujakov's and M. A. Angelgardt's**

O. G. Antonova

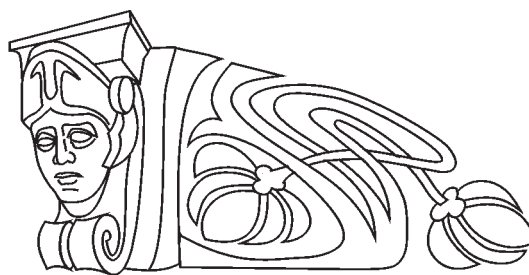
The article considers the Russian scientists S.N. Yujakov's and M.A. Angelgardt's points of view on the essence of progress, social development and personal morals as products of civilization.

Key words: progress, social progress, social development, Russian sociology.

Нравственность как важнейшее условие и фактор прогресса определял в своих трудах С. Н. Южаков – представитель субъективного направления в отечественной социологии. Определяя сущность прогресса, он разграничил прогресс исторический и органический. Органический прогресс заключается в приспособлении жизни к условиям физической среды, властно направляющей развитие жизни. Прогресс исторический – приспособление среды к потребностям жизни, преобразующее и парализующее влияние физической среды. Давая далее целостное определение общественного прогресса, С. Н. Южаков отмечал, что его суть сводится к приспособлению физической среды к потребностям жизни, развитию активности и культуры, приспособлению жизни к культуре и культуры к жизни¹.

Исходя из данного определения, важными факторами общественного развития являются деятельность личности и влияние культуры. По своей природе эти факторы антагонистичны. Рост культуры, по мнению С. Н. Южакова, сопровождался деградацией личности. Цели общественного развития связаны с борьбой человека и общества за свое существование.

В качестве важнейшего идеала общественности ученый называл нравственность, следовательно, «нравственное чувство заключается в наклонности личности поступать сообразно началам общественности и в отвращении от дел и поступков, противоречащих этим принципам»². Однако здесь видна абстрактность в трактовке

самого понятия личности, нравственности, упрощенность понимания ее роли и функций. Особенно это проявляется в утверждении о том, что согласованная нравственная самодеятельность и есть нормальная общественная деятельность, хотя известны результаты такой деятельности, которую тоже считали согласованной, в различных тоталитарных и авторитарных типах обществ³.

Вместе с тем несомненным достоинством теории С. Н. Южакова явилось признание им неоднозначности не только самого понятия прогресса, но и общественного развития. В частности, он отмечал, что при органическом типе развития, по сути, наблюдается регресс, что связано с утратой индивидом своих неотъемлемых качеств. Такой путь развития возможен не только в условиях жестко централизованной системы управления, но и по причине специализации социальных функций и в силу психических особенностей людей (их склонности к подражанию). Наоборот, тип развития, связанный с дифференциацией культуры, позволяет человеку исполнять различные роли без жесткой и узкой специализации организма и утраты своей многосторонности⁴.

В целом, теория прогресса С. Н. Южакова разрабатывалась в общем русле субъективной социологии. Как и у других представителей этого направления, главным объектом внимания являлась личность. Вместе с тем имелся и ряд отличительных особенностей. Так, если Н. К. Михайловский связывал социальный прогресс с определенным типом социальных отношений, воплощенных в кооперации, П. Л. Лавров – с деятельностью критически мыслящих личностей и ростом солидарности, то С. Н. Южаков усматривал его сущность в развитии активности и культуры, непрерывной борьбе людей за то, чтобы сделать культуру средством развития индивидуальности.

Социологические воззрения М. А. Энгельгардта складывались под сильным влиянием Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова, друживших с его отцом. Одним из первых начав разработку позитивистской модели социологической морали и опираясь на базовое понятие социологии той поры – «прогресс», – Энгельгардт пытался проследить эволюцию морали в процессе становления «цивилизованного общества». Свою

задачу он видел в том, чтобы, не останавливаясь на философских и теологических представлениях о морали, ее «сущности» и «смысле», представить и обобщить данные опытного, научного знания (этнографии, антропологии, биологии и др.) для определения линии развития нравственных законов и, используя моральный критерий, в основе которого лежат принципы действенного альтруизма и зла, выявить магистральную тенденцию, перспективу развития цивилизации.

Вывод М. А. Энгельгардта категоричен: история цивилизации дуалистична, ибо несомненный умственный, научный и технический прогресс одновременно сопровождался в ней нравственным регрессом, экспансией жестокости, массовизацией насилия. Жестокость он определял как свойство человеческого вида, но свойство не врожденное (жестокость была неведома первобытному человеку), а приобретенное человечеством в процессе его «культурного развития».

Жестокость есть продукт цивилизации, но именно черта эволюции вида, а не любого индивида. Отдельные люди, критически мыслящие личности, лишённые этого видового признака, создавали возвышенные утопии и разумные теории, художественные образы, философские принципы, развивая интеллектуальную сферу морали, и передавали результаты своей деятельности последующим поколениям. Но наряду с этим в практической эмоциональной сфере морали (в сфере чувств, стремлений, инстинктов, воли) в массе происходило ожесточение и отчуждение, распространение непонимания, конфликтов. Причем вектор насилия и жестокости идет не только по линии «свой – чужие», охватывая многообразные религиозные, расовые, этнические, классовые и другие конфликты, но распространяется и в среде «своих», так сказать, реализуя принцип «бей своих, чтобы чужие боялись». «Цивилизованный человек» способен расчувствоваться над образом, восхититься идеей, принципом,

теорией, но почти абсолютно лишен «действенного альтруизма». Поэтому перед обществом в целом стоит первостепенная задача разработки не только трудовых, физических, интеллектуальных способностей человека, но и его нравственности в духе указанного альтруизма.

До М. А. Энгельгардта идея о нравственном регрессе человечества существовала в народных преданиях и легендах об ушедшем «золотом веке», в религиозных учениях о первобытной невинности и последующем развращении человека, в философии Ж. Ж. Руссо. Новизна подхода Энгельгардта заключалась в придании им многоплановости человеческой истории, противоречиво сочетающей технические достижения с моральным варварством и невиданно жестоким отношением к другому человеку. Вот почему масштаб жестокости, особенно в войнах, растет вместе с научно-техническим прогрессом. Ценность методологического указания М. А. Энгельгардта, по мнению Н. К. Михайловского, состояла в том, что в своих выводах о нравах разных народов и эпох он «опирался на научные данные» и эмпирическое их сопоставление. Идеи социолога получили высокую оценку Л. Н. Толстого, Н. К. Михайловского, С. А. Венгерова, П. А. Сорокина⁵.

Примечания

- ¹ См.: Южаков С. Н. Определение общества // Социология в России XIX – начала XX веков. Вып. 3. М., 2001.
- ² Южаков С. Н. Социологические этюды : в 2 т. СПб., 1891. Т. I.
- ³ См.: Миненков Г. Я. Введение в историю российской социологии. Минск, 2000.
- ⁴ См.: Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / под ред. Б. А. Чагина. Л., 1978.
- ⁵ См.: Социологи России и СНГ XIX–XX вв. М., 1999.

Слово молодым социологам

УДК 316.334.23 (470)+316.343.63 (470)+929 Берви-Флеровский

КНИГА В. В. БЕРВИ-ФЛЕРОВСКОГО «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ» – КРУПНЫЙ ВКЛАД В СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Н. В. Чумичева

Саратовский государственный университет
E-mail: yan@sgu.ru

В статье рассматриваются основные идеи книги В. В. Берви-Флеровского и их роль в возникновении промышленной социологии в России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: социология труда, промышленная социология, аграрная социология, труд и быт рабочих, типы хозяйств.

**«The Condition of the Working Class in Russia»
by V. V. Bervi-Flerovsky as a Great Contribution
to the Formation of Domestic Industrial Sociology**

N. V. Chumicheva

The paper considers principal ideas of V. V. Bervi-Flerovsky's book «The Condition of the Working Class in Russia» and their role in the appearance of industrial sociology in Russia in the second half of the 19th century.

Key words: labor sociology, industrial sociology, agrarian sociology, labor and life of workers, economy types.

В социологической науке социология труда и производства занимает видное место. Эта отрасль социологического знания, как и в целом социология в России, возникла во второй половине XIX столетия. И в этом процессе видное место принадлежит В. В. Берви-Флеровскому и его книге «Положение рабочего класса в России» (1869).

Вся книга представляет собой страстный протест против угнетения, произвола властей, всех видов социальной несправедливости. Флеровский выступил как беспощадный критик самодержавного строя, крепостничества и его последствий, негативных сторон капитализма, как защитник интересов народа и прежде всего выразитель надежд и чаяний многомиллионного крестьянства. Он сумел нарисовать красочную и объективную картину социально-экономического состояния тогдашней России, используя уникальные по своей широте и многообразию личные наблюдения. Кроме того, Флеровский весьма умело и эффективно применял документальный метод, анализируя огромный массив статистических данных. Новаторский подход к проведению эмпирического

исследования и обобщению его результатов позволил ему правдиво и обстоятельно показать положение разных слоев трудового населения России после реформы 1861 года.

Труд Флеровского был подлинно новаторским по своему характеру. В 60–70-х гг. XIX в., до появления книги «Положение рабочего класса в России», литература о положении русского народа, об условиях его труда и быта была очень бедна. На исключительно тяжелую жизнь трудящихся масс пореформенной России указывали великие мыслители, революционеры-демократы А. Герцен, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов. Об отдельных сторонах бедственного состояния народа писали передовые журналы и газеты – «Отечественные записки», «Слово», «Неделя» и др., – писатели-народники Ф. Решетников, Николай и Глеб Успенские, А. Левитов и др. Но вследствие жестких цензурных притеснений их возможности были весьма ограничены.

Вполне вероятно, что при подготовке своего труда Флеровский имел в виду в качестве образца книгу Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии в 1844 году». Произведение молодого Энгельса представляло собой один из первых опытов комплексного исследования важной социальной проблемы с использованием эмпирических методов (наблюдение, анализ документов). Таким же путем шел и Флеровский. В этом отношении он был первопроходцем, поскольку подобных исследований в русской литературе тогда не было.

О положении русского народа, особенно крестьянства, немало писали идеологи «охранительного» направления. Наиболее характерной чертой для них было то, что они не показывали истинного, нищенского положения народа. Наш рабочий человек, утверждали они, имеет свой кусок земли, свой дом, свое хозяйство, свой скот, свой огород, которые доставляют ему разнообразнейшие продукты питания и одежду. По справедливому замечанию Флеровского, от представителей господствующих классов и

официальных правительственных кругов можно услышать лишь одни утешительные речи, вроде того что у нас-де не то, что в Англии или в Западной Европе, у нас нет пролетариев, здесь народ благоденствует. Если они признавали, что кое-где народ живет бедно, то считали виновными в этом не общественный строй, не малоземелье крестьян, не низкие заработки, а стихийные бедствия и сам народ, который не способен к разумному хозяйствованию, а главное, склонность его к порокам, особенно к пьянству.

Флеровский указывал, что рассуждения апологетов существующего строя подчас явно фальшивы, приводимые ими данные прикинуты на глазок и при первой проверке оказывается, что между действительностью и статистикой нет ничего общего. Он писал, что условия жизни фабрикантов и крупных землевладельцев по-прежнему остаются в непроглядной тьме; будучи господами положения, они находят для себя слишком невыгодным выходить на свет божий. В этих условиях голос трудового народа не слышен, жалобы рабочих и крестьян на свою судьбу, малоземелье, высокие налоги, повсюду раздающийся стон народный заглушались громкими и лицемерными дифирамбами, прославляющими «благосостояние» страны и «благотетельное управление» ею.

Идя «против течения» и стремясь противопоставить «лицемерным дифирамбам» правду о положении народа, Флеровский испытывал определенные трудности при подборе фактического материала. Если Энгельс в своей работе мог использовать регулярно публикуемые в Англии отчеты фабричных инспекторов, многочисленные газетные сообщения и другие достоверные материалы, то у Флеровского таких источников не было. Публикаций о реальной жизни народа, его бесправии и нищете, произволе помещиков и чиновников было очень мало. Периодическая печать была втиснута в жесткие рамки цензурного притеснения и преследования. Приходилось обо всем этом писать осторожно, с оглядкой, эзоповым языком. Поэтому периодическая печать не могла служить достаточно полным и надежным источником для изучения экономического, социального и правового положения различных классов и сословий.

Флеровский, поставивший перед собой задачу самому добраться до истины, должен был

самостоятельно разрабатывать методику исследования, в которой важнейшее место занимал метод наблюдения.

Но не только уникальные по своей широте и многообразию личные наблюдения служили Флеровскому материалом для социологического исследования. Он весьма умело и эффективно применял документальный метод, анализируя главным образом обширный статистический материал, статьи и сведения местных наблюдателей, данные губернской статистики, которые еще никем и никогда не были использованы. Сравнивая эти данные со своими наблюдениями и собранными материалами по этим же вопросам, а также со статистическими сведениями о положении рабочих и крестьян в странах Западной Европы, Флеровский приходит к выводу, что всякие «утешительные речи и писания» о благоденствии и зажиточности трудящихся масс России являются лживыми.

Берви-Флеровский дал в своей книге глубокий анализ типов хозяйства – помещичьего, фермерского, крестьянско-общинного; описал условия труда и быта, уровень и образ жизни работающего населения.

Современные ученые отмечают то обстоятельство, что Берви-Флеровский, будучи первым русским промышленным социологом, когда индустриальная социология только зарождалась, большое место уделял характеристике русской поземельной общины¹. Именно ее он называл высшей формой самоуправления народа и спасением России от пут бюрократии. Это объясняется особой значимостью для России того времени крестьянского вопроса.

На читателей-современников книга «Положение рабочего класса в России» произвела неизгладимое впечатление именно как отчет правдивого очевидца – в ней не было ни капли лжи, поскольку автор писал лишь о том, что видел своими глазами, что знал досконально. Это не были записки любознательного путешественника, наблюдавшего жизнь народа из окна кареты. В этом и состоит непреходящая ценность труда ученого.

Примечания

¹ См.: Социология в России : 2-е изд. / под ред. В. А. Ядова. М., 1998. С. 212.

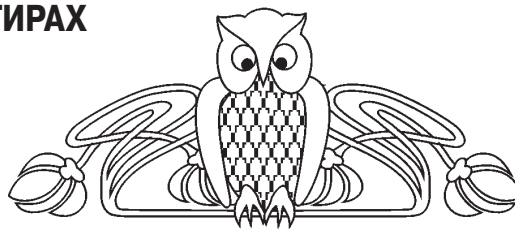

УДК 316. 334.3+929 Чичерин

С. Н. БУЛГАКОВ О НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРАХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ

В. А. Масленников

Саратовский государственный университет
E-mail: vamvim@yandex.ru

В статье характеризуются взгляды выдающегося русского философа и социолога С. Н. Булгакова на духовно-нравственные аспекты социального реформирования. Особое внимание уделяется анализу социального идеала как главного ориентира общественных преобразований.

Ключевые слова: С. Н. Булгаков, социальные реформы, нравственные ориентиры, социальный идеал.

S. N. Bulgakov about the Moral Orientations of Social Reforms

V. A. Maslennikov

The paper characterizes the outstanding Russian philosopher and sociologist S. N. Bulgakov's views on the spiritual and moral aspects of social reforming. Special attention is paid to analysis of the social ideal as the principal orientation of social transformations.

Key words: S. N. Bulgakov, social reforms, moral orientations, social ideal.

Наша страна вступила на путь решительного и глубокого преобразования всех сторон общественной жизнедеятельности. Выполнение намеченных задач требует не только научного подхода, энтузиазма широких масс населения, к этому общегосударственному делу необходимо привлечь лучшие силы общества. Реформирование сложной системы общественных отношений не должно быть занятием лишь политиков, чиновников, предпринимателей и интеллектуалов, важно, чтобы и простые люди понимали цели и осознавали значение происходящих перемен и включались в процесс социального творчества. Нельзя забывать, что люди в своих действиях руководствуются не только материальной выгодой, но и духовными, нравственными ориентирами. Лишь стремление к высоким идеалам может всколыхнуть массы людей и вдохновить их на большие исторические свершения.

О духовных, нравственных ориентирах и стимулах общественных преобразований много лет назад размышлял великий русский философ и социолог Сергей Николаевич Булгаков (1871–1944). Он относится к числу таких мыслителей, которые думали не только о том, как устроен мир, но и каким образом изменить его в лучшую сторону. Именно поэтому в молодости Булгаков увлекался учением Маркса, который призывал к уничтожению всех форм эксплуатации человека, к созданию

на земле свободного и справедливого общества.

Но вскоре наступило разочарование. Молодой ученый пришел к выводу о несостоятельности экономической доктрины марксизма, а затем и других положений «научного социализма». Экономический материализм казался Булгакову недостаточным для глубокого и всестороннего обоснования социального идеала, призванного быть ориентиром для реального преобразования общества. Идеал, по его мнению, характеризуется «бесспорностью и незыблемостью», которые основаны не на научных аргументах, а на «истинах метафизических и религиозных».

Проблеме социального идеала посвящено немало страниц произведений Булгакова (особенно дооктябрьского периода). Значительный интерес в этом отношении представляет статья «О социальном идеале», которую он поместил в сборнике «От марксизма к идеализму», вышедшем в 1903 г. Название сборника говорит само за себя: оно отражает эволюцию автора от увлечения марксистскими идеями к философскому идеализму. Но путь к новому мировоззрению был извилистым и тернистым, он не означал полного разрыва с прежними взглядами. Булгаков был далек от тотального отрицания марксизма. В предисловии к сборнику он писал: «Мое теперешнее идеалистическое мировоззрение складывалось в атмосфере социальных идей марксизма и уже потому оно не есть, не может и не должно быть сплошным его отрицанием, напротив, оно стремится к углублению и обоснованию именно того общественного идеала, который начертан на знамени марксизма и составляет его душу»¹.

В одном из писем Булгаков признавался: «Вся моя умственная эволюция и все мои искания руководились стремлением упрочить и обосновать идеалы, от которых я ни на йоту не отказывался. Причина моего перехода от марксизма к идеализму заключается в искании того фундамента, на котором можно было бы утвердить эти идеалы»². Таким образом, отказываясь от теоретических основ марксистского мировоззрения, от его методов и средств достижения социального идеала, Булгаков, как и ряд других известных философов, социологов, правоведов (Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Н. А. Бердяев), вслед за В. С. Соловьевым признавал «правду социализма». Но происхождение этой «правды» он вовсе

не связывал с марксистской доктриной. Он считал, что идеалы социальной справедливости и свободы, подлинного народовластия, равенства и братства людей не могут быть монополией марксизма или какой-либо другой «научной» теории. Они, по убеждению Булгакова, с неизбежностью вытекают из принципов философского идеализма (вырастающего на почве христианского учения) и лишь на этих принципах и могут вообще основываться.

Отправной точкой в определении социального идеала для Булгакова является проблема человека и его свободы. «Человек считает себя свободным... Чувство свободы неустранимо из нашего сознания, каково бы ни было наше метафизическое объяснение этого факта»³. Булгаков стремится разрешить эту проблему, опираясь на философскую традицию, связанную в России в первую очередь с именем В. С. Соловьева, гносеологические и метафизические взгляды которого он полностью разделял, но в области социальных отношений старался идти собственным путем, учитывая при этом и уроки марксизма. Принимая ряд марксистских идей, Булгаков отвергал концепцию экономического детерминизма, согласно которой будущий справедливый строй необходим и неизбежен, как лунное затмение.

Достижение социального идеала, полагал Булгаков, является в действительности только целью наших свободных стремлений. Свобода человеческой воли выражается в возможности *выбора*. Эта способность предполагает присутствие в сознании людей некоего критерия или нормы для оценки общественных явлений. Нормы социального поведения, присутствующие в сознании каждого человека, составляют основу *социального идеала*, с высоты которого и оценивается социальная действительность.

Прочную нормативную базу социального идеала, по мнению Булгакова, можно разработать, обратившись к осмеянному и навсегда, как одно время казалось, устаревшему, но на самом деле не устаревшему из человеческого сознания понятию *естественного права*. В чем же заключаются позитивные возможности этого направления философской и правовой мысли, корни которого уходят в глубокую древность? Возрождение этой философско-правовой парадигмы в теоретическом плане связано прежде всего с признанием в качестве непреложного факта существования неких абсолютных начал, на основании которых можно делать принципиальную оценку правовых явлений. Наличие мирового разумно-этического порядка и служит ориентиром для осмысления социальных и правовых идеалов. Исходя из этого Булгаков утверждает, что «естественное право есть правовое и социальное долженствование, это те идеальные нормы, которых в реальной действительности нет, но которые должны быть и во имя своего объективного долженствования отрицают действующее право и существующий социаль-

ный уклад жизни. Критика права и социальных институтов есть неотъемлемая и неустранимая потребность человека, без этого остановилась бы и замерла общественная жизнь. И эта критика совершается, конечно, не с пустыми руками – такая беспредметная критика была бы простым брюзжанием, – а во имя известного идеала, идеального долженствования. Существующему исторически сложившемуся и потому неизбежно несовершенному жизненному укладу противопоставляется идеальный, нормальный строй человеческих отношений, и это представление об идеальном или естественном праве дает критерий добра и зла для оценки социально-правовой конкретной действительности»⁴.

В этом рассуждении Булгаков подчеркивает ценностный, аксиологический характер идеала. Самым общим определением любого идеала могло бы быть указание на то, что идеал есть идея, *представленная как цель и ценность*. С аксиологической точки зрения идеалы наиболее четко, ярко и наглядно выражают некий самостоятельный – ценностный – аспект общественного сознания⁵. И в самом деле, при первом же подходе видно, что идеалы – это та духовная форма, в которой выражено отношение субъекта к наличной действительности. В ценностном суждении, представленном на уровне идеала, содержится идеологическая рефлексия по поводу деятельности субъекта, включенного в процесс развития.

Именно такой ценностный подход дал Булгакову основание утверждать, что руководящим началом государственной, экономической и социальной политики является идея абсолютного достоинства личности, ее свобод и равенства, естественных и неотчуждаемых прав человека и гражданина. «Не слишком ли этого мало?» – может подумать скептик. Но Булгаков был убежден, что этого не много и не мало, а как раз достаточно для обоснования всех освободительных стремлений нашего времени. Идеал является «регулятивной идеей», благодаря которой общественное развитие совершается в определенном направлении, имеет «идеальную цель». Отсюда получает вполне определенный смысл и идея прогресса. Социальный идеал, подчеркивает Булгаков, дает лишь масштаб для оценки социальных явлений, а не побуждает к созданию новых утопий. «Идеалистическая политика должна быть не утопической, а реалистической, идеализм в политике может и должен быть практичен. Логическая возможность и даже обязательность соединения идеализма с трезвым реализмом все еще недостаточно понимается, благодаря совершенно ошибочному и произвольному смешению идеализма с утопизмом, тогда как на самом деле между тем и другим нет ничего общего»⁶.

Интересной и актуальной представляется мысль Булгакова о том, что социально-политический реализм, опирающийся на философский идеализм, представляет собой принципиальную

противоположность беспринципной практичности и приспособленчества. Идеал не должен быть разменен на мелочи и влачиться по земле – требования реалистической политики, руководствующейся абсолютным идеалом, никоим образом не могут являться проповедью малых дел и отрицанием широких исторических и социальных задач. Здесь Булгаков как бы перекидывает мостик к проблеме осуществления социальных реформ. Всякая практическая деятельность состоит из малых дел, то есть из отдельных действий, но эти действия могут и должны рассматриваться в органической связи с великими историческими задачами. «Эти задачи являются историческими в том смысле, что они представляют собой не отвлеченные постулаты морали, а вполне конкретные и осуществимые требования реорганизации действительности в направлении идеала»⁷.

Задачи реформирования общества, отмечает Булгаков, различаются между собой по своей широте и требуют для своего осуществления разного времени: «...если для проведения в жизнь какого-либо фабричного закона довольно иногда одной парламентской сессии, то для конкретной социальной реформы или политического освобождения страны требуется совокупная работа целого ряда поколений... Широкие горизонты необходимы не только для глаза, но и для духа»⁸.

Булгаков, безусловно, против революционного преобразования общественных отношений. Единственно приемлемый для него путь – это путь эволюционный, путь реформ. Но и социальное реформаторство – не простое дело, оно требует смелости, инициативы, активной жизненной позиции. «Подходя к жизни с определенными требованиями и находя в ней рознь интересов и стремлений, которая от моей воли не зависит и потому должна быть мною принята как факт, я необходимо должен занять в ней ясную и недвусмысленную позицию, присоединившись к какому-либо из существующих течений или взяв свое собственное направление. Следовательно, всякая форма активного участия в жизни фатально, помимо нашей воли, втягивает нас в борьбу, ибо жизнь есть борьба и истина в ней не только соединяет, но и разделяет. Светлые праздничные ризы может сохранить только тот, кто уходит от жизни, а каждый жизнедеятельный человек надевает рабочий фартук или боевой панцирь, чтобы работать для своей правды или бороться за нее»⁹.

В творчестве Булгакова отчетливо проявляется стремление увязать социальный идеал с основными постулатами этики христианства. В великой социальной борьбе наших дней, писал он в начале XX в. в которой на одной стороне стоит сила капитала, а на другой неимущие эксплуатируемые представители труда, Христова заповедь решительно повелевает *стать на сторону труда*¹⁰. Политика, сознательно преследующая защиту рабочих масс против их сильных

угнетателей, есть единственно возможная форма христианской политики для данного момента. Такая политика способствует реализации социального идеала, содержание которого Булгаков структурирует следующим образом: «Заповедь любви = социальной справедливости = признанию за каждой личностью равного и абсолютного достоинства = требованию наибольшей полноты прав и свободы личности. Обоснование этого идеала дается религиозно-этическим учением о природе человеческой души и вытекающих отсюда обязанностях человека к человеку. Идеал свободы, составляющий нравственную сердцевину современного демократизма (политического и экономического), открывается не в политической экономии или науке права: в опытном знании человек ищет лишь средств для осуществления абсолютного идеала. Вместе с тем идеалы политические и социальные, воодушевляющие теперешнее человечество, суть несомненно христианские идеалы, поскольку они представляют собой развитие принесенного в мир христианством учения о равенстве людей и абсолютной ценности человеческой личности»¹¹.

Таким образом, в мировоззрении Булгакова мы видим своеобразное соединение философского идеализма, основанного на христианских этических постулатах, с «социалистическим реализмом». И тема социального идеала, корни которого он усматривал не в марксизме или каких-либо других научных теориях, а в евангельских заповедях, часто затрагивается и всесторонне обсуждается в его произведениях.

После 1918 г., когда Булгаков принял духовный сан, «мирские» темы в его творчестве почти отсутствуют. Он пишет о Софии Премудрости Божией, о Богочеловечестве, об иконопочитании и т. п. И все-таки профессор догматики, декан Приволжского Богословского института в Париже отец Сергей не забывал проблем, которые волновали его в молодости. В очерках учения православной церкви, изданных уже после смерти автора, отмечается, что «в православном предании, в творениях великих учителей Церкви (свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста и др.), мы имеем совершенно достаточное основание для *положительного* отношения к социализму, понимаемому в самом общем смысле, как отрицание системы эксплуатации, спекуляции, корысти. Разумеется, реформа социального строя, как и мера осуществимости социального идеала, есть вопрос не только принципа, но и практической целесообразности. Каждая хозяйственная организация имеет свои плюсы и минусы, которым приходится проводить практический учет. И русский коммунизм показал с достаточной очевидностью, каким безмерным бедствием он является, будучи осуществляем как жесточайшее насилие с попранием всех личных прав... Однако возможен иной, так сказать, свободный или демократический социализм, и, думается нам, его не миновать истории»¹².

Нам также думается, что представление о свободном гражданском обществе, о правовом и социальном государстве не является праздными мечтаниями. Булгаков не был фантазером-утопистом, он не строил воздушных замков. Вот что писал о нем выдающийся философ и богослов В. В. Зеньковский: «Булгаков был, прежде всего, ученым – строгость научной мысли он перенес и в свои философские исследования», «он всегда основателен, всегда глубок и вдумчив, – это делает его работы ценными и для тех, кто не разделяет его установки, его исходных положений... Изучать Булгакова трудно. Свообразная красота его слога закована в несколько тяжеловесные формы, но если привыкнуть к мысли Булгакова, всегда строгой, свободной от риторики, всегда добросовестной, то нельзя не восхищаться и внутренней мощью его испытующей мысли, и страстной жадой истины, и силой его духа»¹³. Эту характеристику Булгакова-философа можно отнести и к Булгакову-социологу. В исследовании общественной жизни он шел своим путем, иногда ошибался и заблуждался, как все творческие люди, но всегда хранил верность идеалам правды, свободы и справедливости. Этим он близок и ценен нам, людям XXI века.

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму : сб. статей (1896–1903). СПб., 1903. С. VI.
- ² См.: Акулинин В. Н. С. Н. Булгаков: веки жизни и творчества // Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 6.
- ³ Булгаков С. Н. О социальном идеале // Власть и право : Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 244.
- ⁴ Там же. С. 255.
- ⁵ См.: Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов н/Д, 1983 ; Туманов С. В. Общественный идеал : Диалектика развития. М., 1986 ; Ивонин Ю. П. Социальный идеал как предмет философского исследования // Идеал и идеалы. 2009. Т. 1 № 1.
- ⁶ Булгаков С. Н. О социальном идеале. С. 266.
- ⁷ Там же. С. 266–267.
- ⁸ Там же. С. 267.
- ⁹ Там же. С. 270–271.
- ¹⁰ См.: Христианский социализм (С. Н. Булгаков) ... С. 263.
- ¹¹ Булгаков С. Н. О социальном идеале. С. 263.
- ¹² См.: Акулинин В. Н. Указ. соч. С. 23–24.
- ¹³ Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. II. Ч. 2. С. 224, 226.

УДК 316. 33

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Ю. Быченко

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bychenkodu@gmail.com

Исследуются процессы модернизации российского общества, уточняются задачи развития количественных и качественных компонентов человеческого потенциала в новых условиях хозяйствования.

Ключевые слова: содержание человеческого потенциала, деятельностный человеческий потенциал.

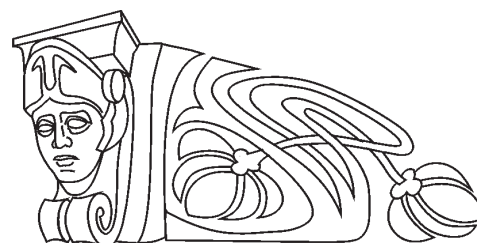
Methodological Bases of Human Potential Research

D. U. Bychenko

Different conception groups of human potential are analyzed, modern social essence and content of human potential are revealed, social and economic assessment are clarified.

Key words: human potential, social accumulation of human potential.

В современной России разработана и активно внедряется Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Данная концепция определяет пути модернизации российского общества, представляет две важнейшие социально-экономические задачи процесса перехода России на инновационный тип развития¹.

Первая задача — развитие качественных характеристик человеческого потенциала. В новых условиях необходимо развить новаторские способности населения России. Социальная ориентация развития призвана стать важнейшим проявлением деятельности современной социальной политики, определять формирование эффективного капитализированного ресурса — творческого деятельностного потенциала акторов. Государство должно активизировать и оптимизировать социальную политику, направленную на повышение качества как интеллектуального, так и образовательного человеческого потенциала населения.

Нам также думается, что представление о свободном гражданском обществе, о правовом и социальном государстве не является праздными мечтаниями. Булгаков не был фантазером-утопистом, он не строил воздушных замков. Вот что писал о нем выдающийся философ и богослов В. В. Зеньковский: «Булгаков был, прежде всего, ученым – строгость научной мысли он перенес и в свои философские исследования», «он всегда основателен, всегда глубок и вдумчив, – это делает его работы ценными и для тех, кто не разделяет его установки, его исходных положений... Изучать Булгакова трудно. Своеобразная красота его слога закована в несколько тяжеловесные формы, но если привыкнуть к мысли Булгакова, всегда строгой, свободной от риторики, всегда добросовестной, то нельзя не восхищаться и внутренней мощью его испытующей мысли, и страстной жадой истины, и силой его духа»¹³. Эту характеристику Булгакова-философа можно отнести и к Булгакову-социологу. В исследовании общественной жизни он шел своим путем, иногда ошибался и заблуждался, как все творческие люди, но всегда хранил верность идеалам правды, свободы и справедливости. Этим он близок и ценен нам, людям XXI века.

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму : сб. статей (1896–1903). СПб., 1903. С. VI.
- ² См.: Акулинин В. Н. С. Н. Булгаков: веки жизни и творчества // Христианский социализм (С. Н. Булгаков): Споры о судьбах России. Новосибирск, 1991. С. 6.
- ³ Булгаков С. Н. О социальном идеале // Власть и право : Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 244.
- ⁴ Там же. С. 255.
- ⁵ См.: Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов н/Д, 1983 ; Туманов С. В. Общественный идеал : Диалектика развития. М., 1986 ; Ивонин Ю. П. Социальный идеал как предмет философского исследования // Идеал и идеалы. 2009. Т. 1 № 1.
- ⁶ Булгаков С. Н. О социальном идеале. С. 266.
- ⁷ Там же. С. 266–267.
- ⁸ Там же. С. 267.
- ⁹ Там же. С. 270–271.
- ¹⁰ См.: Христианский социализм (С. Н. Булгаков) ... С. 263.
- ¹¹ Булгаков С. Н. О социальном идеале. С. 263.
- ¹² См.: Акулинин В. Н. Указ. соч. С. 23–24.
- ¹³ Зеньковский В. В. История русской философии : в 2 т. Л., 1991. Т. II. Ч. 2. С. 224, 226.

УДК 316. 33

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д. Ю. Быченко

Саратовский государственный технический университет
E-mail: bychenkodu@gmail.com

Исследуются процессы модернизации российского общества, уточняются задачи развития количественных и качественных компонентов человеческого потенциала в новых условиях хозяйствования.

Ключевые слова: содержание человеческого потенциала, деятельностный человеческий потенциал.

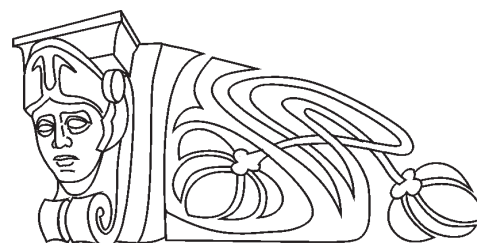
Methodological Bases of Human Potential Research

D. U. Bychenko

Different conception groups of human potential are analyzed, modern social essence and content of human potential are revealed, social and economic assessment are clarified.

Key words: human potential, social accumulation of human potential.

В современной России разработана и активно внедряется Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации.

Данная концепция определяет пути модернизации российского общества, представляет две важнейшие социально-экономические задачи процесса перехода России на инновационный тип развития¹.

Первая задача — развитие качественных характеристик человеческого потенциала. В новых условиях необходимо развить новаторские способности населения России. Социальная ориентация развития призвана стать важнейшим проявлением деятельности современной социальной политики, определять формирование эффективного капитализированного ресурса — творческого деятельностного потенциала акторов. Государство должно активизировать и оптимизировать социальную политику, направленную на повышение качества как интеллектуального, так и образовательного человеческого потенциала населения.

В новых условиях социальная политика должна быть направлена на развитие конкретных структурных компонентов человеческого потенциала населения: социально-экономического (целевое социальное развитие потребностей и потребности населения, расширение доступа человека к ресурсам, необходимым для обеспечения достойного уровня и качества жизни); физического (целевое социальное развитие здоровья населения, способности индивидов к физическому труду); социально-культурного (целевое социальное развитие образования, ценностных приоритетов, социальных норм, принципов, представлений, морально-нравственных убеждений); деятельностного (целевое социальное развитие системы трудовой мотивации населения, уровня деятельностных способностей социума, его способности к творческому саморазвитию, самосовершенствованию, самоадаптации). Деятельностный человеческий потенциал здесь рассматривается как промежуточный компонент между потенциальными возможностями человека и их социальным накоплением в форме человеческого капитала.

В условиях общественной модернизации социальная политика должна быть направлена прежде всего на совершенствование деятельностного человеческого потенциала населения. Согласно результатам социологических исследований, руководители современных хозяйственных организаций связывают проблемы модернизации с низким уровнем развития деятельностного человеческого потенциала современного выпускника вуза. По данным социологического исследования «Стиль управления на российском предприятии», 82% руководителей предприятий считают недостаточным деятельностный уровень человеческого потенциала современного выпускника высшего учебного заведения; 57% настаивают на необходимости создания новых специальных программ, направленных на развитие профессиональных навыков выпускников, введение длительных профессиональных стажировок на предприятиях²; 43% управленцев хозяйственных организаций указывают на недопустимо низкий уровень инициативы, а также творческих способностей современных выпускников профессиональных учебных заведений России.

Президент Российской Федерации в данном контексте подчеркивает, что все компоненты социальной политики в современных условиях должны иметь системные цели и быть направленными на развитие деятельностных потенциальных возможностей человека. Реализация правительственных социальных национальных проектов создает предпосылки для ускорения процессов развития культурного потенциала сотрудников современных организаций. Данные социальные проекты не являются панацеей от десятилетиями копившихся проблем социального развития деятельностного человеческого потенциала населения. «Институ-

циональные преобразования и в экономике, и в социальной сфере требуют длительного времени. Это очевидно. Но их главная задача – катализировать, подтолкнуть преобразования в этой сфере, стать технологией работы в самых запущенных отраслях нашей жизни»³. Модернизационный прорыв российского общества может быть реализован только в результате внедрения комплекса национальных, региональных, организационных социальных проектов, направленных на развитие деятельностного человеческого потенциала населения в целом и работников отдельных организаций в частности.

Таким образом, реализация интеллектуального трудового творчества лежит в основе модернизации социальных систем. Инновационное трудовое творчество, представляя собой реализацию культурного потенциала как капитального ресурса, определяет поиск неординарных решений в самых разных областях трудового взаимодействия. Свобода творчества формируется в контексте инновационной культуры населения.

В ключе постмодернизма социальная политика направлена на совершенствование как всей общественной системы в целом, так и ее отдельных организационных подсистем. Повышается социально-экономическая значимость роста благосостояния и покупательной способности населения, развития интеллектуального потенциала работников и свободы трудового творчества. Важно обеспечить условия для инновационных социальных накоплений общества, активизировать предпринимательскую активность населения, повысить деятельностный уровень образования и интеллектуального развития субъектов.

Вторая задача – формирование инновационных хозяйственных организаций и объединений граждан. Определяется необходимость формирования инновационных организаций как важнейшего микромеханизма, обеспечивающего модернизацию общества. Именно они должны в новых условиях обеспечить эффективную реализацию модернизации социальных и социально-экономических систем российского общества. Последняя в перспективе обеспечит устойчивый рост благосостояния российских граждан, укрепит национальную безопасность, обеспечит динамичное социокультурное развитие человеческого потенциала социума.

Правительство Российской Федерации, средства массовой информации, научные учреждения, практики хозяйственной деятельности представляют доказательства необходимости формирования новых инновационных хозяйственных и общественных организаций как предпосылку и важнейший результат модернизации России. Основной целью данной новой организации будут развитие деятельностных основ человеческого потенциала различных организаций, а также аккумуляция социальных инноваций на каждом рабочем месте. Поэтому научный интерес к фор-

мированию принципиально новой инновационной организации возрастает в период модернизации России.

Современное общество модернизируется в результате свободного культурного развития отдельных трудовых коллективов организационных систем, а также личностей. При этом люди, как правило, не ценят творческой трудовой свободы до той поры, пока она не оказывается весомой и жизненно важной для них. Каждый человек составляет свою картину мира, в которой стремится сформировать собственные стратегические цели, причем так, чтобы достичь наибольших социальных преимуществ, оправдать свой образ жизни, обеспечить уважение и достоинство. «И в этой картине важное значение имеет занятие человека, соответствие его личным способностям и склонностям, значит, удовлетворение своим собственным трудом и той долей творчества, которая в нем содержится. Разумеется, занятие должно доставлять средства существования для себя и семьи по общественно принятым стандартам»⁴.

Трудовая деятельность в условиях модернизации рассматривается как способ реализации собственных стратегических целей личности на основе творческого самоудовлетворения, наибольшего раскрытия интеллектуальных способностей, достижения наибольших социальных преимуществ, обеспечения уважения и достоинства. Данная гипотеза подтверждается и результатами проведенного нами социологического исследования «Развитие культурного капитала студенческой молодежи России»⁵.

Более 90% опрошенных считают творческие инновации важнейшим компонентом всякой современной социальной и экономической деятельности. На основе данных социологического исследования проанализируем группы наиболее важных качеств человека, определяющих деятельностный успех личности. Первое место занимает такое качество, как «уверенность в себе при достижении целей»: 68,0% респондентов считают, что уверенность и устойчивость жизненных позиций позволяют молодежи достигать деятельностного жизненного успеха.

Второе место занимают такие качества человека, как «трудолюбие и упорство в достижении цели» (63,2% респондентов). Третье место отводится образованию и способности к творческой инновационной деятельности (50,9% респондентов). Здесь деятельностные способности отождествляются со стратегическими приоритетами молодежи, направленными не только на развитие способности обрабатывать и ранжировать информационные данные, но и умение оригинально мыслить, разрабатывать новые идеи, аккумулировать и применять новые знания на практике. Более половины опрошенных рассматривают образовательное творчество как основной фактор социальных достижений в обществе. При этом важно отметить, что сту-

денческая молодежь определяет данный фактор как базовый компонент в системе иных важных факторов деятельностных достижений.

На четвертое место респонденты ставят уровень развития здоровья (47,7% опрошенных). Студенческая молодежь рассматривает здоровье в большей степени как имеющуюся предпосылку для реализации жизненных достижений. Студенты высоко оценивают уровень своего здоровья как компонента человеческого потенциала: 27,2% считают себя «абсолютно здоровыми», 56,9% – «скорее здоровыми».

Пятое место занимают качества, характеризующие уровень профессионализма (41,4% опрошенных), шестое место – интересная, любимая работа (40,3%). Важно отметить, что для современного студента важно не только получить интересную работу, но и иметь возможность профессионального роста, внедрения собственных идей, взглядов, разработок. Любимая работа у молодежи ассоциируется прежде всего с возможностью творить на рабочем месте, а также с социальной комфортностью процесса трудового взаимодействия. 21,8% респондентов акцентируют внимание на том, что желанная трудовая деятельность предполагает целевое развитие творческих способностей. Также в процессе современного труда студенты считают важным внедрять рационализаторские предложения, получать достойное материальное вознаграждение за инновационные творческие внедрения.

Таким образом, в современных условиях молодежь готова и стремится накапливать деятельностный человеческий потенциал. Студенты считают, что важнейшие качества для достижения успеха в современных условиях – это уверенность в себе, образование и творческие способности.

Для современного выпускника вуза важно в трудовой деятельности не только создавать новые знания, но и эффективно их накапливать. Молодежь рассматривает трудовую деятельность как способ создания инноваций (нововведений), а также как объект социальной капитализации культурного потенциала работников в результате проведенного научного исследования или сделанного открытия, рационализаторского предложения. Инновация здесь представляется как продукт трудовой капитализации культуры человека труда, а также как процесс прогрессивного изменения деятельностного человеческого потенциала работников инновационной организационной системы. Поэтому инновацию необходимо расширенно рассматривать как результат деятельной культурной капитализации личности. Инновации можно отождествлять не только с конечным трудом субъекта труда, но и с творческой социальной деятельностью, определяющей социокультурное, деятельное развитие человеческого потенциала социума. «Инновационная деятельность – непрерывный и всеобщий процесс опредмечивания ментального

и материального производства человеческого бытия, выражающийся в насыщении их объектами и связями искусственного происхождения»⁶.

В условиях перехода российского общества от статичного к динамично адаптивному типу развития, модернизации всех социальных подсистем необходимы адаптивные, динамично развивающиеся инновационные хозяйственные организации. В рамках данных организаций особая роль принадлежит деятельностному потенциалу работников, который создает условия для формирования трудовых социальных новаций на каждом рабочем месте. Инновация в новых условиях общественного развития является основным фактором прогрессивных преобразований в обществе. Инновация представляет собой обобщенное внешнее проявление капитализации деятельностного потенциала человека труда. Она представляет собой нововведение, рационализаторство или новшество, приводящее к внедрению нового знания в процессе труда, инновационному организационному развитию тех или иных компонентов ресурса социальной системы. В новых условиях инновации имеют социально-культурное проявление в плане создания и трудового использования нового знания, научных исследований и разработок, направленных на развитие и совершенствование процесса «социальных отношений в области науки, культуры, образования и в других сферах деятельности общества»⁷. В данном контексте социальные подсистемы общества должны включать в себя особую форму коммерческих и некоммерческих организаций инновационного типа, состоящих из работников с высоким уровнем моральных ценностей, культуры, профессионализма. Проявление высокой культуры инновационной организации важно «со стороны специалистов всех уровней – от рядового работника малого предприятия до топ-менеджера крупной корпорации»⁸.

По сути, модернизация определяет необходимость перехода России на инновационный путь хозяйственного развития, основным фактором которого является деятельностная форма человеческого потенциала населения. Последняя создает предпосылки для формирования новых инновационных организационных структур, активизации трудовой отдачи и развития культурного потенциала работников и их семей. Данный переход предполагает повышение инновационной инициативы акторов, роста социальной адаптивности и устойчивости развития организационных структур общества.

Одновременно важно отметить, что развитие деятельностного человеческого потенциала осуществляется в рамках реализации определенного комплексного социально-экономического механизма. Необходимо использовать для анализа процесса формирования организационную модель социально-экономического механизма развития деятельностного потенциала общества,

разработанного Н. Коком, Ж. Макк-Куином, Ж. Корнером⁹, а также модели развития деятельностных способностей работников Р. Аккофа¹⁰. В рамках последней модели общественное развитие деятельностного человеческого потенциала осуществляется поэтапно и синхронно с процессом формирования инновационных организационных структур общества. При этом процесс данного формирования имеет ряд социально-экономических проявлений. Развитие деятельностного человеческого потенциала, с одной стороны, – это процесс роста потребностей вообще, а также потребности в творчестве и инновационной деятельности, с другой стороны – это поэтапное освоение информации, знаний, их понимание, создание нового знания и его социальное накопление в рамках инновационных организаций разного типа и в разных проявлениях. Здесь информационные знания – это неупорядоченные символы, рассматриваемые без жесткой связи и зависимости с другими знаниями, а как принципиально новые, социально значимые информационные потоки. Системная «информация представляет собой выделенную, упорядоченную часть базы данных, обработанную для использования, то есть отвечающую на вопросы “кто?”, “что?”, “где?”, “когда?” Знание – это формулировка существующих тенденций или сущностных связей между явлениями, представленными в информации»¹¹. В отличие от совокупной информационной базы трудовой деятельности основы нового знания могут служить руководством для конкретных решений и инновационных действий. Понимание характеризует осознание закономерностей трудовой жизнедеятельности, содержащихся во множестве разрозненных знаний, необходимых для реализации трудового процесса. Поэтому развитие форм деятельностного человеческого потенциала необходимо связывать с совершенствованием трудовой инновационной практики в прошлом и будущем. Иногда потребность в деятельностном человеческом потенциале заставляет закрыть до определенного времени появившиеся новые знания, к использованию которых общество морально, экономически или социально не готово. По сути, разрозненные данные – информация, знание, понимание – характеризуют прошлые этапы развития общества. Они раскрывают то, что было или что уже известно. В то же время новые знания и инновационная деятельность – это настоящее и будущее индивидов.

Можно представить условную схему формирования деятельностного человеческого потенциала населения. Первый базовый этап – рост потребностей, потребительных способностей ко всякого рода интеллектуальной деятельности. Второй образовательный этап: 1) сбор и обработка данных; 2) становление информационных данных, образовательное осознание знаний, формирование понимания принципов трудового взаимодействия; 3) образовательное развитие способностей к твор-

ческой деятельности. Третий деятельностный этап: 1) социальное накопление творческих способностей; 2) социальное внедрение рационализации.

Получение и обработка индивидом первичных данных являются предпосылкой к их упорядочению и формированию информационных потоков относительно той или иной трудовой деятельности акторов. Образовательное осознание знаний и информационных потоков создает условия для понимания связей трудового взаимодействия и структуры явления. Образование позволяет формировать знания в виде своего рода шаблонов различных явлений, которые используются в планировании и реализации трудовой деятельности индивидов. Высшая степень знания связана не только с обобщением шаблонов явлений, но и с выявлением заложенных в них системных принципов, пониманием возможности создания нового видения взаимосвязи деятельностных явлений и процессов. На данном этапе возникает видение трудовых процессов в более общей системе форм трудового взаимодействия индивидов. Здесь не только раздвигаются границы оценки эффективности трудового взаимодействия, но и появляются возможности и способности к созданию новых знаний, нового системного накопления ранее осознанной информации. Последнее приводит к трансформации стратегической цели, а также мотивов деятельности субъектов труда.

Таким образом, творческая деятельность представляет собой высший уровень овладения знаниями субъектами. Она обеспечивает инновационную регуляцию хозяйственной деятельности отдельных организаций, общества в целом. Вместе с тем движение к этому высшему уровню является прерогативой прежде всего организационного, но не общественного сознания. Последнее объясняется тем, что большинство видов творческой новаторской деятельности осуществляется на основе формирования шаблонов коллективного знания сотрудников инновационных организаций. По данным С. Климова, в основной трудовой деятельности доля передачи знаний составляет около 15%. Во вспомогательных трудовых процессах трудовой деятельности данная доля не превышает 16%. «Однако в процессах, обеспечивающих развитие организации, доля собственно знаний возрастает до 34%, резко поднимаясь на общем фоне информационного обеспечения деятельности предприятия»¹².

Можно констатировать, что знание представляет собой базовый компонент деятельностного потенциала работающего населения. Оно замыкает на себе все связи, направленные на создание новых информационных проектов развития, определяет возможности процесса формирования нового дополнительного социально значимого знания. При этом информация в различных формах и проявлениях служит своего рода первоосновой для социальной деятельности, направленной на создание нового знания. Новое знание является

фундаментальной основой всякой инновационной деятельности, базой организации всякого инновационного трудового процесса. Новое знание – это основной ресурс инновационной деятельности. При этом информация – оборотный социальный ресурс функционирования всякой инновационной организации. Новое знание обслуживает множество циклов трудового взаимодействия акторов труда, практически не утрачивая своей первоначальной социальной ценности. Здесь нужно отметить, что всякое новое знание подвержено моральному износу и устареванию. Информация инновационной организации постоянно обновляется, заставляя менеджмент разрабатывать и реализовывать социальные планы развития деятельностного человеческого потенциала сотрудников. Структура трудовой деятельности в инновационной организации основана на постоянно растущих информации и знании. Данная структура зависит не только от типа информации, которой располагают субъекты труда, но и от их способности реализовать творческую деятельность, направленную на создание и внедрение нового знания. Принятие решений и конкретные творческие трудовые действия зависят не только от содержания труда, но и от характера используемой информации, от контекста, в который информация включена в трудовом процессе.

Таким образом, модернизация российского общества предусматривает решение двух важнейших социальных задач. Первая задача – формирование нового качества деятельностного человеческого потенциала. Социальная ориентация развития общества должна стать важнейшим проявлением деятельности современной социальной политики, определять формирование эффективного капитализированного ресурса – творческого деятельностного потенциала тружеников. Вторая задача – формирование новых инновационных структур, хозяйственных организаций и объединений граждан.

Модернизация предполагает обеспечение динамичного формирования инновационных организаций как важнейшего микромеханизма. Инновационная организация ориентирована преимущественно на научную и образовательную деятельность сотрудников. Именно научно-образовательная деятельность акторов рассматривается как важнейшее средство достижения социальной и экономической миссии организации. Поэтому важнейшая черта всякой инновационной социальной организации связана с проявлением организационного взаимодействия в работе со знаниями и информационными потоками. В рамках инновационной организации трудовая деятельность направлена преимущественно на поиск и внедрение нового знания, социально значимое обновление трудовых технологий, трудового взаимодействия, конечного продукта организации.

Формирование и развитие организационных структур инновационного типа предусматривает

необходимость активизации социально-экономического механизма развития деятельностного человеческого потенциала населения. В России необходимо создание системы инновационных организаций, направляющих свою деятельность на производство деятельностного человеческого потенциала. Данная система должна иметь сложную структуру и включать в себя, как минимум, три подсистемных компонента: 1) довузовские инновационные организации (креативные школы, лицеи, колледжи, центры подросткового творчества); 2) вузовские инновационные организации (креативные институты, научные учреждения, университеты, высшие училища, центры вузовского творчества); 3) трудовые инновационные организации (обучающиеся хозяйственные и общественные организации, объединения трудового творчества населения, центры внедрения рационализаторских предложений акторов).

Примечания

- 1 См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (разработана на период 2008–2020 гг. в соответствии с поручением Президента РФ по итогам заседания Госсовета РФ 21 июля 2006 г.). М.: Минэкономразвития России, март 2008. URL: macro@economy.gov.ru (дата обращения: 10.12.09).
- 2 Социологическое исследование «Стиль управления на российском предприятии» проведено группой социологов Саратовского государственного социально-экономического университета в 2004 г. методом структурированного интервью. Опрошено 200 руководителей

предприятий Саратовской, Оренбургской и Тамбовской областей.

- 3 *Медведев Д. А.* Социально-экономическое развитие России: новые рубежи // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 12. С. 9.
- 4 *Ясин Е.* Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 7. С. 9.
- 5 Социологическое исследование проведено группой социологов с участием автора статьи. Применялся метод анкетирования. Исследование проводилось в Челябинском государственном университете и Саратовском государственном социально-экономическом университете в ноябре 2009 – январе 2010 г. N = 1200. Цель социологического исследования — выявление тенденций развития культурного капитала студенческой молодежи России.
- 6 *Ляликов А. П.* Философия техники и технологическое творчество. СПб., 1996. С. 68.
- 7 *Ермасов С. В.* Формирование рынка инноваций в трансформируемой экономике. Саратов, 2000. С. 7.
- 8 *Ивантер В. В.* Факторы роста российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 8. С. 11.
- 9 См.: *Kock N. Jr., McQueen R., Corner J.* The Nature of Data, Information and Knowledge Exchanges in Business Processes: Implications for Process Improvement and Organizational Learning // *The Learning Organization*. Vol. 4, № 2. 1997.
- 10 См.: *Аккоф Р.* Планирование будущего корпорации. М., 2005.
- 11 Там же. С. 141.
- 12 *Климов С. М.* Интеллектуальные ресурсы общества. СПб., 2002. С. 60.

УДК 316.813.5 (470+571)

РАЗВОД В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. А. Исаева

Саратовский государственный университет
E-mail: Svetlana_20_87@mail.ru

В статье рассматривается понятие «семейный капитал» применительно к разводам в пожилом возрасте. Выделяются основные причины разводов в третьем возрасте.

Ключевые слова: семейный капитал, развод, пожилой возраст.

Divorce in the Third Age: Sociological Analysis

S. A. Isaeva

This article discusses the concept of family capital in relation to divorce in old age. Highlighted the main causes of divorce in the third age.

Key words: family capital, divorce, old age.

Проблема разводов стала объектом социологических и демографических исследований во второй половине XX в. Научный интерес к этой проблеме был связан с быстрым ростом показателей разводов в разных странах. Изменение границ семьи и брака, ломка традиционных моделей семейно-брачных ролей изменили оптику исследований в направлении выяснения влияния социально-экономических достижений супругов (профессионального успеха, материальных доходов, образования), а также перераспределения гендерных ролей супругов в плане качества брака, его стабильности¹.

необходимость активизации социально-экономического механизма развития деятельностного человеческого потенциала населения. В России необходимо создание системы инновационных организаций, направляющих свою деятельность на производство деятельностного человеческого потенциала. Данная система должна иметь сложную структуру и включать в себя, как минимум, три подсистемных компонента: 1) довузовские инновационные организации (креативные школы, лицеи, колледжи, центры подросткового творчества); 2) вузовские инновационные организации (креативные институты, научные учреждения, университеты, высшие училища, центры вузовского творчества); 3) трудовые инновационные организации (обучающиеся хозяйственные и общественные организации, объединения трудового творчества населения, центры внедрения рационализаторских предложений акторов).

Примечания

- 1 См.: Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации (разработана на период 2008–2020 гг. в соответствии с поручением Президента РФ по итогам заседания Госсовета РФ 21 июля 2006 г.). М.: Минэкономразвития России, март 2008. URL: macro@economy.gov.ru (дата обращения: 10.12.09).
- 2 Социологическое исследование «Стиль управления на российском предприятии» проведено группой социологов Саратовского государственного социально-экономического университета в 2004 г. методом структурированного интервью. Опрошено 200 руководителей

предприятий Саратовской, Оренбургской и Тамбовской областей.

- 3 *Медведев Д. А.* Социально-экономическое развитие России: новые рубежи // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 12. С. 9.
- 4 *Ясин Е.* Условия инновационного развития и необходимые институциональные изменения // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 7. С. 9.
- 5 Социологическое исследование проведено группой социологов с участием автора статьи. Применялся метод анкетирования. Исследование проводилось в Челябинском государственном университете и Саратовском государственном социально-экономическом университете в ноябре 2009 – январе 2010 г. N = 1200. Цель социологического исследования — выявление тенденций развития культурного капитала студенческой молодежи России.
- 6 *Ляликов А. П.* Философия техники и технологическое творчество. СПб., 1996. С. 68.
- 7 *Ермасов С. В.* Формирование рынка инноваций в трансформируемой экономике. Саратов, 2000. С. 7.
- 8 *Ивантер В. В.* Факторы роста российской экономики // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 8. С. 11.
- 9 См.: *Kock N. Jr., McQueen R., Corner J.* The Nature of Data, Information and Knowledge Exchanges in Business Processes: Implications for Process Improvement and Organizational Learning // *The Learning Organization*. Vol. 4, № 2. 1997.
- 10 См.: *Аккоф Р.* Планирование будущего корпорации. М., 2005.
- 11 Там же. С. 141.
- 12 *Климов С. М.* Интеллектуальные ресурсы общества. СПб., 2002. С. 60.

УДК 316.813.5 (470+571)

РАЗВОД В ТРЕТЬЕМ ВОЗРАСТЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

С. А. Исаева

Саратовский государственный университет
E-mail: Svetlana_20_87@mail.ru

В статье рассматривается понятие «семейный капитал» применительно к разводам в пожилом возрасте. Выделяются основные причины разводов в третьем возрасте.

Ключевые слова: семейный капитал, развод, пожилой возраст.

Divorce in the Third Age: Sociological Analysis

S. A. Isaeva

This article discusses the concept of family capital in relation to divorce in old age. Highlighted the main causes of divorce in the third age.

Key words: family capital, divorce, old age.

Проблема разводов стала объектом социологических и демографических исследований во второй половине XX в. Научный интерес к этой проблеме был связан с быстрым ростом показателей разводов в разных странах. Изменение границ семьи и брака, ломка традиционных моделей семейно-брачных ролей изменили оптику исследований в направлении выяснения влияния социально-экономических достижений супругов (профессионального успеха, материальных доходов, образования), а также перераспределения гендерных ролей супругов в плане качества брака, его стабильности¹.

В советской социологии семьи отметим работы А. Волкова², В. Голофаства³, С. Пелевина⁴, Н. Соловьева⁵, А. Харчева⁶, Д. Чечот⁷, в которых представлены систематизация факторов, разрушительно действующих на брак, причины и мотивы распада браков.

Современный этап исследования феномена развода, связанный с общими тенденциями общественного развития, представлен работами В. Бодрова⁸, С. Седельникова⁹, А. Синельникова¹⁰, в которых анализируются проблемы родительства и развода, социального восприятия разводов, причины разводов. М. Валетас¹¹, Л. Прокофьева¹² и П. Фести активно изучали причины и последствия разводов для молодых супружеских пар и их детей. Работ, фиксирующих исследовательский поиск, направленный на постижение сложных сцеплений ценностных ориентаций, установок, социально-психологических особенностей представителей старшей возрастной группы в контексте семейного взаимодействия, значительно меньше. Можно назвать следующих авторов: Н. Бухалова¹³, М. Елютина¹⁴, Д. Латышев¹⁵, Г. Парахонская¹⁶.

Россия стоит на втором месте в Европе по количеству разводов (на первом – Украина)¹⁷. Общий уровень разводимости в России за период с 1970-х гг. до 2001 г. не выходил за пределы 3–4,5 разводов на 1000 населения. В 2002 г. коэффициент разводимости достиг своего максимума и составил 6,0 на тысячу населения¹⁸. В последующие годы он варьировался от 4,2 (2005 г.) до 5,0 (2008 г.). В 2009 г. уровень разводимости составил 5,0, в 2010 г. – 4,5 на тысячу населения¹⁹. Несмотря на небольшие перепады, он остается крайне высоким. Для сравнения отметим, что, например, в Бразилии в 2006–2008 гг. на 1000 жителей зафиксировано 0,9 развода, в Ирландии и Италии – 0,8, в Мексике – 0,7, в Монголии – 0,6, в Грузии – 0,5, в Таджикистане, Боснии и Герцеговине – 0,4²⁰.

Разводы затронули все возрастные группы, включая и людей старшего возраста. Это связано не только с общей тенденцией к увеличению числа разводов, но и с общедемографической тенденцией к старению населения.

В соответствии с теорией полезности Г. Беккера²¹ в каждом браке создается специфический семейный капитал. Индикаторами семейного капитала, по его мнению, выступают дети (их благосостояние, образование), внуки, престиж, уважение окружающих, здоровье, чувственные удовольствия. Г. Беккер обосновывает тот факт, что вероятность развода снижается по мере накопления семейного капитала, так как распад брака сопровождается утратой данного капитала: «Человек, состоящий в браке, решает прервать его, когда ожидаемая полезность возвращения к холостому состоянию или вступления в другой брак превосходит потери в полезности, сопряженные с разводом (разлука с детьми, раз-

дел совместно нажитого имущества, судебные расходы)»²². Семейный капитал, выступающий важным структурным компонентом человеческого капитала (Дж. Минкер²³, Т. Шульц²⁴), включает в себя совокупность способностей и знаний, навыков и мотиваций, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом²⁵. Соответственно, чем длительнее брак, тем ниже вероятность развода, так как с возрастом семейный капитал супругов увеличивается и потери от развода становятся все более ощутимыми (разлад с детьми, разрушение общих социальных связей, необходимость менять повседневные практики, установки). Тем не менее число разводов среди пожилых людей все увеличивается. Нередко человек, даже понимая, что может потерять частично или полностью свой семейный капитал, нажитый за десятки лет, все равно разводится. В чем же причины?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы провели качественное социологическое исследование. При формировании выборки не ставилась задача отразить структуру генеральной совокупности, и сделанные выводы не претендуют на статистическую значимость. Ставилась цель отразить разнообразные случаи из семейной жизни супружеских пар позднего возраста, могущие стать причиной распада брака. Выборка считалась удовлетворяющей исследовательским задачам, когда основные темы и мотивы в ответах стали повторяться, то есть произошло насыщение выборки.

Портрет типичного респондента выглядел следующим образом: человек в возрасте 55 лет и старше, имеющий стаж семейной жизни 20 лет и более, на момент исследования в разводе. Социальное положение и уровень образования не являлись критериями для отбора респондентов. В гендерном плане нас интересовали и женщины, и мужчины.

Всего было собрано 12 интервью с экспертами, 23 с разведенными мужчинами и женщинами в возрасте от 55 лет, а также проведен дискурс-анализ онлайн-документов на различных интернет-форумах для пожилых людей (n = 300)²⁶.

В результате мы выяснили, какие причины могут разрушить семейный капитал, нажитый годами.

Кризис выхода на пенсию. Выход на пенсию – ситуация, когда реализуется личностный выбор в отношении профессии и семьи с учетом состояния здоровья, желания или нежелания продолжать трудовую деятельность, личностных приоритетов. В период перехода на пенсию происходят некоторые структурные изменения, которые включают: 1) нормативные изменения; 2) изменение социальных сетей, социальных связей и коммуникаций; 3) эмоциональные изменения; 4) изменение ценностных приоритетов и жизненных стратегий. Человек попадает в ситуацию, когда ему надо осваивать новые роли, нормы и

ценности, реализовывать свои интересы в изменившемся контексте. Нередко человек не может справиться с возникшими трудностями. Повышается уровень стресса, что приводит к конфликтам с окружающими, в том числе и с супругом(ой). В группе риска оказываются супружески пары, где оба супруга вышли на пенсию, проживают в городе отдельно от детей. В такой ситуации супруги остаются один на один друг с другом. Разграничительная линия ясно обозначена между двумя сценариями развития супружеских отношений: 1) инерционное существование с сохранением «старого» порядка повседневной жизни вопреки произошедшим структурным изменениям; 2) освоение новых ролей, норм и ценностей, новых ритмов и жизненных траекторий, поиск путей обеспечения достойного существования через взаимно сориентированные действия. При первом сценарии выход на пенсию нередко обрачивается катастрофой для супружеских отношений, сопровождающейся экстраординарными выбросами негативных проблем, что проявляется в следующих моментах.

1. Доход мужа и жены становится примерно одинаковым; в такой ситуации женщина начинает чувствовать себя финансово менее зависимой и своими действиями и поступками расшатывает, ломает установившийся баланс супружеских отношений.

«Все начиналось с малого – с интонации, жене не свойственной. Поди, принеси... И без «пожалуйста», а в приказном порядке. И обязательное словесное сопровождение: “Давай, приучайся, а то привык, что я всегда все делаю”. Постепенно накапливалась обида, вижу, человек не хочет ничего понимать. В итоге – развод и девичья фамилия» (мужчина, 65 лет).

Женщины не хотят мириться с ролью «милых рабынь» и не хотят иметь мужей в качестве повелителей или беспомощных иждивенцев.

«Из моих наблюдений о разводах в зрелом возрасте – инициаторами становятся женщины, которые более или менее социально защищены и в характере которых преобладает эгоизм, нежелание мириться с возрастными изменениями в характере супруга» (мировой судья).

2. Мужчины, особенно те из них, кто занимал высокое социальное положение, был ориентирован на работу, после выхода на пенсию сталкиваются с проблемой интеграции в семейные взаимоотношения, поиска своего места, своей ниши в семейных интеракциях.

«Тяжко видеть постоянно лежащего на диване мужа, в то время как у женщин их обязанности по дому остаются навсегда, работает она или нет. Еще от безделья и характер у мужчин портится, и к рюмке их все чаще тянет» (женщина, 62 года).

3. Имеет место механизм проекции своих негативных переживаний на того, «кто постоянно рядом».

«Раньше мы раздражались на работе, а дома могли обсудить проблемы с мужем, так как он не был источником этого раздражения. А теперь мы весь день вместе, у нас однообразное домашнее бытие каждый день, нет никого, кто бы мог быть виноват в плохом настроении на стороне, а муж теперь постоянно рядом. И он становится источником, причиной раздражения. И как раньше, ему на него же не пожалуешься. Отсюда еще больше раздражения» (женщина, 66 лет).

4. Смысловая перекодировка жизни: «большая часть жизни позади, нужно остаток ее дожить счастливо».

«В один прекрасный день просто сказала мужу: хватит, надоело тебя по жизни тащить. Причем муж мой – продукт социализации, основанного на равноправии обязанностей. Даже если сумки нес, то обязательно так, чтобы и у меня руки были чем-то заняты. Пристроился у меня за спиной на диване и посапывал. После развода уехал к себе, к матери. А потом, слава Богу, познакомился с кем-то в санатории, ушел туда» (женщина, 60 лет).

Ранее смутные чаяния оформляются в сущные проблемы.

«Я все время работал, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Слава Богу, всех детей вырастили, у всех уже свои семьи. Имею ли я право на личную жизнь? Да, имею. Я хочу остаток своей жизни провести с достойной женщиной. Я ее уже давно знаю, но все не мог оставить семью» (мужчина, 67 лет).

5. Но, оказалось, есть еще один сценарий: «вести автономный друг от друга образ жизни». Оптимальный вариант такой искусственной изоляции – поверхностные, ограниченные отношения с маской «учтливое невнимания» (И. Гофман).

«Прожили лет 30–40, а то и больше и вдруг уходит “в никуда”? Вот представьте: одна комната на двоих, не разменять, уйти некуда, пенсия мизерная – не то что квартиру съемную оплачивать, продукты не на что покупать практически. Детей нет в моем примере. И что делать? Да ничего! Мириться и доживать» (женщина, 67 лет).

Физические и социальные болезни. Следующей причиной для расторжения брака является тяжелое соматическое или психическое заболевание одного из супругов. В случае развода на Западе, как правило, больной супруг переезжает жить в больницу, где за ним осуществляется медицинский контроль, необходимый уход. На разводе настаивает именно больной супруг, давая другому возможность жить свободно и в некоторых случаях построить новые отношения. Данный тип отношений сомнителен в моральном плане и не характерен для русской культуры. Согласно православным канонам, «бросать» больного супруга неприлично, непорядочно, супруги

должны оставаться вместе «и в горе и в радости, и в болезни и в здравии...»²⁷. Неверно было бы утверждать, что данные заповеди «вшиты под кожу» соотечественников, но, тем не менее, социализирующее влияние укорененных плодов культуры на формирование их когнитивных карт имеет место быть. По результатам нашего исследования, у представителей третьего возраста предпочтение отдается таким правилам организации семейной жизни, которые мы назвали «правила регистрации с последующим ответным действием». Речь идет о том, что супруг(а), узнав о диагнозе и неутешительном прогнозе, решает остаться возле больного с целью оказать ему (ей) помощь. Совершенно ясно, что данная схема воплощается в практике повседневной жизни с разной степенью достоверности, имеет много вариаций. Но сюжетная линия такого поведения все же сохраняется. Предпочтение этого варианта развития супружеских отношений в случае болезни одного из супругов можно объяснить и отсутствием возможности должного ухода за больными в специальных учреждениях, и нехваткой самих специализированных учреждений. На сегодняшний день в России существуют более 45 хосписов, но этого количества явно недостаточно.

В отношении к пожилому супругу(е) в случае его (ее) болезни прослеживаются гендерные различия. Зачастую женщины до последнего «вытягивают» супруга, несмотря на трудности.

«Сейчас главное быть с ним рядом, чаще рассказывать о внуке. Мужа надо поддерживать, веселить, тяжело, конечно, но это необходимо» (женщина, 68 лет).

Мужчины нередко переключают уход за женой на детей и родственников.

«От меня ушел муж, пожелав мне скорейшей смерти, и это после 25 лет брака. Когда я заболела, муж сначала очень переживал. И сиделку нанял, и врачей привозил. Потом вызвал мою сестру (из другого города), и весь уход лег на ее плечи. Через полгода мы узнали, что у него давно есть женщина. Ушел к молодой женщине и сам заболел. Я выкарабкалась, теперь наблюдаю, как он "счастлив"» (женщина, 65 лет).

В такой ситуации инициаторами развода чаще становятся мужчины, которые, как правило, уходят к другой женщине. Нередко они теряют связь со своими близкими людьми вследствие осуждения их поступка. В таких ситуациях мужчины редко афишируют истинные причины развода, боясь осуждения, часто выдумывают социально одобряемые причины.

В ситуации развода с больным супругом подвергаются осуждению и мужчины, и женщины, но степень осуждения различна. Женщины подвергаются безоговорочному осуждению, для мужчин находят разного рода «смягчающие» обстоятельства в соответствии с поговоркой «Сестра брату нужна богатая, жена мужу – здоровая». Сами женщины в нашем исследовании

говорят о том, что *«мужчине тяжелее, конечно, ему необходима женщина рядом, чтобы и приготовить могла, и квартиру убрать»* (женщина, 63 года).

Советуют друг другу: *«Болезнь нужно быстро, чтобы он мог успеть проявить заботу, но не устать от немоги жены»* (женщина, 64 года). Женщины оправдывают поведение мужчин, говоря о том, что *«мужчины морально слабее женщин», «в женщине заложена потребность заботиться, изо дня в день выполнять одни и те же бесконечные "мелочи"»* (женщина, 68 лет).

Исследователи из Онкологического сообщества Сиэтла выяснили, что мужчины в шесть раз чаще бросают своих женщин, заболевших раком, чем женщины – больных мужчин. Оказалось, что уровень разводов вырастает до 21% в том случае, если опасный диагноз (рак, рассеянный склероз) ставится женщине²⁸. Данные примеры являются своего рода индикатором гендерного неравенства. Кроме того, приходится констатировать, что в наших жизненных замыслах нераздельно сплетены «намерения и увертки» (Жан-Поль Сартр).

Не менее значимой проблемой являются социальные болезни, например алкоголизм. В позднем возрасте алкоголизм имеет свои особенности. По мнению экспертов, в данной возрастной группе встречается два типа алкоголиков: одни начали пить еще в молодости, другие – в старости. В первом случае речь идет об алкоголизме в позднем возрасте, а во втором – собственно об алкоголизме позднего возраста. Алкоголизм позднего возраста – это «проблемный» алкоголизм в том смысле, что чаще всего он провоцируется такими явлениями, свойственными возрасту, как изоляция, разочарованность, неудовлетворенность прошлым и настоящим, озлобленность, физический и психический дискомфорт. Им заболевают в основном мужчины, ранее умеренно пившие, и одинокие женщины («вдовий» алкоголизм). Пожилые, страдающие алкоголизмом, чаще принадлежат к более высокому социально-экономическим слоям общества, чем те, у кого симптомы алкоголизма проявляются в более молодые годы²⁹.

В основном разводятся из-за алкоголя супруга. Как правило, инициаторами выступают женщины. К примеру, приходит пожилая пара и супруга настойчиво просит развести их здесь и теперь, объясняя это тем, что трезвым его (мужа) еще не скоро можно будет увидеть. А через суд люди не хотят, чтобы два раза госпошлину не платить (сотрудник ЗАГС).

В интервью многие женщины отмечают, что после выхода на пенсию их мужья *«все чаще стали прикладываться к бутылке»*, нередко объясняя такого рода действия исключительно «лечебными целями»: *«для улучшения аппетита», «для поднятия настроения», «для выведения всех шлаков из организма»*. Преобладание такой мотивации алкогольной ориентации в третьем возрасте демонстрирует наличие лояльного отношения к

злоупотреблению алкоголем, которое стойко ассоциируется с «пользой для здоровья». Некоторые женщины, пытаясь сохранить семью, стараются направить мужей на лечение, но нередко сталкиваются с нежеланием мужчин лечиться. Свой отказ респонденты объясняли разными причинами: «от меня хотят избавиться», «меня хотят опозорить перед родными», «пью, потому что никому не нужен, жена должна подойти к мужу, поцеловать, вкусный ужин приготовить да налить и себе, и мужу по бокалу вина».

В конечном счете алкоголизм супруга, его нежелание лечиться, комплекс внутренних переживаний, депрессия, а нередко и агрессивность, склонность к насилию приводят к разводу и после 20 и более лет семейной жизни.

«Лучше я как-нибудь одна доживу, детей вырастили, больше не могу так жить. Всю жизнь терпела, больше не могу» (женщина, 64 года).

Есть примеры, когда семейный капитал и не дает возможности развестись (как правило, когда один из супругов (чаще муж) занимает высокое социальное положение, является «добытчиком» в семье).

«Я не могу развестись с ним. Он бывший военный, у него пенсия хорошая, бизнес. А я домохозяйка всю жизнь. Вся недвижимость на него оформлена. В случае развода останусь ни с чем и на улице. Поэтому приходится терпеть его пьянки» (женщина, 60 лет).

Развод с целью экономической выгоды.

Выяснилось, что пожилые супруги оформляют фиктивный развод для получения субсидий по оплате жилья, для получения квартир, к примеру в случае сноса дома.

«Обычно фиктивно разводятся в случае сноса дома или при возможности получить квартиру (военные). Такие пары сразу видно: ведут себя очень спокойно, не ругаются, не выясняют отношений. Фиктивные разводы бывают достаточно часто. При расторжении брака и оформлении разных лицевых счетов супругам дадут две квартиры» (сотрудник ЗАГС).

Отметим тот факт, что даже фиктивный развод зачастую дает мужчине ощущение свободы от семейных уз.

«В случае фиктивного развода муж часто начинает ощущать себя эдаким свободным орлом, забывая, что давно уже превратился в старого поципанного петуха (прошу прощения у мужчин, но это факт, которого они часто за собой не замечают)» (женщина, 66 лет).

Чувствуя себя молодыми, энергичными, свободными, мужчины увлекаются другими женщинами, зачастую гораздо моложе себя. Молодые женщины в таких отношениях, по мнению наших респондентов, преследуют исключительно меркантильные интересы – их заботят имущественное благосостояние великовозрастного партнера, новая жилплощадь, которой они стараются завладеть.

«Почти всегда рядом с “одиноким” мужчиной оказывается предприимчивая охотница за деньгами, закружит мужичку голову, к себе жить позовет (без прописки), а его долю в квартире уговорит продать» (риелтор).

Мужчины, воодушевленные ощущением свободы, говорят о «последней лебединой песне», но в конечном итоге остаются ни с чем: бывшая жена обратно не принимает, а новой они становятся ненужными.

«Да, мы развелись для получения квартиры, мне тогда было 52 года, а мужу 55. А через 3 года он ушел жить отдельно в эту новую квартиру, оставив меня, дочь и внука в однокомнатной. Вот так, хотели детям нажить, а получилось мужу и его “новой жене”» (женщина, 67 лет).

Как правило, фиктивные разводы совершаются для улучшения материального состояния детей. «Ради детей» в большей степени готовы развестись женщины: «молодым сейчас сложно квартиру нажить», «ипотеку брать дорого, мы уже в возрасте, помочь не сможем», «конечно, мы воспользовались шансом, развелись и получили две квартиры: теперь в одной мы живем с мужем, в другой сын с женой».

Мужчины в этом вопросе зачастую проявляют пассивность.

«У нас была возможность при оформлении развода получить две квартиры. Но в тот момент некогда было, да и не очень хотелось заниматься всеми бумажками по разводу, переоформлению. Жена, конечно, попрекает меня иногда» (мужчина, 65 лет).

Нам встретились пары, отказавшиеся от фиктивного развода по морально-этическим соображениям.

«Как же можно развестись, мы столько лет вместе прожили. Даже не представляю, как бы в ЗАГС пришли, как детям сказали, родственникам объяснили? А дети, они сами наживут себе все что нужно» (мужчина, 68 лет).

Супружеская измена. Совершенно ясно, что существуют причины, связанные с любовными отношениями. Мы столкнулись с двумя возможными вариантами. Первый вариант развивается в контексте классического наблюдения «любви все возрасты покорны». Повторные браки «по любви» создаются с партнером, близким по возрасту, интересам, увлечениям. Часто это встреча с «любовью молодости», «однокурсницей», «однокурсницей». Зачастую, вспоминая прошлое, «старые знакомые» начинают испытывать друг к другу нежные чувства, анализируют свою семейную жизнь и решаются на развод.

«Я развелся с женой после того, как мы отметили своего рода юбилей – 35 лет совместной жизни. Прожили мы в целом неплохо, я очень благодарен своей теперь уже бывшей жене за двух моих (уже взрослых и самостоятельных) сыновей. Дело в том, что совершенно случайно я встретил свою первую любовь. Мы разговари-

лись, потом встретились... Как будто и не было этих лет, когда мы жили вдали друг от друга. Я наконец-то счастлив, хотя и много появилось проблем. Постепенно, я уверен, мы все уладим» (мужчина, 62 года).

«Я – не исключение из правил, знаю мужчин, которые на склоне лет сходились с постаревшей женщиной потому только, что желали ее в юности» (мужчина, 67 лет).

Но не всегда новый брачный союз является удачным. Вполне очевидно, что, несмотря на теплые чувства новых супругов, между ними рано или поздно возникают конфликты, причем часто на бытовой почве. Это связано с тем, что каждый из супругов уже имеет свой жизненный опыт, свои привычки, от которых оба не хотят либо не могут отказаться.

«Когда начали жить вместе, стали ругаться из-за привычек разных. Он много курит, привык курить в квартире. А я не выношу запаха табака в квартире. Вот и ругаемся» (женщина, 62 года).

«Конечно, мы столько лет жили каждый по-своему, у меня свой опыт, у него свой. Я не люблю готовить, а он любит хорошо покушать. Упрекает иногда, что хозяйка плохая» (женщина, 58 лет).

Развод и новый брак – это событие не только для супругов, но и для родственников, детей, друзей. Из-за отношений с родственниками тоже возникают конфликты между супругами.

«У меня от прошлой семьи двое детей и внук. Конечно, они не могут принять мою новую жену. Стараются постоянно “уколоть” ее или меня» (мужчина, 63 года).

Второй вариант связан с повторным, как правило, асимметричным по возрасту браком. Преобладает схема «он – модель», когда мужчина старше женщины на десять и более лет. Данная тенденция распространена как в России, так и в ряде других стран (США, Чехия³⁰, Италия³¹). Как правило, на такой шаг идут люди, имеющие высокий материальный и социальный статус. Это своего рода бунт против старения, когда человек решает «сесть в последний вагон», чтобы попытаться проехать жизнь по второму кругу, снова почувствовать себя молодым, активным.

«Я счастлив с этой женщиной, чувствую себя молодым, активным, здоровым, энергичным. Вот скоро ребеночка родим» (мужчина, 62 года, жене 32 года).

Для многих мужчин интимные отношения остаются важной составляющей их повседневной жизни. Женщины, напротив, часто считают близкие отношения в пожилом возрасте уже неприличными и неприемлемыми для себя, вследствие чего возникают ссоры и недопонимание между супругами.

«Какая разница, сколько нам лет. Ведь мы не перестаем быть мужчиной и женщиной. Жена с годами стала привлекательнее для меня. А она считает, что уже стара и что интимная жизнь – удел молодых пар» (мужчина, 64 года).

«На мой взгляд, в нашем возрасте неприлично говорить об этом. Мы люди другого воспитания» (женщина, 61 год).

В беседе с разведенными мужчинами третьего возраста рефреном звучали высказывания типа «я только теперь жить начал!», «развод – это возможность начать новую жизнь в любом возрасте!». Женщины, напротив, в сфере семейной жизни практически не меняют взглядов на семью как основу личной устойчивости; позитивно относятся к предлагаемым им традиционным образцам семейного быта и поведения, рассматривают развод как «крайний случай», когда «нет сил терпеть всякого рода унижения».

Сценарии дальнейшей жизни бывших супругов могут развиваться по трем основным направлениям.

1. «Эффект возвращения» фиксирует ситуацию, когда спустя некоторое время после развода мужья возвращаются в свою семью, нередко с новыми болезнями и личными проблемами, и, как правило, жены их принимают.

«Муж встретил молодую женщину и ушел жить к ней. Конечно, плакала, похудела очень. Затем у нас с мужем случился инсульт, и та, будь недолга, привезла его мне. И я приняла его. А что делать, мы прожили вместе почти 50 лет» (женщина, 76 лет).

2. «Блуждающее поведение» характерно для того случая, когда инициатор развода так и не может определиться, а потому находится «в пути» между «старым и новым домом».

«Так и живу, то с одной, то с другой. Может, это и нехорошо, но меня все устраивает. Я и деньгами помогаю, и так, что по дому надо сделать, все сделаю. Говорят, я рукастый. И с детьми, внуками у меня нормальные отношения – надо помочь, помогаю» (мужчина, 73 года).

3. «Новая жизнь», когда развод воспринимается как «сбрасывание ярма» и начало «жизни для себя». Одни разведенные даже не пытаются создать новую семью, а наслаждаются жизнью, путешествуют, читают книги, повышают уровень образования.

«Я развелась. Точнее, развелась со мной. Мне было 54, ему 56. Сначала была в шоке, все очень странно, непонятно, даже по привычке готовила завтрак для НЕГО. Прошло уже 7 лет. Я спокойна и счастлива, я позволяю себе то, о чем мечтала многие годы. Я поняла, что жизнь наконец-то началась» (женщина, 61 год).

Другие же, разведясь, создают новые семьи, меняют место жительства.

«Я после развода уехал жить в деревню, а там встретил свою старую знакомую – вот такая “ирония судьбы”. И понял, что сейчас жизнь только началась. Уже 6 лет живем с ней душа в душу» (мужчина, 67 лет).

Как показали наши исследования, супружеские отношения не имеют некоего конечного значения, это живое, растущее, становящееся,

меняющееся значение. В основе развода (распада супружеских отношений) в третьем возрасте лежат, как правило, два момента: 1) искусственно развитые потребности; 2) истаивание «медиаторов» и «стабилизаторов» внутрисемейного взаимодействия, «обезболивающего» действия которых долгое время просто не замечают. Это длится до тех пор, пока не возникнут обстоятельства, которые выводят внутрисемейное взаимодействие из автоматизма восприятия (болезнь, выход на пенсию), что, в свою очередь, приводит к тому, что расширяется зона вопрошания (что делать, как жить дальше в ситуации, когда «уже поздно?»), а содержание внутрисемейных взаимоотношений остро нуждается в переопределении. Только когда феномен субъектности, понимаемый в данном случае как «авторизованность» бытия, судьбы, выбора, сознания, становится важнейшим социальным и личностным определением взросления человека, все остальные предпосылки переопределения геронтологического этапа его жизненного пути могут соединиться, «забродить» и сформировать внятную и приемлемую стратегию развития супружеских отношений.

Примечания

- 1 См.: Lewis R., Spanier G. The rising about the quality and stability of marriage // Contemporary theories about the family / eds. W. Burr a.o. N.Y., 1979. Vol. 2.
- 2 См.: Волков А. Г. Семья – объект демографии. М., 1986.
- 3 См.: Голофаст В. Б. Семья в крупном городе // Голофаст В. Б. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб., 2006.
- 4 См.: Пелевин С. М. Вопросы эффективности правового регулирования разводов в СССР : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Л., 1972. 24 с.
- 5 См.: Соловьев Н. Я. Развод, его факторы, причины, поводы // Проблемы быта, брака и семьи. Вильнюс, 1970.
- 6 См.: Харчев А. Г. Социология семьи : проблемы становления науки : перепеч. с изд. 1979 г. М., 2003.
- 7 См.: Чечот Д. М. Социология брака и семьи. Л., 1973. С. 3–34.
- 8 См.: Бодрова В. Общественное мнение о разводах // Вестник статистики. 1991. № 5.
- 9 См.: Седельников С. С. Позиции супругов и типологические реакции на развод // Социс. 1992. № 2.
- 10 См.: Синельников А. Б. Социально одобряемые причины развода в прошлом и настоящем // Социс. 1992. № 2.
- 11 См.: Валетас М. Ф. Отцы и дети после развода // Социс. 2002. № 6.
- 12 См.: Фести П., Прокофьева Л. Алименты, пособия и доходы семей после развода // Население и общество. Бюллетень Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН. 1996. № 15.
- 13 См.: Бухалова Н. А. Новые семьи пожилых людей : дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2008. 163 с.
- 14 См.: Елютина М. Э. Супружеские отношения в позднем возрасте // Социс. 2010. № 11. С. 83–92.
- 15 См.: Латышев Д. В. Социальная идентификация пожилой семьи в современном российском контексте : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2007. 158 с.
- 16 См.: Парахонская Г. А. Пожилой человек в семье // Социс. 2002. № 6. С. 103–110.
- 17 Россия вторая в Европе по числу разводов. URL: <http://www.livejournal.ru/themes/id/36908> (дата обращения: 29.10.2011).
- 18 Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2004. С. 38.
- 19 Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#> (дата обращения: 15.10.2011).
- 20 Демоскоп Weekly. Общий коэффициент разводимости (на 1000 населения) 1960–2007 гг. № 485–486, 7–20 ноября 2011 г.
- 21 См.: Беккер Г. Эволюция семьи // Избранные труды по экономической теории. Человеческое поведение. Экономический подход / пер. с англ. М., 2003.
- 22 См.: Беккер Г. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. № 1. С. 32.
- 23 См.: Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968. Vol. 6.
- 24 См.: Mincer J. The Production of Human Capital and the Lifecycle of Earnings: Variations on a Theme. Working Paper of the NBER. № 4838 (Aug. 1994).
- 25 Корчагин Ю. А. Человеческий капитал. Определение. Воронеж. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles-&art=3&page=24> (дата обращения: 17.10.2011).
- 26 Форум пенсионеров. URL: <http://pensionary.ru/forum/> (дата обращения: 25.05.2011) ; <http://www.age60.ru/> (дата обращения: 25.03.2011).
- 27 Основы социальной концепции Русской православной церкви, 13–16 августа 2000 года. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/konceo1/main.htm> (дата обращения: 17.08.2011).
- 28 Мужчины не выносят больных жен. URL: <http://www.medikforum.ru/news/medicine/383...yx-muzhej.html/> (дата обращения: 17.08.2011).
- 29 Шабанов П. Д. Алкоголизм в пожилом возрасте. URL: <http://www.med-prof.ru/ig7233021.html> (дата обращения: 15.06.2011).
- 30 В Чехии растёт количество разводов. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/v-chexii-vas-razvedut> (дата обращения: 26.06.2011).
- 31 Возраст разводов. URL: <http://www.mia-italia.com/node/6909> (дата обращения: 26.06.2011).

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323.2; 304.4

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА НА СТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

А. П. Плешаков

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: plaleks55@mail.ru

В статье анализируются современные подходы к сущности социального государства. Особое внимание уделяется специфике и проблемам российского пути к социальному государству в условиях глобального финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: социальное государство, правовое государство, социальная политика, приоритетные национальные проекты, глобальный финансово-экономический кризис.

Influence of Global Crisis on Formation of Social State in Russia

A. P. Pleshakov

Modern approaches to the essence of the social state are analyzed in the article. Special attention is paid to the specificity and problems of Russia on the way to the social state in the conditions of the financial and economic crisis.

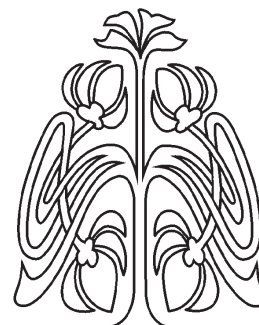
Key words: social state, legal state, social policy, top national projects, global financial and economic crisis.

В настоящее время Россия переживает один из самых ответственных этапов в своей истории. В декабре 2011 г. в стране был избран депутатский корпус Государственной думы Российской Федерации шестого созыва, а в марте 2012 г. – новый Президент Российской Федерации. И, как обычно бывает в переломные исторические эпохи, в научной среде вновь обострилась полемика о поисках модели жизнеустройства России, адекватной современным тенденциям мирового развития, о характере и месте в нем государственности.

Последние годы убедительно показали, что прогресс в России невозможен без достижения обществом социального согласия. Поэтому сегодня с особой остротой стоит вопрос об идее, способной объединить общество. Такая идея, на наш взгляд, заложена в ст. 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Такая постановка вопроса в принципе ни у одной из политических сил современной России возражений не вызывает.

Как показывают теоретические изыскания и общественная практика, особенно XX столетия, такая модель предполагает наличие зрелого гражданского общества, адекватной ему свободной личности и демократического, правового, **социального** государства. Однако в нашей стране этот путь имеет весьма существенное своеобразие, обусловленное конкретно-историческими, социокультурными и экономическими условиями, а также ментальностью народа, национальным характером и особенностями переживаемого исторического этапа.

Советское общество, провозгласив в свое время широкие права и свободы граждан, сумело добиться их обеспечения на минимальном уровне, основанном на принципе всеобщей уравнительности. Административно-командная система жестко, с узкокласовых позиций опре-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

делила социальный статус личности, стимулируя конформизм и патерналистскую идеологию. Но в то же время она гарантировала каждому трудовую занятость, бесплатное медицинское обслуживание, образование, льготные условия для приобретения путевок для отдыха, низкую оплату жилья, дошкольного детского воспитания и т. д. И как бы ни были ограничены эти социальные блага, они явились существенным достижением Советского государства, вывели его на уровень великой державы и оказали немалое воздействие на развитие социального законодательства зарубежных стран.

С первых же шагов перехода страны к рынку россияне болезненно ощутили утрату этих социальных благ, которые при всей их ограниченности были привычными и доступными. Либеральная рыночная экономика поставила людей в жесткие условия, ориентируя их на преодоление «ижидвенчества», умение вписаться в новые условия жизни. Однако резкое падение производства, сужение рынка рабочей силы привело к тому, что многие россияне не смогли найти своего места в обществе; в стране появились значительные слои неимущего населения, оказавшегося за чертой бедности. В России сложилась крайне тяжелая социально-экономическая и политическая ситуация. Особой остроты она достигла во второй половине 1993 г.

В начале 90-х гг. XX в. Россией была сделана ставка на опережающую институционализацию социальной государственности. Конституция РФ в ст. 7 главной целью государственной политики провозгласила создание условий для обеспечения достойной жизни и свободного развития человека. Однако в сознании россиян до сих пор остается животрепещущим вопрос о состоятельности курса реформаторов: является он всего лишь тактическим маневром или действительно представляет собой инновационную стратегию модернизации России?

Справедливости ради следует отметить, что в начале XXI в. наблюдается отчетливый поворот государства к социальной политике. Так, в конце 2005 г. правительство объявило о реализации четырех национальных проектов, которые должны совершить прорыв в медицине, образовании, строительстве доступного жилья и сельском хозяйстве.

В феврале 2008 г. в рамках очередного заседания Совета по реализации национальных проектов и демографической политике был, во-первых, подведен своеобразный итог двух лет реализации национальных проектов, а во-вторых, намечено продолжение работы по этим и другим направлениям, которые государство считает своим долгосрочным приоритетом¹.

В отчете Д. А. Медведева о проделанной за 2006–2007 гг. работе отмечалось, что движение в лучшую сторону началось на всех направлениях. Стала увеличиваться средняя продолжительность жизни, за этот период почти в два раза сократилась смертность, выросла рождаемость, за два послед-

них года рост объемов вводимого в строй жилья составляет 18%, во всех субъектах Федерации появились ипотечные программы для молодых семей, нацпроект в области АПК показал серьезный потенциал российского села.

Цели, выбранные в конце 2005 г., на старте нацпроектов, должны были стать долгосрочными ориентирами и частью концепции развития России до 2020 г.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что на социальных программах государства не мог не сказаться мировой финансово-экономический кризис, пришедший в США, а вслед за ними распространившийся и по всем остальным государствам. Иллюзия стабильности рухнула вместе с кризисом 2008 г.

Анализируя влияние кризиса на становление социального государства в России, хотелось бы сделать два замечания: 1) о сущности кризиса; 2) о необходимости пересмотра концепции социального государства.

Вопрос о том, что собой представляет глобальный кризис, чем он был вызван и как с ним бороться, остается спорным в отечественной и зарубежной науке². Кроме того, разработка рекомендаций по борьбе с ним отстает от развития событий.

Во-первых, в начале мирового финансового кризиса возникло предположение, что наша страна останется «островом стабильности» – волны кризиса пройдут мимо. Иначе говоря, глобальность начавшихся процессов недооценивалась. Затем, когда кризис затронул и Россию, вопрос начали ставить таким образом, что его виновником являются американцы, излишне раздувшие сферу потребления, живущие в долг и т. д. Выход из кризиса стал ассоциироваться с вопросом о том, хватит ли накопленного золотовалютного резерва для того, чтобы «отсидеться» два-три года до стабилизации мировой экономики и, соответственно, повышения цен на энергоресурсы.

Безусловно, кризис пришел к нам извне. Однако глубину он получил у нас в результате именно российских особенностей. Страна вошла в кризис с рядом дисбалансов, в том числе с серьезнейшими структурными дефектами экономики, в первую очередь ее абсолютной неэффективностью. У нас 40% ВВП создается за счет экспорта сырья, и естественно, что кризис сильнее всего ударил по России. За 2009 г. ВВП страны снизился на 8,7%³.

Во-вторых, глобальный кризис, который, по мнению многих экспертов, еще не закончился и есть все предпосылки для его второй волны (ситуация в мировой экономике на самом деле далека от идеала), заставляет переосмысливать многие явления, сложившиеся понятия. Требуется пересмотра и концепция социального государства. Опыт нескольких послевоенных десятилетий показал, что благодаря быстрому развитию производительных сил, выгодной внешнеэкономической конъюнктуре, относительно (из расчета на душу населения)

снижению затрат на военные нужды в странах так называемого золотого миллиарда появилась реальная возможность все полнее удовлетворять растущие потребности граждан. В результате там сложился мощный средний класс, являющийся, как известно, не только стабилизирующим фактором социально-политической жизни, но и локомотивом экономического развития. За счет всех этих факторов у этих стран появилась возможность содержать и тех, кто склонен к социальному паразитизму. Ради сохранения стабильности и социального мира государства сознательно мирились с этим. Значительная вина за появление этого феномена лежит на левых партиях, которые, стремясь прийти к власти, нередко злоупотребляли социальным популизмом.

Таким образом, социальное государство стало не только надеждой и опорой тех, кто действительно этого заслуживает – многодетных семей, инвалидов, пенсионеров и т. п., – но и инкубатором для социальных иждивенцев. В итоге зародился феномен, который можно характеризовать как «паразитический социализм», или «чрезмерная социальность»⁴.

Однако когда у государства возникают трудности, особенно финансовые, бремя такого «социализма» становится особенно ощутимым. Поэтому около 10 лет тому назад на Западе началось переосмысление идеологии и концепции социального государства, а различные, зачастую чрезмерные, социальные льготы и пособия стали пересматриваться и ограничиваться. Даже левые партии (например, социал-демократы в Германии), наученные опытом реального правления, были вынуждены скорректировать свои идеологию и программы.

На наш взгляд, Россия должна учесть негативный опыт стран Запада и во многом пересмотреть представления о социальном государстве⁵. В глазах общества справедливо, когда помощь и поддержку со стороны государства получают те, кто в этом реально нуждается, а не все, кто пожелает. На такую поддержку имеет право тот, кто по каким-то уважительным причинам (юный возраст, болезнь, необученность, инвалидность и др.) не может обеспечить себе достойный уровень жизни. Тот же, кто здоров, образован, имеет профессию, обязан трудиться и стараться содержать себя и свою семью сам. Президент Д. А. Медведев отметил: «Современное социальное государство – это не раздувшийся советский собес и не спецраспределитель с неба свалившихся благ. Это сложная, сбалансированная система экономических стимулов и социальных гарантий, юридических, этических и поведенческих норм, продуктивности которой в решающей мере зависит от качества труда и уровня подготовки каждого из нас»⁶.

Поэтому становление социального государства в нашей стране в кризисной ситуации связано с решением комплекса задач. Выделим, на наш взгляд, первоочередные на текущий момент

направления: модернизация и технологическое обновление всей производственной сферы, сокращение бедности, снижение напряженности на рынке труда, создание новых рабочих мест, повышение пенсий, выполнение предусмотренных государством социальных гарантий в сфере здравоохранения, обеспечения жильем, в области ЖКХ.

Успешное функционирование социального государства возможно лишь на основе высоко-развитой экономики, которая должна быть эффективной и социально ориентированной. Сегодня формирование социальной государственности в России происходит на фоне резкого падения производства. По данным Росстата, Россия оказалась первой среди одиннадцати экономически развитых стран по уровню падения ВВП. Во втором квартале 2009 г. экономика страны упала на 10,9% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. И это несмотря на то, что нефть была довольно дорогой, да и остальные экспортные товары пользовались пусть не огромным, но спросом⁷.

В силу сложившихся обстоятельств, в том числе и глобального кризиса, первостепенное значение для России приобретает модернизация экономики. Мы попали в непоправимую зависимость от импорта потребительских товаров, машин и оборудования. По оценке Станкоимпорта, в ежегодном объеме закупаемых российскими предпринимателями станков доля отечественных составляет не более 1%. Поэтому неслучайно, что нового машинного оборудования у нас производится меньше, чем в Японии, в 82 раза, чем в Германии – в 30 раз, чем в Китае – в 31 раз⁸. Между тем общеизвестно, что развитие машиностроения – важнейший фактор обеспечения модернизации экономики.

Необходимо приложить немало усилий, чтобы переломить ситуацию в важнейших направлениях экономики. Приоритет должен отдаваться опережающему росту высокотехнологичных отраслей (машиностроение, электроника, ядерные и информационные технологии и т. д.), которые в дальнейшем смогут стать локомотивом для отраслей экономики, ориентированных на выпуск потребительской продукции. Это те самые пять векторов, которые назвал президент⁹. Реализация этих мер позволит преодолеть уязвимость нашей экономики, нынешний рост которой обусловлен преимущественно конъюнктурой цен на энерго-ресурсы на мировом рынке.

По мнению экспертов, в ближайшие годы мировая конъюнктура не позволит российской экономике развиваться прежними темпами. Бюджет страны уже столкнулся с дефицитом, а это чревато социальными проблемами: снижением уровня жизни граждан, ростом безработицы, замедлением развития социальной сферы.

Так, бедность в нашей стране сегодня стала представлять угрозу для развития общества. По официальной статистике, 13,1% населения живет за порогом бедности (то есть с доходами ниже

прожиточного минимума). Минимальная зарплата у трети работников менее 1,5 прожиточного минимума, а у каждого пятого – ниже прожиточного минимума. Социальное самочувствие граждан этим цифрам вполне соответствует: по результатам социологических опросов, 39% россиян называют себя бедными людьми¹⁰.

Бедность не только подогревает межнациональные противоречия, поскольку ксенофобия и нетерпимость развиваются прежде всего среди небогатых групп населения, но и порождает воспроизводство бедных с одновременным формированием у них особой субкультуры бедности. Иначе говоря, растет число трудоспособных людей, не желающих работать. Они стремятся стать получателями социальной помощи, уповают на государство, полагаются только на власть (в 2009 г. таковых только среди мужчин было 6,3 млн)¹¹. Таким образом, в массовом сознании вольно или невольно культивируется патерналистский, а не партнерский тип отношений между государством и его гражданами. Хотя, конечно, трудно не согласиться с президентом Д. А. Медведевым в том, что «усилия государства должны быть сосредоточены прежде всего на преодолении массовой бедности»¹².

К тому же, по мнению экспертов, официальная статистика занижает количество граждан с доходом ниже прожиточного минимума, поскольку занижается и сам прожиточный минимум. А пятнадцатикратная разница в обеспеченности самых богатых и самых бедных не учитывает скрытых доходов¹³. Для нормального общественного самочувствия столь высокий разрыв представляет угрозу.

В России много говорится о необходимости создать и укрепить по-настоящему массовый средний класс. Но что же представляет собой сегодня российский средний класс? К нему у нас причисляют тех, чья зарплата выше средней. Средняя зарплата сегодня – чуть более 20 тысяч рублей. Следовательно, человек, зарабатывающий 20 тысяч рублей в месяц, – представитель среднего класса? Это, как минимум, смешно. И дело даже не в количественных характеристиках (достойный размер заработка, приличный метраж жилья, наличие одного-двух автомобилей на семью и т. п.), а в главном: представители среднего класса – это люди, самостоятельно решающие свои бытовые и социальные проблемы и тем самым снимающие нагрузку с государства. Сегодня таких людей в России гораздо меньше общеевропейского стандарта в две трети населения. К тому же среднему классу в России в течение нескольких лет приходилось дважды все начинать с нуля.

Особенно острую обеспокоенность вызывают случаи нарушения законодательства об оплате труда. Впервые за многие прошедшие годы, отмеченные стабильным развитием, опять возросла и продолжает расти суммарная задолженность по заработной плате на предприятиях и в учрежде-

ниях, в том числе государственных (например, в октябре–декабре 2008 г. – в два с половиной раза, составив почти 8 млрд руб.). Причем это не связано порой ни с какими объективными причинами¹⁴.

В 2009 г. у нас начался рост безработицы. По данным Росстата, общая безработица в России за январь 2010 г. выросла до 9,2%. Однако, по утверждению председателя правительства В. В. Путина, «мы не только полностью восстановили докризисный уровень рынка труда, мы даже сделали больше: сегодня у нас безработица ниже, чем была до кризиса»¹⁵.

Таким образом, вектор социально-экономического развития страны во многом выглядит пока неутешительно. Констатацию тенденций, не приближающих, а удаляющих сегодня Россию от социального государства, можно продолжить. Однако, на наш взгляд, продуктивнее акцентировать внимание на тех аспектах, которые позволяют со сдержанным оптимизмом смотреть в будущее.

Несмотря на то что глобальный финансово-экономический кризис обострил социальные проблемы, государство намерено выполнить все свои обязательства. В послании президента Д. А. Медведева Федеральному собранию РФ 2010 г. отмечается, что «кризис, безусловно, затруднил решение этих проблем. Мы были вынуждены сфокусировать наши усилия на преодолении его негативных последствий, задействовав значительные, ранее накопленные с таким трудом резервы. И масштабная программа антикризисных мер позволила к середине этого года стабилизировать ситуацию. Нашим приоритетом была и останется поддержка людей, оказавшихся в трудной ситуации. Несмотря на падение доходов бюджета, социальные обязательства государства выполняются полностью. И дальше так будет»¹⁶.

Следует признать, что за кризисные годы властью в сфере социальной политики сделано немало: поддержали отечественного производителя, сельское хозяйство, повысили пенсии, гарантии по банковским вкладам, наводятся порядок с ценами на лекарства, открыт доступ к материнскому капиталу, организуются общественные работы, наконец-то обратили внимание на моногорода и т. д.

Власти во время кризиса не уменьшили, а увеличили объемы социальной поддержки. Они, как и обещали, не допустили повторения разрушительного шока прошлого, не допустили, чтобы в нашу жизнь вновь вернулась повседневная бедность, не дали кризису перечеркнуть все то, что было сделано в демографии, здравоохранении, образовании, социальной сфере в целом.

Как отметил на Мировом политическом форуме в Ярославле президент Д. А. Медведев, «социальные задачи не должны быть отставлены в сторону. Поэтому стимулирование производства, создание новых рабочих мест, повышение зарплат, адресная поддержка рабочих останутся приоритетами государства на ближайшие годы»¹⁷.

В то же время отчетливо видно, что крупнейшие экономические центры планеты до сих пор нестабильны, продолжают генерировать системные проблемы. В современном мире существует огромное количество рисков, которые нами не контролируются. Чтобы быть застрахованными от любых потрясений, нам нужно быть сильными, а для этого темпы нашего развития должны быть кардинально выше тех, что мы имеем сегодня. Для этого темпы роста экономического развития необходимо довести до 6–7% в год, а за следующие пять лет войти в пятерку крупнейших экономик мира. Причем это должен быть не сырьевой, а качественно иной рост, построенный на инвестициях, передовых технологиях, на повышении эффективности, создании современной индустрии¹⁸.

Процесс становления социального государства еще далек от завершения. Как заметил Д. А. Медведев, неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ – очень большие проблемы даже для такого государства, как Россия¹⁹. Нынешний глобальный кризис продемонстрировал это со всей очевидностью и определенностью.

Необходимо отметить, что по своей сути социальное государство представляет собой (должно представлять!) продукт интеграции свободно и заинтересованно взаимодействующих людей в большую и целостную институционализированную общность в интересах повышения устойчивости и эффективности своего взаимодействия. К этому побудила людей экономическая необходимость: разделение и рост производительности труда и связанная с ним плюрализация форм, методов и мотиваций их взаимодействия и, следовательно, осознанная необходимость его нормативного и легитимного упорядочения. Поэтому социальное государство всегда является правовым.

Становление социально-правового государства в России – процесс длительный, сложный и противоречивый. Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Г. И. Авцинова, «его специфика в том, что он не будет, подобно Западному, разделен на два этапа – правовой и социальный, а должен представлять единый, целостный, по возможности органичный процесс»²⁰.

Таким образом, изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что глобальный финансово-экономический кризис, безусловно, осложняет, но никоим образом не дезавуирует процесса становления социального государства в России, который нуждается в дальнейшем специальном изучении и обсуждении.

Примечания

- 1 См.: Национальные проекты // Рос. газ. 2008. 29 февр.
- 2 См.: Круглый стол «Господин Кризис, как Вас теперь называть?» // Полис. 2009. № 3. С. 9–33; *Розов Н. С.* Глобальный кризис в контексте мегатенденций мирового развития и перспектив российской политики // Там же. С. 34–46; *Сергеев В. М.* О глубинных корнях современного финансового кризиса // Там же. С. 47–53; *Загладин Н. В., Кучеренко А. А.* Глобальный кризис: причины, последствия и Россия (возвращаясь к напечатанному) // Там же. С. 177–183.
- 3 См.: *Примаков Е. М.* Россия перед выбором // Рос. газ. 2010. 14 янв. С. 11.
- 4 См.: *Пляйс Я. А.* О сущности, ролях и функциях современного государства // Полис. 2009. № 3. С. 25–27.
- 5 О российской Концепции социального государства нами говорилось в опубликованной ранее работе: Предпосылки, особенности и тенденции формирования социального государства в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1(34). С. 10–19.
- 6 *Медведев Д. А.* Россия, вперед! // Известия. 2009. 11 сент. С. 3.
- 7 См.: Хроника кризиса // Известия. 2009. 21 авг.
- 8 См.: *Примаков Е. М.* Указ. соч.
- 9 См.: *Медведев Д. А.* Указ. соч. С. 2.
- 10 См.: *Выжуртович В.* Порок бедности // Рос. газ. 2011. 9 сент. С. 3.
- 11 Там же.
- 12 *Кузьмин В., Петров В.* Сложный мир сложен из людей. Президент Дмитрий Медведев предложил концепт развития, во главе которого человеческие ценности // Рос. газ. 2011. 9 сент. С. 2.
- 13 Следует признать, что цифры, которыми мы оперируем, рассуждая об уровне бедности и об уровне социального расслоения, достаточно условны.
- 14 Прокурорское предупреждение // Рос. газ. 2009. 13 янв. С. 12.
- 15 Движение только вперед! Выступление председателя правительства и лидера «Единой России» В. Путина в Лужниках // Рос. газ. 2011. 26 сент. С. 3.
- 16 Послание Президента РФ Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 12.11.2009 г. // Рос. газ. 2009. 13 нояб.
- 17 *Кузьмин В., Петров В.* Указ. соч. С. 2.
- 18 См.: Движение только вперед!..
- 19 См.: *Медведев Д. А.* Указ. соч. С. 2.
- 20 *Авцинова Г. И.* Социально-правовое государство : сущность, особенности становления // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 3. С. 104.

УДК: 32.001

ДЕЛОВАЯ ЭЛИТА В СОСТАВЕ ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА: БИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Д. В. Попонов

Саратовский государственный университет
E-mail: poponovdv@mail.ru

В статье с позиций биографического анализа изучаются роль экономических каналов в процессах рекрутирования губернаторского корпуса в современной России, их влияние на ролевые и функциональные характеристики глав регионов, модели политической карьеры представителей финансово-экономического сектора.

Ключевые слова: главы регионов, деловая элита, рекрутирование губернаторского корпуса, формирование региональной элиты.

Business Elite within Corps of Governors: Biographical Analysis

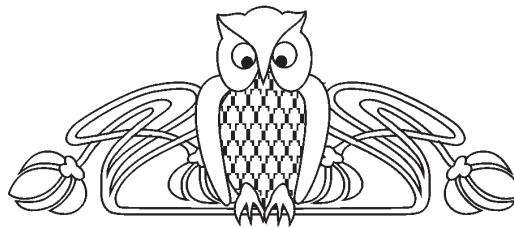
D. V. Poponov

The role of economical connections in recruiting governors in modern Russia is investigated in this article with the help of biographical analysis. Besides, author considers influence of such connections on governors' role and functional features, models of political careers of financial-economical sector's members.

Key words: governors, business elite, recruiting governors, region elite's formation.

Процессы формирования и обновления губернаторского корпуса в постсоветский период традиционно являются объектом пристального внимания научного и экспертного сообщества. Это обусловлено, с одной стороны, стратегически важными позициями, которые главы регионов занимают в региональном политическом пространстве, а с другой стороны – наличием в региональной элитной структуре комплекса проблем, связанных с особенностями современного социального, экономического, политического развития, незавершенностью модернизационных процессов в различных сферах общественной жизни, определяющих направленность, характер и формат отечественного элитогенеза. В частности, открытым остается вопрос о создании эффективной системы регионального элитообразования, формировании адекватной социально-экономическому контексту элитной структуры с четкими функциональными характеристиками. Эти моменты актуализируют интерес к проблемам происхождения современного губернаторского корпуса, каналам его рекрутирования, факторам, оказывающим влияние на его развитие и функционирование.

В современной элитологической литературе экономическая сфера и экономические институты рассматриваются в качестве основных каналов

рекрутирования всей политической элиты региона, и губернаторского корпуса в частности. Эта тенденция фиксируется многочисленными социологическими исследованиями¹. Так, известный российский политолог и элитолог О. Гаман-Голутвина отмечает, что продвижение в политику по каналам бизнес-структур в 2000–2004 гг. обрело статус второго по значению (после административной карьеры) пути на региональный политический олимп. Эту тенденцию, по ее словам, можно рассматривать как свидетельство формирования в России на региональном уровне механизмов горизонтальной проницаемости каналов рекрутирования элит².

Представитель ростовской школы элитологии А. Старостин отмечает, что наиболее распространенной схемой рекрутирования современной региональной элиты стала циркуляция в рамках треугольника «бизнес-элита – политическая элита – административная элита». По его мнению, это объективная тенденция, так как в условиях масштабного социального и экономического слома, который Россия пережила в 1990-е гг., экономические группы, наряду с бюрократией, оказались более устойчивыми и адаптивными, в отличие от других социальных групп и слоев.³

В рамках данного исследования мы не ставим перед собой задачи детального анализа всех аспектов проявления экономических факторов в процессах рекрутирования и ротации губернаторского корпуса, причин и последствий проникновения деловых кругов в высшие эшелоны региональной власти, моделей взаимодействия глав регионов и бизнес-структур. Настоящая работа – попытка с позиций биографического анализа оценить роль экономических каналов в губернаторской карьере, рассмотреть характер и продолжительность деятельности будущих руководителей регионов в экономическом секторе, ее влияние на ролевые и функциональные характеристики глав регионов.

Всего в ходе исследования были проанализированы биографии 196 глав регионов⁴, занявших свои должности в ходе выборов в 1990–2000-е гг. и в результате назначений после отмены электро-альных процедур в 2004 г.⁵. Подробно изучались биографии 80 региональных руководителей, карьера которых на разных этапах была связана со структурами финансово-экономического сектора.

На основе биографического анализа можно выделить две основные модели продвижения представителей финансово-экономического сектора к вершине региональной политической иерархии:

1) *экономическая модель*, предполагающая «прямое» вхождение в состав губернаторского корпуса, то есть избрание или назначение на должность главы региона производственников и представителей деловых кругов. Ярким примером стала победа на губернаторских выборах бизнесменов К. Илюмжинова (Республика Калмыкия, 1993 г.), С. Дарькина (Приморский край, 2001 г.) и М. Кузнецова (Псковская область, 2004 г.), топ-менеджеров крупных корпораций А. Хлопонина (Таймырский АО, 2001 г.) и Б. Золотарева (Эвенкийский АО, 2001 г.), олигарха Р. Абрамовича (Чукотский АО, 2000 г.). В общей совокупности субъектов Федерации, в которых в 1993–2004 гг. в результате выборов сменились главы, эта модель рекрутирования была реализована в среднем в каждом шестом регионе. Не потеряла своей актуальности эта стратегия

инкорпорации в состав губернаторского корпуса и после изменения в 2004 г. принципов его формирования – почти каждый пятый назначенный президентом В. Путиным глава региона был производственником или представителем крупной корпорации. В частности, хорошо вписывается в этот формат назначение в 2007 г. губернатором Самарской области главы принадлежащего «Рособоронэкспорту» АвтоВАЗа В. Артякова. В 2005 г. Иркутскую область возглавил вице-президент ОАО «Российские железные дороги» А. Тишанин, а во главе Саратовской области встал директор Балаковской атомной станции П. Ипатов;

2) *экономико-административная* или *экономико-политическая модель*, которая характеризуется инкорпорацией представителей финансово-экономического сектора в губернаторский корпус посредством парламентской деятельности, работы в структурах исполнительной власти и органах местного самоуправления. Политико-административный этап карьеры будущих глав регионов, как правило, сочетал работу в различных институтах (табл. 1).

Таблица 1

Институты «политической социализации» представителей финансово-экономического сектора перед назначением / избранием на должность главы региона (в % от общего числа губернаторов-новичков, имеющих до избрания / назначения опыт деятельности в финансово-экономическом секторе)

Институты «политической социализации»	Первые выборы	Вторые выборы	Третьи выборы	Назначенцы Путина	Назначенцы Медведева
Палаты Федерального собрания РФ	19,2	28,6	33,3	25,0	40,0
Региональные легислатуры	34,1	35,7	44,4	37,5	13,3
Органы местного самоуправления	26,9	21,4	11,1	25,0	13,3
Региональные органы исполнительной власти	11,5	14,3	11,1	43,8	53,3
Федеральные органы исполнительной власти	3,8	–	22,2	6,3	20,0

Как видно из таблицы, самой распространенной сферой «политической социализации» для бизнесменов и производственников стала парламентская деятельность. Будущие главы регионов перед избранием / назначением на должность руководителя субъекта Федерации в течение определенного времени исполняли депутатские полномочия на региональном или федеральном уровне. Особенно следует выделить роль Государственной думы в этом процессе – именно нижняя палата федерального парламента стала «стартовой площадкой» на региональный политический олимп для многих представителей финансово-экономического сектора. в числе которых Р. Абрамович (в 2000–2008 гг. губернатор Чукотского АО), Н. Денин (с 2007 г. губернатор Брянской области), И. Есиповский (в 2008–2009 гг. губернатор Иркутской области), В. Зимин (с 2009 г. председатель правительства Республики Хакасия), О. Ковалев (с 2008 г. губернатор Рязанской об-

ласти), М. Кузнецов (в 2004–2009 гг. губернатор Псковской области), А. Ткачëв (с 2000 г. губернатор Краснодарского края) и др.

Значимым институтом политической социализации для представителей финансово-экономического сектора стали муниципальные органы власти. Опыт управления городским хозяйством перед избранием / назначением на должность главы региона в свое время освоили производственник В. Позгалев (с 1996 г. губернатор Вологодской области), предприниматели Ю. Трутнев (в 2000–2004 гг. губернатор Пермской области), М. Юревич (с 2010 г. губернатор Челябинской области), менеджеры О. Бударгин (в 2003–2007 гг. губернатор Таймырского АО), Д. Кобылкин (с 2010 г. губернатор Ямало-Ненецкого АО).

Переход к системе назначения глав регионов актуализировал деятельность в административных структурах в карьерных стратегиях представителей финансово-экономического сектора. Инкорпорация бизнесменов и производственни-

ков в структуры региональной исполнительной власти, где они, как правило, курируют сферу промышленности, предпринимательства, торговли и инвестиций, становится базовой моделью карьеры для В. Наговицына (с 2007 г. президент Республики Бурятия), Л. Кузнецова (с 2010 г. губернатор Красноярского края), А. Бровка (с 2009 г. губернатор Волгоградской области), И. Федорова (с 2009 г. губернатор Ненецкого АО), В. Гайзера (с 2010 г. глава Республики Коми).

В ряде случаев назначение представителей деловых кругов на административные посты в субъектах Федерации происходило накануне

окончания полномочий действующего главы региона или его отставки. Этот процесс не получил массового характера, однако фиксация пока единичных случаев позволяет говорить о появлении новых тенденций в обновлении современного губернаторского корпуса.

В целом в постсоветский период можно отметить достаточно высокие показатели представительства деловых кругов в составе губернаторского корпуса – более 40% его новобранцев по итогам нового цикла выборов или назначений имели опыт работы на производстве или занимались бизнесом (табл. 2).

Таблица 2

Представители финансово-экономического сектора в составе губернаторского корпуса

Представители финансово-экономического сектора	Первые выборы	Вторые выборы	Третьи выборы	Назначенцы Путина	Назначенцы Медведева
Всего (в % от общего числа губернаторов-новичков)	49,1	42,4	40,9	57,1	48,4
в том числе:					
«Хозяйственники»	53,8	28,6	11,1	12,5	20,0
«Менеджеры»	38,5	50,0	66,7	62,5	53,3
«Бизнесмены»	7,7	21,4	22,2	25,0	26,7

Самый высокий показатель представительства (свыше 57%) приходится на период путинских назначений. Это может быть связано как с инерционностью процессов обновления губернаторского корпуса на основе выборных механизмов, что актуализировало после их отмены поиск новых источников кадров, так и с новой функциональной ролью экономического сектора в политической системе. Однако говорить о кардинальной смене приоритетов в рекрутировании корпуса глав регионов в связи с увеличением в их составе доли представителей деловых кругов пока преждевременно, учитывая неоднородность этой прослойки и неструктурированность современной кадровой политики.

Данные таблицы также позволяют сделать вывод о том, что приход к власти в регионах представителей деловых кругов нельзя рассматривать как единую тенденцию. В результате анализа биографий глав регионов, имеющих опыт работы в структурах финансово-экономического сектора, можно выделить три карьерные модели руководителей.

«Хозяйственник». В эту группу можно объединить глав регионов, имевших до избрания / назначения на эту должность богатый опыт деятельности в структурах производственного или экономического сектора, многим из которых в результате удалось возглавить крупные производственные объединения. Отличительная черта этой карьерной модели – «замкнутость» на одну производственно-экономическую сферу. В 1990-е гг. среди представителей этой группы преобладали руководители структур аграрного сектора (М. Лапшин, В. Стародубцев), некоторые

из них имели опыт партийной работы (А. Ковлягин, О. Королев, В. Муха). Для промышленников характерна монотонная карьера на производстве (В. Позгалева, Н. Максютя, Л. Горбенко) с последующей исполкомовской деятельностью (Э. Россель, И. Складов, Б. Говорин). В 2000-е гг. коллективный портрет «хозяйственника» не претерпел существенного изменения, определенные коррективы в него внес возрастной фактор (А. Ткачев, Н. Денин, В. Наговицын, С. Митин). В целом представительство «хозяйственников» снижается в составе губернаторского корпуса. Если по итогам первого цикла губернаторских выборов к этой группе можно было отнести каждого второго представителя деловой элиты, занявшего кресло главы региона, то в период назначений их доля в среднем не превышает 16–17%.

«Менеджер». Самая многочисленная группа представителей деловых кругов, занявших губернаторские кресла в 1990–2000-е гг. Для этой модели карьеры характерна административно-управленческая деятельность в финансово-экономическом секторе, которая при этом не замыкается на одной производственной структуре и не связана с карьерным ростом только в рамках одного предприятия. Наиболее яркими представителями данного типа карьеры являются А. Хлопонин, Б. Золотарев, А. Баринин, Д. Зеленин. Представительство «менеджеров» в составе губернаторского корпуса демонстрирует уверенный рост с 38,5% по итогам первого избирательного цикла до 62–66% в 2000-е гг. При этом серьезно меняется структура представительства. В настоящее время среди глав регионов уверенно растет доля тех, кто до назначения на высший руководящий пост

в субъекте Федерации имел опыт административно-управленческой деятельности в крупных государственных корпорациях (А. Тишанин, А. Мишарин, В. Артяков, И. Есиповский, П. Ипатов и др.). Эта группа «менеджеров» сегодня явно преобладает над бывшими управленцами из организаций горнодобывающей и металлургической промышленности (Л. Кузнецов, А. Бровка), которые практически в массовом порядке побеждали на губернаторских выборах 1990–2000-х гг. Также среди назначенцев растет представительство менеджеров из банковского сектора и финансовых институтов (В. Гайзер, В. Якушев).

«Бизнесмен». Эта группа объединяет глав регионов, которые до избрания / назначения на должность занимались бизнесом и предпринимательской деятельностью. Политическая активность бизнесменов была сравнительно невысокой на всем протяжении постсоветского периода, но тенденция к росту представительства в губернаторском корпусе просматривается весьма отчетливо – с 7,7% по итогам первого электорального

цикла до 25–26% в настоящее время. С точки зрения своего состава это весьма однородная группа: ее члены относительно молоды (поколение 1960-х гг.), активно принимали участие в кооперативном движении и представляли, как правило, региональное бизнес-сообщество (С. Дарькин, М. Кузнецов, М. Юревич). Лишь немногие «бизнесмены» имели в позднесоветский период опыт комсомольской (Ю. Трутнев, О. Чиркунов) или партийной работы (А. Хорошавин).

Еще один исследовательский ракурс связан с анализом того эффекта, который экономические каналы рекрутирования способны в перспективе вызвать в губернаторском корпусе. Прежде всего обращает на себя внимание динамика возрастных характеристик. Экономическая «прослойка» регионального руководства за период с середины 1990-х гг. по настоящее время помолодела почти на пять лет. Средний возраст глав регионов, имевших до назначения на эту должность опыт работы в финансово-экономической сфере, составляет сегодня 45–46 лет (табл. 3).

Таблица 3

Возрастные характеристики представителей финансово-экономического сектора в составе губернаторского корпуса (в %)

Средний возраст и возрастные группы	Первые выборы	Вторые выборы	Третьи выборы	Назначенцы Путина	Назначенцы Медведева
Средний возраст	50,3	46,1	47,2	47,5	45,5
31–40	11,5	28,6	22,2	18,8	20,0
41–50	42,3	50,0	44,5	43,7	60,0
51–60	42,3	14,3	22,2	37,5	20,0
61 и старше	3,9	7,1	11,1	–	–

Примечательно, что поколенческие сдвиги в этой группе губернаторского корпуса стали наблюдаться уже в ходе второго электорального цикла, по итогам которого почти в три раза возросла доля представителей финансово-экономического сектора в возрасте до 40 лет, а доля лиц старше 50 лет сократилась почти в четыре раза. Некоторое изменение пропорций в представительстве различных возрастных групп деловых кругов, которое наблюдается в период президентства В. Путина, связано исключительно с инерционностью кадровой политики при назначении региональных лидеров, ориентированной в большей степени не на обновление губернаторского корпуса, а на легитимацию действующих всенародно избранных руководителей в новых

институциональных условиях. Предварительные результаты президентства Д. Медведева позволяют констатировать полное восстановление нарушенного баланса.

Важным критерием анализа выступает связь с регионом представителей финансово-экономического сектора в составе губернаторского корпуса. Образ губернатора-«варяга» с функциями «антикризисного менеджера» достаточно прочно закрепился в массовом сознании как проявление влияния экономического фактора в процессах регионального элитообразования. Однако значимую роль эта тенденция играла лишь в ходе первой волны назначений на должности глав регионов во второй срок президентства В. Путина (табл. 6).

Таблица 4

Связь с регионом представителей финансово-экономического сектора в составе губернаторского корпуса (в % от общего числа губернаторов-новичков, имеющих до избрания / назначения опыт деятельности в финансово-экономическом секторе)

Связь с регионом	Первые выборы	Вторые выборы	Третьи выборы	Назначенцы Путина	Назначенцы Медведева
По рождению	38,5	64,3	55,6	18,8	40,0
В процессе деятельности	61,5	21,4	33,3	37,5	40,0
Отсутствует	–	14,3	11,1	43,7	20,0

Как видно из таблицы, более 40% назначенных В. Путиным губернаторов, имеющих опыт работы в финансово-экономическом секторе, не имели никакого или почти никакого отношения к регионам, которые возглавили. К этой группе можно причислить еще несколько новых региональных лидеров, которые имели перед назначением непродолжительную связь с доверенной им в управление территорией в процессе своей деятельности или по рождению, а потому тоже не встроенные в существующую там элитную структуру. Предварительные итоги губернаторских назначений Д. Медведевым пока не позволяют фиксировать устойчивого развития этой тенденции. Не представляется возможным и четко определить функциональность и эффективность этой кадровой техно-

логии, поскольку «антикризисные менеджеры» заняли губернаторские кресла сравнительно недавно и в процессе своей деятельности не дали серьезных поводов федеральной власти для их замены.

Значимым критерием для анализа являются образовательные характеристики финансово-экономической «прослойки» губернаторского корпуса. Уровень образования глав регионов, имевших в прошлом опыт работы в финансово-экономической сфере, дает возможность фиксировать две тенденции. Во-первых, уверенно растет доля лиц, имеющих ученую степень, в основном доктора наук. Во-вторых, не утрачивает своей актуальности процесс повышения своего образовательного уровня за счет получения дополнительного диплома (табл. 5).

Таблица 5

Уровень и характер образования представителей финансово-экономического сектора в составе губернаторского корпуса (в % от общего числа губернаторов-новичков, имеющих до избрания / назначения опыт деятельности в финансово-экономическом секторе)

Критерии	Первые выборы	Вторые выборы	Третьи выборы	Назначенцы Путина	Назначенцы Медведева
Высшее образование, в том числе	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
техническое	61,5	64,4	88,9	50,0	73,3
сельскохозяйственное	26,9	14,3	—	—	—
экономическое	7,8	7,1	—	31,3	26,4
юридическое	3,8	7,1	11,1	12,5	—
другое	—	7,1	—	6,2	—
Второе (третье) высшее образование, в том числе	42,3	57,1	22,2	37,5	53,3
экономическое	36,4	50,0	—	66,6	62,5
юридическое	—	12,5	—	16,7	25,0
партийно-политическое и ГМУ	63,3	25,0	50,0	16,7	12,5
техническое	—	—	50,0	—	—
гуманитарное	—	12,5	—	—	—
Ученая степень, в том числе	11,5	21,4	33,3	56,3	53,3
доктора наук	—	—	33,3	11,1	62,5

Обозначенные выше тенденции в целом соответствуют базовым направлениям развития современного губернаторского корпуса в России, что в очередной раз подтверждает актуальность и значимость экономических каналов в процессах его формирования. В условиях ограниченности источников и несовершенства механизмов рекрутирования губернаторов именно экономическая сфера и экономические институты стали той площадкой, где будущие региональные лидеры нарабатывали свой экономический, социальный и культурный капитал, впоследствии конвертируя его в капитал политический и административный. С этой точки зрения отчетливо просматривается инновационный потенциал данной модели губернаторской карьеры на фоне монотонной и заорганизованной номенклатурной карьерной практики, способствующей не обновлению региональных элитных групп, а их воспроизводству.

В свою очередь, внутренняя неоднородность экономической «прослойки» губернаторского корпуса, обусловленная происхождением ее представителей и сферой их деятельности, добавила динамизма и неопределенности в эти процессы, формируя различные функциональные образы глав регионов на основе многообразных репрезентационных практик. Эти моменты, безусловно, оживили процессы регионального элитогенеза, но актуализировали вопросы об их перспективе и эффективности.

Примечания

¹ См., например: Латина Н. Ю., Чирикова А. Е. Новые тенденции в развитии региональной власти // Элитизм в России: «за» и «против». Пермь, 2002. С.167–182 ; Латина Н. Ю. Черты к портрету российской региональной элиты // Властные элиты современной России в процессе политической трансформации. Ростов н/Д,

2004. С. 268–279; Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 78–84.

- ² См.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 382. См. также: Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина. М., 2004.

³ См.: Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003.

⁴ Биографические данные о главах регионов получены из открытых источников.

⁵ Здесь и далее представлены данные о назначении глав регионов по состоянию на 01.08.2010 года.

УДК 32: 316.485 (470.620)

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. И. Кольба

Кубанский государственный университет
E-mail: alivka2000@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты управления конфликтами в отношениях власти и гражданского общества. Анализируется конфликт регионального уровня, возникший при попытке возвращения исторического имени городу Краснодару.

Ключевые слова: гражданское общество, власть, управление конфликтом.

Conflict Management in the Relations of Government and Civil Society at the Regional Level

A. I. Kolba

In the article the theoretical aspects of conflict management in power relations and of civil society is considering. We analyze regional conflict that arose when trying to return to the historical name of the city of Krasnodar.

Key words: civil society, government, management of conflict.

Вопросам развития гражданского общества и его взаимодействия с властными структурами в российской политической науке уделяется немало внимания. В его фокусе зачастую оказываются и конфликты, происходящие в системе этих отношений. В то же время управление ими на практике зачастую остается неэффективным. Данная работа посвящена анализу теоретических аспектов названной проблемы, а также конкретной конфликтной ситуации, возникшей при попытке возвращения городу Краснодару его исторического имени.

Значение гражданского общества в системе политико-конфликтных отношений, сложность и в то же время значимость его взаимодействия с властными структурами с точки зрения общественного развития исследовал один из основоположников современной теории конфликта Р. Дарендорф. Он отмечал, что «гражданские общества,

может быть, единственный источник эффективной оппозиции авторитарной и тоталитарной власти». В условиях демократического режима от слишком тесного союза с властями его всегда предохраняют разнообразные автономные инстанции. Но оно и не стоит в оппозиции к государству. Государство оставляет в покое обширные сферы жизни людей, так что они развиваются не благодаря и не вопреки его институтам¹.

Рассматривая гражданское общество как необходимый элемент существования демократии и достижения стабильности путем регулирования конфликтов, Дарендорф подчеркивает его значение для осуществления необходимых социальных изменений. В процессе дискуссий и конфликтов, протекающих в этой среде, появляется возможность «идентифицировать основной состав норм и правил», регламентирующих функционирование политических и рыночных структур, что приводит к обновлению «общественного договора» – основ всей общественной жизни. Под воздействием конфликтов трансформируются и социальные институты². Таким образом, конфликты, развивающиеся в среде гражданского общества и в его взаимодействии с государством, представляются инструментом и катализатором позитивных преобразований.

Подчеркивая, что подавление конфликтов не только аморально, но и неэффективно, что попытки «отменить» конфликты, в корне ликвидировать противоречия обманчивы, Дарендорф формулирует условия, при которых регулирование конфликтов будет успешным. Стороны должны признать неизбежность и оправданность конфликтов, их творческий потенциал. Поэтому вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений без намерения устранить

2004. С. 268–279; Крыштановская О. В. Формирование региональной элиты: принципы и механизмы // Социс. 2003. № 11. С. 78–84.

² См.: Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 382. См. также: Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина. М., 2004.

³ См.: Старостин А. М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов н/Д, 2003.

⁴ Биографические данные о главах регионов получены из открытых источников.

⁵ Здесь и далее представлены данные о назначении глав регионов по состоянию на 01.08.2010 года.

УДК 32: 316.485 (470.620)

УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТАМИ В СИСТЕМЕ ОТНОШЕНИЙ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

А. И. Кольба

Кубанский государственный университет
E-mail: alivka2000@mail.ru

В статье рассматриваются теоретические аспекты управления конфликтами в отношениях власти и гражданского общества. Анализируется конфликт регионального уровня, возникший при попытке возвращения исторического имени городу Краснодару.

Ключевые слова: гражданское общество, власть, управление конфликтом.

Conflict Management in the Relations of Government and Civil Society at the Regional Level

A. I. Kolba

In the article the theoretical aspects of conflict management in power relations and of civil society is considering. We analyze regional conflict that arose when trying to return to the historical name of the city of Krasnodar.

Key words: civil society, government, management of conflict.

Вопросам развития гражданского общества и его взаимодействия с властными структурами в российской политической науке уделяется немало внимания. В его фокусе зачастую оказываются и конфликты, происходящие в системе этих отношений. В то же время управление ими на практике зачастую остается неэффективным. Данная работа посвящена анализу теоретических аспектов названной проблемы, а также конкретной конфликтной ситуации, возникшей при попытке возвращения городу Краснодару его исторического имени.

Значение гражданского общества в системе политико-конфликтных отношений, сложность и в то же время значимость его взаимодействия с властными структурами с точки зрения общественного развития исследовал один из основоположников современной теории конфликта Р. Дарендорф. Он отмечал, что «гражданские общества,

может быть, единственный источник эффективной оппозиции авторитарной и тоталитарной власти». В условиях демократического режима от слишком тесного союза с властями его всегда предохраняют разнообразные автономные инстанции. Но оно и не стоит в оппозиции к государству. Государство оставляет в покое обширные сферы жизни людей, так что они развиваются не благодаря и не вопреки его институтам¹.

Рассматривая гражданское общество как необходимый элемент существования демократии и достижения стабильности путем регулирования конфликтов, Дарендорф подчеркивает его значение для осуществления необходимых социальных изменений. В процессе дискуссий и конфликтов, протекающих в этой среде, появляется возможность «идентифицировать основной состав норм и правил», регламентирующих функционирование политических и рыночных структур, что приводит к обновлению «общественного договора» – основ всей общественной жизни. Под воздействием конфликтов трансформируются и социальные институты². Таким образом, конфликты, развивающиеся в среде гражданского общества и в его взаимодействии с государством, представляются инструментом и катализатором позитивных преобразований.

Подчеркивая, что подавление конфликтов не только аморально, но и неэффективно, что попытки «отменить» конфликты, в корне ликвидировать противоречия обманчивы, Дарендорф формулирует условия, при которых регулирование конфликтов будет успешным. Стороны должны признать неизбежность и оправданность конфликтов, их творческий потенциал. Поэтому вмешательство в конфликты должно ограничиваться регулированием их проявлений без намерения устранить

причины. Участники должны согласиться на определенные правила конфликтного поведения, тогда регулируемый конфликт станет в известной степени смягченным и будет протекать в формах, совместимых с непрерывно изменяющейся социальной структурой³.

Большое внимание Дарендорф уделяет также проблеме институционализации социального порядка, в том числе и конфликтных отношений: «Институты – это инструменты совершенствования; лучшие из них претворяют устремления открытого общества в реальность, это делают, например, институты демократии, позволяющие нам выбирать тех, кто нами правит, и, что еще важнее, освобождать их от постов, когда мы чувствуем, что они сбились с пути. Гражданское общество – источник жизненной силы для свободы; его творческий хаос дает людям шанс жить, не стоя с протянутой рукой перед государством или иными силами»⁴. Мысля в рамках либеральной парадигмы, он видит в конфликтах, которые присущи демократии, и средство ее защиты, и инструмент развития общества. Институты регулируют конфликты; в ходе конфликтов происходит трансформация институтов, оформление новых версий общественного договора. В этом заключается сущность взглядов Дарендорфа на проблему социального конфликта и определение его роли в общественной жизни: «Конфликт является великим стимулом перемен, и нашей задачей в мире, в котором перемены представляют собой единственную надежду, должно быть обуздание конфликта с помощью правил, посредством конституции свободы»⁵. Конфликт, демократия и гражданское общество в его представлениях тесно увязаны.

Как считает А. В. Глухова, современное открытое общество тем и сильно, что оно способно поддерживать политическую активность населения постоянно, поскольку внутри его происходит своего рода перманентная революция, придающая динамизм его развитию. Институциональное строение такого общества удерживает в равновесии многочисленное социальное взаимодействие, обеспечивая, с одной стороны, высокие темпы экономического роста, а с другой – предотвращая неконтролируемые выбросы социальной энергии в форме политических потрясений. Движущим механизмом их развития является институционализированный политический конфликт, опирающийся на согласие с «правилами игры». В закрытых и полужакрытых обществах динамика политической активности имеет циклический характер. В периоды «замерзания» активности масс политика зачастую вытесняется политическими технологиями, набором разнообразных методик достижения целей за счет манипуляции массовым сознанием при помощи СМИ и использования административного ресурса для навязывания обществу решений в интересах определенной социальной группы. При этом в обществах накапливаются

противоречия, способные создать высокую степень риска их внезапной и неконтролируемой дестабилизации⁶.

Решение задач по конструктивному развитию политических конфликтов в условиях демократического режима достигается институционализацией политических конфликтов одновременно на уровне правового государства и на уровне гражданского общества. Основная задача государства состоит в создании механизмов максимально возможного недопущения обращения сторон к насилию и, соответственно, стимулировании к социальным инновациям и переменам мирными средствами. Если отсутствует институционализация конфликтов на уровне гражданского общества, то любой частный конфликт сразу же возводится в ранг общегосударственного, хотя возможности государства часто ограничены отсутствием адекватных средств. Только зрелое гражданское общество, представленное многочисленными группами интересов, партийно-политической инфраструктурой, агрегирующей эти интересы, может принять на себя миссию «облагораживания» политических конфликтов. Это возможно лишь в том случае, когда частный интерес поднимается до уровня осознания своей причастности к публичному интересу, появляются гражданская ответственность и гражданский долг⁷.

Как отмечают В. Н. Якимец и Л. И. Никовская⁸, между гражданским обществом и государством имманентно присутствует протоконфликт (потенциальный конфликт, основанный на постоянно существующих противоречиях), который является необходимым условием для обеспечения реальной возможности граждан и их объединений контролировать действия правящей государственной элиты и влиять посредством своей гражданской экспертизы на функционирование государственной вертикали власти. В этой системе взаимодействия внутренняя конфликтность должна быть встроена в качестве генеральной социально-конструктивной силы всей общественной жизни. С ее помощью блокируется стремление государства (а точнее – сил, которые монополизируют государство) свести многомерность и поливариантность целостного социума к одному – политическому – измерению, уничтожить разнообразие социальных структур и институтов, деперсонализировать личность.

Таким образом, структуры и институты гражданского общества присутствуют во всех сферах, где находят свое отражение те или иные общественные интересы. Природа гражданского общества способствует реализации прав и свобод граждан в формах, которые устраивают прежде всего самих граждан. Конфликтные отношения заложены в природе гражданского общества, так как интересы различных групп и объединений граждан зачастую не совпадают ни друг с другом, ни с интересами властных структур. В то же время при определенной степени зрелости его институ-

тов эта конфликтность находит свое выражение в приемлемых методах и формах взаимодействия, не становится деструктивной и в таком виде представляет один из важных источников общественного развития.

По мнению А. А. Вилкова, государство и гражданское общество не просто взаимосвязаны, но неизбежно функционально дополняют друг друга. Обусловлено это тем, что гражданское общество отражает объективную общественную потребность в самоорганизации, а государство – объективную потребность в управлении⁹. Исходя из этого управление конфликтами в системе отношений органов власти и гражданского общества должно строиться на основе общих принципов регулирования конфликтных отношений. Необходимо обеспечивать свободное проявление конфликтности, вынесенные в сферу общественных дискуссий всех спорных вопросов и противоречий. Основная цель управления заключается в том, чтобы обеспечить обществу динамическую стабильность, то есть сочетание незыблемости основных принципов его функционирования и подвижности, изменчивости отдельных сфер. В современном глобализирующемся обществе государство не может надеяться на обеспечение социального порядка в длительной перспективе, опираясь на жесткие методы контроля и прямого регулирования общественных отношений. В своей работе властные органы должны учитывать деятельность наднациональных структур, наличие признанных мировым сообществом норм и ограничений. Возможность широкого и почти беспрепятственного распространения информации через новые коммуникационные сети обуславливает необходимость поддерживать диалог с различными общественными силами и создавать на его основе проблемные сети.

Развитие конфликтов между властными и общественными структурами в современной России имеет противоречивый характер. Гражданскому обществу удалось доказать свою значимость, и различные его структуры становятся активным участником решения наиболее актуальных и спорных вопросов. Но при этом не удается добиться необходимого баланса конфликта и сотрудничества между этими контрагентами. Гражданские организации либо находятся под контролем государства и фактически исполняют роль «приводных ремней» в реализации тех или иных его инициатив, либо жестко оппозируют и превращаются в протестные движения. Этим объясняется недостаток конструктивности в их взаимодействии. Зачастую проявления деятельности гражданского общества воспринимаются властными структурами как досадная помеха, ограничение, которые надо обойти тем или иным путем. Недостаточно развита и культура конфликтных отношений, которые часто превращаются в силовое противостояние. В случаях когда затрагиваются жизненно важные интересы

или ценности значительной части общества, это способно привести к возникновению острых конфликтов. И если на федеральном уровне подобные противоречия, как правило, сглаживаются в силу практически неизбежного попадания любого значимого конфликта в центр общественного внимания и публичного обсуждения, что требует более взвешенной реакции органов власти, то в регионах России проблемы конфликтного взаимодействия проявляются более явно.

В качестве примера хотелось бы проанализировать ситуацию, сложившуюся в отношениях властных структур и гражданского общества по вопросу возможного возвращения исторического имени городу Краснодару (прежде – Екатеринодару). Эта идея возникла еще в начале 1990-х гг. В 1993 г. по этому поводу в городе был проведен референдум, однако тогда его жители не поддержали переименования. После этого данный вопрос долгое время не поднимался. Однако во второй половине 2000-х гг. он вновь актуализировался по инициативе руководителей края и краевого центра при поддержке некоторых общественных организаций и общественных деятелей.

После восстановления памятника покровительнице города Екатерине Второй губернатор Кубани А. Н. Ткачѳв заявил: «Те наши предки, которые переименовали Екатеринодар в Краснодар, не имели на это никакого морального права». По словам главы администрации Краснодарского края, этот вопрос должны были решать все жители краевого центра¹⁰. Вскоре аналогичное заявление сделал и глава города В. Л. Евланов: «Мы видим, как в последние годы возрождается наш город, казачество, Кубань и Краснодар. Восстанавливаются храмы и памятники, возвращены регалии Кубанского казачьего войска. Уверен, вскоре и наш любимый город вернет себе славное и гордое имя – Екатеринодар».

За переименование города высказались известные в крае деятели. Депутат законодательного собрания Краснодарского края, бывший атаман Кубанского казачьего войска В. П. Громов напомнил, что казаки поднимали вопрос о возвращении Краснодару исторического названия Екатеринодар еще в 1990 г. Однако, по его словам, переименование не является простым делом. «Мы живем в новых условиях, и по одной только инициативе властей переименовать город нельзя, в любом случае, если губернатор с подобной инициативой выступит, будет проводиться референдум. А вот итоги референдума будут зависеть от того, какая работа будет проведена среди населения, убедят ли народ в том, насколько важно вернуть городу историческое название»¹¹. За переименование высказался митрополит Исидор, хотя его высказывание было ближе к нейтральному: «Историческое название столицы Кубани – Екатеринодар. Оно идет от самих истоков его основания. Хотя понимаю и тех молодых людей, которые родились и выросли в Краснодаре»¹².

Однако раздавались голоса и против инициативы о переименовании. В частности, таким образом высказался известный кубанский писатель В. И. Лихонос: «Если будет референдум, и его результаты не подделают, то народ проголосует против. К сожалению, наш народ переродился. Он давно не чувствует свою историю. И когда губернатор идет впереди, то это радостно, с одной стороны, с другой стороны – печально. Народ этого не поймет»¹³.

Обсуждался и вопрос о механизмах возможного переименования. Как заявил политолог М. В. Савва, с правовой точки зрения он представляется ясным: «Референдум по вопросу возвращения Краснодару исторического названия уже проводился в городе в 1993 году, тогда краснодарцы не поддержали идею переименования краевого центра. Согласно закону, повторно выносить этот вопрос на референдум можно не ранее чем через 10 лет, однако с того момента прошло уже 15 лет, так что, если глава Кубани выступит с инициативой переименования города, все будет в рамках закона»¹⁴.

Представители городских властей также делали акцент на праве горожан высказаться по данному вопросу. В. Л. Евланов заявил: «Решение о переименовании города должны принять сами краснодарцы, а не власть»¹⁵. Председатель городской думы Н. С. Котляров разъяснил, что речь идет об использовании механизмов выяснения общественного мнения. Планировалось провести социологический опрос населения, по результатам которого решить, поднимать этот вопрос на референдуме или нет¹⁶. Однако информация о проведении такого опроса и его результатах не была опубликована.

Между тем результаты опросов, проводимых СМИ, показывали, что большинство жителей города против переименования. Так, интерактивный опрос интернет-портала «Юга Ру» дал следующие результаты: было опрошено 444 респондента, при этом лишь 57 трактовали возвращение исторического имени как восстановление справедливости, большинство же (57,5%) высказалось по поводу переименования достаточно негативно. Приводились основные доводы: «высокозатратность», «наличие более проблемных вопросов», «неблагозвучие» и др.¹⁷ Проведенный в ноябре 2008 г. опрос «Екатеринодар или Краснодар?»¹⁸ подтвердил негативные настроения горожан: всего было опрошено 2119 человек, большинство респондентов (1183) высказались однозначно против переименования.

По результатам ряда подобных опросов становилось понятно, что большинство краснодарцев вряд ли поддерживает инициативу краевых и городских властей. В городе начало складываться общественное движение против переименования, которое, в частности, воплотилось в созданной общественной организации «За Краснодар!». Она декларировала не только цели, связанные

с защитой нынешнего имени города, но и более широкие направления деятельности, связанные с участием в общественной жизни, защите гражданских прав и т. д.¹⁹

Организация с момента основания стала проявлять высокую общественную активность. Основными сферами ее деятельности стали:

- проведение общественно-политических мероприятий и акций по вопросу переименования города (митинги, пикеты и т. д.). Так, 21 декабря 2008 г. состоялся пикет, участники которого раздавали прохожим листовки с призывом не допустить переименования города. 21 февраля 2009 г. прошел митинг против возвращения Краснодару исторического имени²⁰ и т. д.;

- мониторинг действий властей и сообщений в прессе, связанных с возможным переименованием города;

- организация собственных интернет-ресурсов, с помощью которых освещались различные аспекты борьбы против переименования города, а также участие активистов в обсуждении данных вопросов на различных интернет-площадках. К примеру, «За Краснодар!» участвовала в интернет-дискуссиях, посвященных размещению на мусорных урнах краевого центра символики императрицы Екатерины Второй²¹;

- блокирование с другими организациями, находящимися в оппозиции к власти, прежде всего левопатриотической направленности (например, КППФ), а также с экологами, движением обманутых дольщиков.

Проанализировав деятельность органов власти на первом этапе кампании по переименованию, можно предположить, что вначале они планировали решить этот вопрос достаточно быстро, возможно, рассчитывая, что их инициатива не вызовет особого сопротивления. Однако протестные выступления по данной тематике заставили их скорректировать стратегию. Была принята целевая программа «Воссоздание исторических памятников Екатеринодара – Краснодара». Административными структурами активно проводились мероприятия, официально не привязанные к переименованию, но однозначно осуществляемые в рамках реализации данной идеи:

- восстановление памятника Екатерине II (точная копия монумента, разрушенного после революции);

- представление кандидатуры Екатерины II (Великой) в проекте «Имя Россия» на телеканале «Россия» губернатором Краснодарского края А. Ткачёвым при сопровождении широкомасштабной PR-кампании (ролики с призывом поддержать кандидатуру на центральных телевизионных каналах, публикации в ряде печатных СМИ, реклама на баннерах и лайтбоксах центральных улиц Краснодара);

- официальное празднование Дня святой великомученицы Екатерины – хранительницы и покровительницы кубанской столицы: ярмарки, концертные мероприятия и др.;

– в рамках празднования проведение в школах края обязательных уроков истории, включающих объединенную информацию о святой великомученице Екатерине и Екатерине II (Великой) и написание сочинений по данной тематике. Планы уроков и темы размещены на официальном сайте департамента образования и науки Краснодарского края;

– переименование сквера напротив Законодательного собрания края и прилегающей площади в Екатерининский сквер и площадь имени Екатерины Великой;

– восстановление Триумфальной арки. Изначально арка была построена в 1888 г. к приезду в г. Екатеринодар императора Александра III. В начале XX в. она была разрушена. Воссоздана по чертежам вдалеке от исторического месторасположения, что объясняется невозможностью размещения объекта в историческом месте в связи с его транспортной загруженностью;

– возведение памятника святой великомученице Екатерине;

– замена в исторической части города надомных табличек на двойные (вверху крупнее – современное наименование улицы, внизу мельче, старинным шрифтом – историческое название). Планировалась замена около 400 табличек на 11 исторических улицах (Мира / Екатерининская, Пушкина / Крепостная, Советская / Графская и др.).

Все вышеперечисленные мероприятия были сами по себе достаточно нейтральными, чтобы вызвать серьезный негативный отклик. В то же время вкуче они, несомненно, были призваны «подготовить» сознание горожан к принятию «исторически обоснованного решения»²². Данные мероприятия были реализованы в 2008–2010 гг., но в контексте дискуссий о переименовании значительная часть горожан рассматривала их как дорогостоящие составляющие PR-кампаний.

Большинство используемых властями в рамках продвижения проекта переименования коммуникативных практик, согласно традиционной классификации, относится к типу пропаганды и агитации. Использование данных практик содержит конфликтный потенциал, связанный с осознанием гражданами отсутствия возможности влияния и, по сути, игнорированием их мнения в отношении сложившейся ситуации. Для снижения конфликтности необходимо осуществление «субъект-субъектного» отношения, реализуемого во взаимно ориентированном, то есть предполагающем обратную связь, диалоговом режиме. Важно продвижение в обществе идей гражданской активности и участия, способствующих созданию условий для гражданского диалога, в том числе и направленных на решение наиболее острых конфликтогенных вопросов.

Конструктивным было бы проведение дискуссий, конференций, семинаров, объединяющих активистов из населения, представителей общественных организаций, СМИ, местных органов

власти для развития взаимопонимания и поиска решений, развития культуры диалога, поиска оптимальных альтернатив и повышения эффективности реализации принятых управленческих решений²³.

Однако полноценная дискуссия между органами власти и общественными организациями по данному вопросу так и не сложилась. За весь период его обсуждения практически не было случаев, чтобы представители властных структур и их оппоненты встретились «лицом к лицу». Чиновники в своих выступлениях не упоминали о существовании каких-либо общественных организаций, выражающих мнение горожан об этих проблемах. Дискуссия велась заочно, на страницах прессы (как правило, сторонники и противники переименования выступали в разных изданиях), интернет-форумах и т. д. В этих условиях движение «За Краснодар!» приобрело характер протестного. Круг интересующих его проблем постепенно расширился.

Так, движение вместе с рядом экологических организаций и КППРФ участвовало в акциях протеста против ведения строительства в Большом Утрише. В ходе их проведения собирались подписи под обращениями к Президенту РФ о запрете каких-либо строительных работ на территории заповедника²⁴. Активное участие организация принимает и в правозащитной деятельности, организуя (в сотрудничестве с другими общественными организациями) многочисленные акции и пикеты и распространяя информацию о них. Так, в 2011 г. были проведены пикеты около здания краевого ГУВД «против нарушения прав граждан сотрудниками следствия и дознания полиции», а также «произвола краевых властей»²⁵. Некоторые их участники были задержаны²⁶.

«За Краснодар!» принимает участие и в решении ряда других городских, краевых и общероссийских проблем. В администрацию Краснодара было подано заявление на имя мэра о том, что жители города начинают подготовку к митингу против уплотнительной застройки. К заявлению приложены 222 подписи жильцов²⁷. Движение также поддержало всероссийскую акцию в защиту свободы собраний «Стратегия-31», проведя 31 июля 2011 г. пикет с участием 30 человек²⁸. В целом общественная организация «За Краснодар!» перестала быть «движением одной проблемы» и можно ожидать, что ее деятельность будет продолжена, несмотря на то что вопрос о переименовании города отложен на неопределенное время.

В условиях преобладания негативного отношения граждан к переименованию, а также в связи с экономическим кризисом власти были вынуждены свернуть деятельность в данном направлении. Об этом заявили и глава города, и глава края. «Мнения по поводу возвращения городу исторического названия существуют

разные, даже диаметрально противоположные, поэтому считаю, что время для переименования еще не пришло», – сказал В. Л. Евланов²⁹.

Губернатор Кубани А. Н. Ткачëв, выступая на заседании городской думы Краснодара, заявил, что не будет агитировать жителей города принимать решение о переименовании г. Краснодара в Екатеринодар. «Это решение должно вызреть в умах людей. Скорее всего, его принимать не нам, а нашим детям или даже внукам», – считает губернатор. Он подчеркнул, что у каждого решения есть свои сторонники и противники, в этом, по его словам, и есть ценность современного общества. «Ломать мы никого не собираемся. У нас есть другие важные задачи, которые предстоит решить совместно с городом», – подчеркнул А. Н. Ткачëв³⁰.

Таким образом, по мере развития конфликта происходит структурирование и развитие гражданских организаций, участвующих в нем. Институционализировавшись как движение одной проблемы, организация «За Краснодар!» постепенно стала выходить за эти рамки. Протестный характер ее деятельности в определенной степени препятствует установлению диалоговых отношений с местными властями. Однако существенная часть ответственности за это лежит на них самих, так как власти стремятся принимать важные для граждан решения без учета их мнения, что ведет к формированию новых конфликтов, порождает скептическое отношение к их инициативам – общественность переносит свое внимание с того, что предлагается, на тех, кто предлагает. Фактически властные структуры, отказываясь от конструктивного управления конфликтом, создают в данном случае существенные ограничения для собственной деятельности.

Примечания

- 1 См.: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерки политики свободы. М., 2002. С. 38.
- 2 Там же. С. 45.
- 3 См.: Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 146.
- 4 Дарендорф Р. После 1989. Размышления о революции в Европе. М., 1998. С. 62.
- 5 Там же. С. 41.
- 6 См.: Глухова А. В. Позитивно-функциональная роль политического конфликта : возможности и ограничения // Материалы Всерос. научно-практ. симпозиума «Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России». М., 2011. С. 12–13.
- 7 См.: Димитров Д. Й. Государство и гражданское общество // Там же. С. 37.
- 8 Никовская Л. И., Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство : конфликты развития. URL: http://conflictolog1.narod.ru/docs/journal/1_04/nikovskaya_yakimec.htm (дата обращения: 15.10.2011).
- 9 См.: Вилков А. А. Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Социология. Политология, вып. 4. С. 64.
- 10 См.: Краснодар переименуют в Екатеринодар? URL: <http://www.nr2.ru/kavkaz/77776.html> (дата обращения: 15.10.2011).
- 11 Краснодар или Екатеринодар? URL: http://eawarn.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=119&Itemid=55 (дата обращения: 15.10.2011).
- 12 РПЦ агитирует молодежь за переименование Краснодара. URL: <http://www.krasnodarkr.ru/news/news104912.php> (дата обращения: 15.10.2011).
- 13 Виктор Лихоносов: «Если референдум состоится, народ проголосует против переименования Краснодара». URL: <http://club-rf.ru/r23/news/5691/> (дата обращения: 15.10.2011).
- 14 Эксперт: С точки зрения закона переименование Краснодара в Екатеринодар возможно. URL: <http://www.regnum.ru/news/979719.html> (дата обращения: 15.10.2011).
- 15 Вопрос о переименовании Краснодара должны решать его жители. URL: <http://www.glava.krd.ru/content/section/34/detail/460/> (дата обращения: 15.10.2011).
- 16 Виктор Лихоносов: «Если референдум состоится, народ проголосует против переименования Краснодара». URL: <http://club-rf.ru/r23/news/5691/> (дата обращения: 15.10.2011).
- 17 Возвращение столице Кубани имени Екатеринодар – это... URL: <http://www.yuga.ru/vote/?pollid=68> (дата обращения: 15.10.2011).
- 18 Екатеринодар или Краснодар? URL: <http://www.yuga.ru/vote/?pollid=74> (дата обращения: 15.10.2011).
- 19 См.: Устав Краснодарской Краевой Общественной Организации «ЗА Краснодар». URL: <http://zakrasnodar.ru/about/ystav> (дата обращения: 15.10.2011).
- 20 Краснодарцы против переименования города. URL: <http://www.r93.ru/news/277.html> (дата обращения: 15.10.2011).
- 21 См.: Ищите Екатеринодар в урне. Цена «екатеринизации» 3 млрд рублей? URL: <http://zakrasnodar.ru/name/yugna-yekaterinizm> (дата обращения: 15.10.2011).
- 22 Ильченко А. А. Переименование топонимов как средство коммуникации между властью и обществом // Изменения в политике и политика изменений : стратегии, институты, акторы. Доклады V Всероссийского конгресса политологов. Москва, 20–22 ноября 2009 г. М., 2009. С. 1418–1426.
- 23 Там же.
- 24 См.: Краснодар: Экологи, члены КПРФ и движение «За Краснодар», депутат Госдумы С. П. Обухов вышли на пикет в защиту природы Утриша. URL: http://kprf.ru/rus_soc/74434.html (дата обращения: 15.10.2011).
- 25 Под окнами начальника кубанского ГУВД вновь проведут пикет. URL: <http://www.livekuban.ru/node/260676> (дата обращения: 15.10.2011).
- 26 См.: Правозащитники обжалуют в суде действия полицейских, сорвавших пикет. URL: <http://www.livekuban.ru/node/243507> (дата обращения: 15.10.2011).

²⁷ См.: Краснодар готовится к общегородскому митингу протеста. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1408351.html> (дата обращения: 15.10.2011).

²⁸ См.: В Краснодаре общественники выйдут на гражданский пикет. URL: <http://www.livekuban.ru/node/198102> (дата обращения: 15.10.2011).

²⁹ Мэр Краснодара: Время переименования города еще не пришло. URL: <http://www.rosbalt.ru/kavkaz/2010/09/08/769873.html> (дата обращения: 15.10.2011).

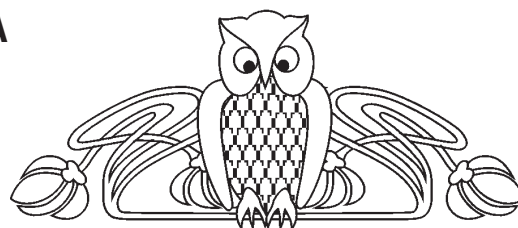
³⁰ Переименование Краснодара решено отложить. URL: <http://www.yuga.ru/news/223670/> (дата обращения: 15.10.2011).

УДК 94(47) + 929 Муров

РОССИЯ И ЗАПАД В РАБОТЕ Н. Е. МУРОВА «ПЛОДЫ НАРОДОВЛАСТИЯ»

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

В статье исследуются воззрения русского эмигранта Н. Е. Мурова, автора книги «Плоды народовластия» (Париж, 1923). Проанализированы проблемы, которые, с точки зрения автора книги, оказывали существенное влияние на российскую государственность. Важнейшими среди них представляются: взаимоотношения России и Запада, формирование оптимальной власти и ее задачи, деятельность органов народного представительства и партий, роль общественного мнения, место и роль образованного класса в системе общественных отношений.

Ключевые слова: эмиграция, власть, парламент, монархия, революция, Запад, Россия, партия, политика.

**Russia and West in N. E. Murov's Work
«Fruits of Democracy»**

V. A. Mitrokhin

In article views of Russian emigrant N. E. Murov, the author of the book «Fruits of democracy» (Paris, 1923) are investigated. Problems which from the point of view of the author had made essential impact on the Russian statehood are analysed. The major among them are: relations between Russia and the West, formation of the optimum power and its problems, activity of national representation and parties, a role of public opinion, a place and a role of the educated class in system of public relations.

Key words: emigration, power, parliament, monarchy, revolution, West, Russia, party, policy.

Первые годы пребывания в эмиграции выходцев из России были отмечены не только решением насущных экономических и бытовых проблем, связанных с адаптацией в новых условиях. Пережитые за сравнительно короткое время события Первой мировой войны, революции, братоубийственной Гражданской войны качественно повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Это, в свою очередь, породило уникальную по своему разнообразию и идеологической пестроте литературу и периодику

Уже в начале 1920-х гг. в различных эмигрантских центрах появляются работы¹, авторы которых пытаются осмыслить пережитые события, разобраться в характере происходящих в мире изменений, сделать прогноз на будущее.

Заметным событием в литературной жизни зарубежья этого времени стал выход в 1923 г. книги Н. Е. Мурова «Плоды народовластия»². Как и большинство беженцев из России, автора волновала судьба покинутой Родины, однако исследование положения в России он осуществил в контексте общемировых процессов (и прежде всего европейских), происходящих в духовной и материальной жизни народов.

В решающей степени, по мнению Н. Е. Мурова, характер, динамика и направленность общественно-политических процессов начала XX в. задавались конкуренцией и противоборством разных элитных групп, являвшихся носителями разнящихся ценностей и идеалов. Очевидным результатом мировой войны явились крушение традиционной аристократии (прекратили свое существование все континентальные империи) и замена ее аристократией финансовой. По мнению автора, смена управленческой элиты стала итогом многолетнего противостояния и была предreshена. Жертвой этой борьбы явилась в том числе и Российская империя: «Как война 1914–18 гг., так и совершенная в 1917 году революция были <...> предreshены, подготовлены и руководимы западно-европейской и американской финансовой аристократией с целью расшатать и расчлнить Государство русского народа, довести его до банкротства и тем самым установить в будущем задолженность и полную зависимость России от иностранного капитала»³. Точку зрения Мурова разделяли многие его современники. Так, американский предприниматель Г. Форд следующим образом оценивал события в России: «Под прикрытием русских беспорядков <...> финансисты использовали русскую нужду, для того чтобы завладеть природными богатствами».

²⁷ См.: Краснодар готовится к общегородскому митингу протеста. URL: <http://www.novayagazeta.ru/news/1408351.html> (дата обращения: 15.10.2011).

²⁸ См.: В Краснодаре общественники выйдут на гражданский пикет. URL: <http://www.livekuban.ru/node/198102> (дата обращения: 15.10.2011).

²⁹ Мэр Краснодара: Время переименования города еще не пришло. URL: <http://www.rosbalt.ru/kavkaz/2010/09/08/769873.html> (дата обращения: 15.10.2011).

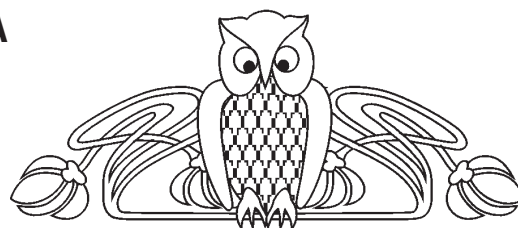
³⁰ Переименование Краснодара решено отложить. URL: <http://www.yuga.ru/news/223670/> (дата обращения: 15.10.2011).

УДК 94(47) + 929 Муров

РОССИЯ И ЗАПАД В РАБОТЕ Н. Е. МУРОВА «ПЛОДЫ НАРОДОВЛАСТИЯ»

В. А. Митрохин

Саратовский государственный университет
E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

В статье исследуются воззрения русского эмигранта Н. Е. Мурова, автора книги «Плоды народовластия» (Париж, 1923). Проанализированы проблемы, которые, с точки зрения автора книги, оказывали существенное влияние на российскую государственность. Важнейшими среди них представляются: взаимоотношения России и Запада, формирование оптимальной власти и ее задачи, деятельность органов народного представительства и партий, роль общественного мнения, место и роль образованного класса в системе общественных отношений.

Ключевые слова: эмиграция, власть, парламент, монархия, революция, Запад, Россия, партия, политика.

**Russia and West in N. E. Murov's Work
«Fruits of Democracy»**

V. A. Mitrokhin

In article views of Russian emigrant N. E. Murov, the author of the book «Fruits of democracy» (Paris, 1923) are investigated. Problems which from the point of view of the author had made essential impact on the Russian statehood are analysed. The major among them are: relations between Russia and the West, formation of the optimum power and its problems, activity of national representation and parties, a role of public opinion, a place and a role of the educated class in system of public relations.

Key words: emigration, power, parliament, monarchy, revolution, West, Russia, party, policy.

Первые годы пребывания в эмиграции выходцев из России были отмечены не только решением насущных экономических и бытовых проблем, связанных с адаптацией в новых условиях. Пережитые за сравнительно короткое время события Первой мировой войны, революции, братоубийственной Гражданской войны качественно повлияли на мировоззрение бывших подданных Российской империи, заставили пересмотреть годами складывавшиеся представления и ценности. Это, в свою очередь, породило уникальную по своему разнообразию и идеологической пестроте литературу и периодику

Уже в начале 1920-х гг. в различных эмигрантских центрах появляются работы¹, авторы которых пытаются осмыслить пережитые события, разобраться в характере происходящих в мире изменений, сделать прогноз на будущее.

Заметным событием в литературной жизни зарубежья этого времени стал выход в 1923 г. книги Н. Е. Мурова «Плоды народовластия»². Как и большинство беженцев из России, автора волновала судьба покинутой Родины, однако исследование положения в России он осуществил в контексте общемировых процессов (и прежде всего европейских), происходящих в духовной и материальной жизни народов.

В решающей степени, по мнению Н. Е. Мурова, характер, динамика и направленность общественно-политических процессов начала XX в. задавались конкуренцией и противоборством разных элитных групп, являвшихся носителями разнящихся ценностей и идеалов. Очевидным результатом мировой войны явились крушение традиционной аристократии (прекратили свое существование все континентальные империи) и замена ее аристократией финансовой. По мнению автора, смена управленческой элиты стала итогом многолетнего противостояния и была предreshена. Жертвой этой борьбы явилась в том числе и Российская империя: «Как война 1914–18 гг., так и совершенная в 1917 году революция были <...> предreshены, подготовлены и руководимы западно-европейской и американской финансовой аристократией с целью расшатать и расчлнить Государство русского народа, довести его до банкротства и тем самым установить в будущем задолженность и полную зависимость России от иностранного капитала»³. Точку зрения Мурова разделяли многие его современники. Так, американский предприниматель Г. Форд следующим образом оценивал события в России: «Под прикрытием русских беспорядков <...> финансисты использовали русскую нужду, для того чтобы завладеть природными богатствами».

ми <...> большевистское правительство дает на это свое благословение <...> Красная революция есть на деле величайшая спекуляция во всей истории человечества»⁴.

Материально-финансовые приоритеты «новой элиты» качественным образом изменили общественный уклад европейских народов. Одним из следствий этого явления стала тотальная коммерциализация культуры. Н. Е. Муров пишет: «Люди и ученые, заботясь о культуре преимущественно “научно-коммерческих знаний”, совсем не заботятся об истинной культуре, культуре доброты и сердечности, и качества эти все более и более считаются вредными»⁵. Следствием этого явился рост ожесточения между народами – «разжигаются худшие инстинкты народов, ненависть, милитаризм <...> небольшая кучка глумится над остальной массой»⁶.

Разобщение народов, подталкивание их к войне (по мнению автора, это показатель болезни культуры) в значительной мере осуществляются с помощью умелого оперирования информацией. Негласная цензура газетных сведений, контроль над «кинематографом», насаждение легковесной литературы – это и многое другое обеспечивает абсолютное управление «общественным мнением», с точки зрения автора книги, а в конечном итоге приводит «к реквизированию мозгов» обывателя (о чем последний даже не догадывается).

Н. Е. Муров, намного опережая свое время, категорично утверждал, что «общественное мнение можно поворачивать то в одну, то в другую сторону, внушать все что угодно»⁷, что и практиковалось в межвоенной Европе.

В немалой степени контроль над обществом осуществлялся с помощью умелой политической организации. Важнейшими ее характеристиками в 1920-е гг. являлись многопартийность и неизбежно связанная с ней борьба за власть. Характеризуя сильные и слабые стороны сложившейся на Западе системы, Н. Е. Муров писал: «Государственной власти надо помогать, парламент же есть собрание безответственных перед народом людей, пришедших “подсидывать” в личных целях Власть и тем ее растлевать <...> Пришли люди, быть может, в большинстве своем и не дурные, но второго сорта <...> шустрые, болтливые и изворотливые <...> Самый принцип борьбы партий есть ничто иное, как “недоверие к Власти и осада Власти”»⁸.

Захлестнувшая Европу политическая борьба по логике должна была способствовать развитию политической культуры народов и приобщению их к политической жизни. На деле этого не произошло – «народ как был, так и остался несведущ в государственных делах»⁹. Однако сложившаяся неустойчивая система создавала идеальные условия для влияния соперничающих с властью сил и проникновения в государство. Автор довольно подробно излагает саму «технологию» этого проникновения.

Первым шагом такого плана являются дискредитация культуры и истории страны – объекта агрессии, изменение нравственных и духовных опор ее народа. Стратегической целью на этом этапе является «мозг» нации: «Прежде всего правящий и образованный класс <...> ловкой пропагандой старательно убеждают в том, что культура его хуже, чем культура собравшихся проникать»¹⁰. Решение этой задачи создает необходимые условия для экономического проникновения в страну. Подбираются «соблазнительные» доводы в поддержку такого рода действий: «народ сможет заработать», «предприятия скоро перейдут в собственность страны», «концессии будут способствовать экономическому росту» и т. д. Далее под предлогом защиты интересов «своих» предприятий проникающий получает возможность вмешиваться во внутренние дела страны. Наступает этап реального политического влияния. Именно на этом этапе используются политические борения партий и их «вождей», «на страстях которых можно играть как угодно»¹¹.

«Можно влиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. Можно учреждать какие угодно банки и при их посредничестве влиять на партии, разлагать народные массы политическими страстями, устраивать революции, междоусобные войны, отторгать провинции, скупать по дешевой цене государственные промышленные бумаги. Можно тайно властвовать, развращая образованные классы страны страстью к наживе и корыстолюбию»¹².

Становясь хозяином страны, «проникающий» должен умело направлять дипломатическую деятельность «в соответствии с целями своего правительства». На заключительном этапе реализации проекта происходит утрата контроля над страной и потеря независимости ее народа – «причем ни правящий класс, ни тем более народ не будет понимать истинной причины гибели их отчества»¹³.

«Гипотетический» проект проникновения в стан соперника вполне согласовывался с реалиями послевоенной Европы. Весьма показательным в этой связи примером являлись взаимоотношения лидеров европейского сообщества той поры – Англии и России. Обращаясь к истории взаимодействия союзнических держав, Н. Е. Муров высказал предположение, что члены британского коалиционного кабинета (по подсчетам автора 17 из 22 были выпускниками Оксфорда и потому считались высококультурными людьми) решили попросту «разделаться» со своей «союзницей»¹⁴.

Это вполне согласовывалось с планами мировой финансовой аристократии в отношении России. «Сперва Монарх России был умышленно оклеветан в измене и нежелании продолжать войну»¹⁵. Революция, которая через некоторое время произошла в России, развивалась также не без участия английской пропаганды (Г. Вальполь) и особенно дипломатии (Дж. Бьюкенен)¹⁶.

Характерно, отмечал Н. Е. Муров, что известие о падении русской монархии было встречено в английском парламенте горячими аплодисментами и энтузиазмом.

Последовавшие в дальнейшем военные кампании и междоусобица в решающей степени финансировались английской стороной. Доказывая это, Н. Е. Муров обращался к выступлению в парламенте в 1919 г. военного министра У. Черчилля. Поддержка Англией военной кампании в России была обусловлена в первую очередь необходимостью реализации британских стратегических замыслов: недопущения захвата немцами ресурсов, продолжения блокады Германии и т. д. Достаточно характерна в этой связи цитата из речи У. Черчилля: «Они (русские. – В. М.) образовали армии по нашему наущению и без сомнения в значительной степени на наши деньги. Такая помощь являлась для нас целесообразной военной политикой»¹⁷.

Венцом проведенной операции стало заключение в 1919 г. Версальского договора, юридически закрепившего раздел территории бывшей Российской империи и подписанного без участия представителей России. Таким образом была воплощена в жизнь идея, давно витавшая в головах геополитических противников России, соответственно выражавшаяся в «общественном мнении». Н. Е. Муров приводит в своей книге фрагмент статьи Эдгара Гранвила из швейцарской газеты «Ревю Политик» (1918. № 32): «Беглого взгляда на географическую карту достаточно, чтобы понять, что падение царизма и вытекающее из него расчленение государства есть лишь первый шаг к мировому равновесию <...> Чудовищное географическое тело, каковым была Империя Царя, делала москвитов опасными»¹⁸.

Разочарование в холодном и расчетливом Западе стало доминирующим настроением в русской эмигрантской среде этого времени. Это подтверждает даже беглый взгляд на периодику и публицистику начала 1920-х гг. Так, бывший декан историко-филологического факультета Саратовского университета С. Л. Франк в книге с характерным названием «Крушение кумиров» писал: «...взаимная ненависть, озлобление, страх перед врагом, беспощадная эксплуатация слабых есть нормальное состояние европейской международной жизни, и то же обнаружилось в своекорыстном и лицемерном отношении бывших союзников к русскому несчастью»¹⁹.

Мотивы глубокого разочарования в действиях европейских государств, их реакция на события в России прослеживаются в книгах и статьях Д. С. Мережковского. Так, он писал: «Мы уже давно не ждем от Европы жалости <...> самые гордые из европейских народов продают им (большевикам, – В. М.) честь свою за ничто»²⁰.

Еще большее возмущение у эмигрантов вызывало стремление западных политиков решить проблемы своих государств, воспользовавшись

несчастьем России. А. В. Бобрищев-Пушкин в сборнике «Смена веков» прямо указал на колониальный подход Англии к России. Реализуя свои национально-эгоистические устремления на обширном пространстве от Архангельска до Туркестана, англичане, по мнению автора статьи, занимались откровенным грабежом, стремясь вывезти максимальное количество материальных ценностей из России²¹.

Весьма скептически оценивая плоды морального прогресса Запада, Н. Е. Муров писал: «Эта современная культура, которой так гордятся передовые государства, в действительности есть по преимуществу культура безжалостная и антирелигиозная... Все эти Бьюкенены, Ллойд-Джорджи, Вильсоны хотя, может, и соблюдают внешнее благочестие, но поступками своими, были запечатлены в истории, были людьми глубоко антирелигиозными и являются естественным порождением современной культуры научно-коммерческих знаний»²².

Неотъемлемой частью устоявшихся на Западе культурных ориентиров явилась соответствующая им потребительская культура. С точки зрения Н. Е. Мурова, она была обращена к удовлетворению постоянно возрастающей потребности в роскоши и удовольствиях, способствовала развитию алчности и корыстолюбия: «Труд для европейца все более и более превращается в каторжную работу, не дающую времени мыслить ни о чем ином как об удовлетворении своих запросов...»²³

Именно в отношении к материальным ценностям, с точки зрения автора книги «Плоды народовластия», кроется принципиальное различие между европейцами и русскими. Последние относятся к земледельческим народам, ведущим простой образ жизни, мало заботящимся о накоплении богатства, но при этом «замечательно религиозным». Для своеобразной народной русской души добыча денег не суть двигатель жизни не только у крестьян, но и в правящем классе.

«Русский правящий класс по сравнению с европейским был просто нищим. Русский человек не работает так, как европеец, не потому, что он ленив. Он ленив именно потому, что не верит, будто цель в жизни заключается в земных соблазнах, до которых так падок европеец»²⁴.

Порождаемые деньгами алчность и злоба чужды русскому человеку, утверждал автор. Именно потому сознательная проповедь ненависти и жестокости совершенно немыслима в России, что ярко проявилось в период революции: «Как ни старались большевики призывать народ “резать интеллигенцию”, масса народа быстро опомнилась и устранилась от этих призывов. Для организации насилий пришлось приглашать и содержать китайцев, литовцев, поляков и прочих инородцев»²⁵.

По мнению Н. Е. Мурова, русское мягкосердечие (проявляющееся даже в военном ремесле), щедрость и широта, отсутствие узкого нацио-

нализма – настоящий дар природы, качества недоступные «себялюбивому и скупому Западу». «Русский народ сохранил в себе способность чувствовать, жалеть и поступать не по холодному разуму, а по вдохновению сердца»²⁶.

Однако веками складывавшийся человеческий капитал может быть растрачен. Выпавшие на долю России испытания, агрессивные действия западных держав чрезвычайно актуализировали задачу самоорганизации народа.

С точки зрения Н. Е. Мурова, в кризисном положении находится не только Россия, но и западное сообщество: «...следует думать и заботиться о тех задачах, от которых старательно и умышленно отвлекают внимание народных масс, но без разрешения которых нельзя быть спокойным ни за настоящее, ни за будущее человечества, все более нравственно вырождающегося и ожесточающегося»²⁷.

Н. Е. Муров считал ошибочной установку на создание материального «рая» на земле как средства спасения от грядущих напастей – «умы людей должны быть заняты не шелковыми материями, румянами, духами и сигарами». По его мнению, решение назревших проблем связано в первую очередь с преобразованием нравственных основ человеческого сообщества. Это весьма непростая задача, так как при существующих политических порядках государственная власть находится в руках приверженцев разных форм насилия.

Искоренение нравственных недугов общества (взаимная ненависть, алчность, национализм и т. д.) связано с изменением всего воспитательного и учебного дела – это «первая и самая неотложная задача нашего времени...». Н. Е. Муров считал необходимым выработать «единую для низшей, средней и высшей школы доктрину жизнеописания»²⁸. Важное место в этой работе должна была занимать религиозная составляющая.

Особые требования в преобразовании всего общественного уклада предъявлялись к власти. Она призвана действовать и распоряжаться, а потому «должна быть мудрая (то есть облеченная знанием и опытом), твердая и неподкупная и ответственная»²⁹. Миссия власти состоит в созидании и претворении в жизнь «направляющего идеала» с опорой на творчество и энергию народа. Ложно понятое «народовластие», воплощенное в нескончаемой борьбе партий в рамках парламентской системы, должно быть изменено. Будучи по своим убеждениям монархистом, Муров твердо верил, что неподкупность и независимость власти «должны быть найдены в лице единовластного, истинно-просвещенного, особо для этого подготовленного и потому наследственного Божьей Милостью Монарха»³⁰.

Что касается России, то трудности переживаемого ею исторического момента связаны не столько с большевистской диктатурой, сколько с тем, что «образованный класс за последние 60 лет

утратил русское народное жизнепонимание и слепо приобщился к жестокой западно-европейской философии и культуре корыстолюбия и антирелигиозности». Не усвоив должным образом лучших достижений чужой культуры, он принял на вооружение упрощенное мировосприятие, по которому «жизнь человека с малыми потребностями – есть жизнь скотская, а увеличение потребностей есть де первый признак образованного человека...»³¹. Сама большевистская диктатура в определенном смысле явилась результатом подражательного поведения просвещенного класса. Дальнейшее движение в этом направлении грозит не только потерей материальных богатств России, «но – что всего ужасней – утратой духовных богатств в народе, открывающих ему доступ к истинной жизни и истинной свободе»³².

В связи с этим задачей будущей российской власти, по мнению автора книги «Плоды народовластия», является «создание внутреннего единения <...> создание самого действительного оплота целостности и охраны независимости государства»³³. Следует отметить, что значимость консолидирующей идеи, воплощенной в действиях авторитетного духовно-политического центра, осознавалась на протяжении 1920-х гг. многими представителями русской эмиграции. Так, например, В. В. Шульгин, описывая национальный характер русских, писал, что «лучшие их качества складываются, будучи толкаемы в одном направлении», отсутствие же общей идеи порождает «неистовые взаимоотношения <...> грызню, взаимное недоброжелательство»³⁴.

Книга Н. Е. Мурова – одна из многих страниц драматической истории русского зарубежья. И несмотря на то что ее автор практически не известен широкому кругу почитателей российской истории, она представляет собой замечательный артефакт, проливающий свет на малоизученные стороны политической жизни эмиграции.

В ряду изданий, обращенных к российской проблематике и увидевших свет в 1920-е гг. в Европе, работа Мурова стоит особняком. Как и большинство соотечественников, пытаясь в первую очередь разобраться в смысле происходящих в России изменений, он, однако, делал это без столь характерных для эмигрантской литературы того времени надрывности, апокалиптичности и крайней тенденциозности.

Работа Н. Е. Мурова – пример вдумчивого и проницательного анализа социально-политических процессов, протекавших в России и мире, в том числе и с позиции футурологии. Такие животрепещущие проблемы 20-х гг. XX в., как роль культуры в преобразовании общества, грамотная организация взаимодействия власти и народа, влияние элиты (правлящей и просвященной), сохраняют свою актуальность и в наши дни. Несмотря на то что ряд оценок Н. Е. Мурова носит дискуссионный характер, его труд – достойный вклад в сокровищницу русской политической мысли.

Примечания

- ¹ См., например: *Щербина Ф. Л.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921; *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София, 1921; *Волин А.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин, 1921; *Салтыков А. А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен, 1922; *Ландау Г.* Сумерки Европы. Берлин, 1923; *Франк С. Л.* Крушение кумиров. Берлин, 1924 и др.
- ² *Муров Н. Е.* Плоды народовластия. Париж, 1923.
- ³ Там же. С. 45–46.
- ⁴ *Форд Г.* Международное еврейство. Берлин, 1925. С. 230, 237.
- ⁵ *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 30.
- ⁶ Там же. С. 28.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 77, 93.
- ⁹ Там же. С. 89.
- ¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹ Там же. С. 97.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Там же. С. 32.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Здесь Н. Е. Муров поддерживал точку зрения, устоявшуюся в определенных кругах российской эмиграции. В ряде изданий (см., например: *Волин А.* Указ. соч. С. 167 и др.) указывалось на существенный вклад главы британской миссии в подготовку свержения монархии. Данная точка зрения бытовала на страницах эмигрантской прессы. Например, журнал «Двуглавый орел» (Берлин) от 1 июля 1921 г. писал: «Великобританский посол сэр Бьюкенен, верный традициям английской дипломатии, навеки вписал свое имя в летопись истории яркими штрихами подлости и предательства».
- ¹⁷ *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 218.
- ¹⁸ Там же. С. 98.
- ¹⁹ *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 3.
- ²⁰ *Мережковский Д. С., Гиттинс З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг, 1922. С. 22.
- ²¹ См.: *Бобрищев-Пушкин А. В.* Новая вера // Смена вех : сб. статей. Прага, 1921. С. 114.
- ²² *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 37.
- ²³ Там же. С. 118.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Там же. С. 114.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 39.
- ²⁹ Там же. С. 89.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ Там же. С. 47.
- ³² Там же. С. 51.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Шульгин В. В.* Что нам в них не нравится. СПб., 1992. С. 95, 103.

УДК 32.019.5 – 053.81

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности нормативно-правовой базы российской медиасреды, влияние общественно-политических процессов, бизнеса, властных структур на деятельность и функциональные характеристики СМИ. В зависимости от меняющихся политических ролей СМИ автор выделяет и характеризует три этапа развития российской медиасистемы.

Ключевые слова: массмедиа, медиасреда, медиасистема, политические функции СМИ.

Evolution of Political Functionality of the Russian Mass Media

A. V. Rossoshansky

This article is devoted to the peculiarities of the Russian media sphere's law basis and the way social-political processes, business and power structures influence activity and functional features of the Mass Media.

According to the changing political roles of the Mass Media the author figures out and describes three stages of the Russian media-system's development.

Key words: mass media, media-sphere, media-system, political functions of the mass media.

Одним из ключевых факторов, определяющих функциональность СМИ в современном российском обществе, являются «правила игры», установленные в соответствии с существующей политико-правовой средой, конфигурацией политического режима. В зависимости от них набор функций, выполняемых СМИ, может значительно варьироваться.

В традиционных западных демократиях к основным функциям СМИ, регулирующим политические отношения, принято относить:

Примечания

- ¹ См., например: *Щербина Ф. Л.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921; *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София, 1921; *Волин А.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин, 1921; *Салтыков А. А.* Две России. Национально-психологические очерки. Мюнхен, 1922; *Ландау Г.* Сумерки Европы. Берлин, 1923; *Франк С. Л.* Крушение кумиров. Берлин, 1924 и др.
- ² *Муров Н. Е.* Плоды народовластия. Париж, 1923.
- ³ Там же. С. 45–46.
- ⁴ *Форд Г.* Международное еврейство. Берлин, 1925. С. 230, 237.
- ⁵ *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 30.
- ⁶ Там же. С. 28.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 77, 93.
- ⁹ Там же. С. 89.
- ¹⁰ Там же. С. 95.
- ¹¹ Там же. С. 97.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 97.
- ¹⁴ Там же. С. 32.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Здесь Н. Е. Муров поддерживал точку зрения, устоявшуюся в определенных кругах российской эмиграции. В ряде изданий (см., например: *Волин А.* Указ. соч. С. 167 и др.) указывалось на существенный вклад главы британской миссии в подготовку свержения монархии. Данная точка зрения бытовала на страницах эмигрантской прессы. Например, журнал «Двуглавый орел» (Берлин) от 1 июля 1921 г. писал: «Великобританский посол сэр Бьюкенен, верный традициям английской дипломатии, навеки вписал свое имя в летопись истории яркими штрихами подлости и предательства».
- ¹⁷ *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 218.
- ¹⁸ Там же. С. 98.
- ¹⁹ *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 3.
- ²⁰ *Мережковский Д. С., Гиттинс З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг, 1922. С. 22.
- ²¹ См.: *Бобрищев-Пушкин А. В.* Новая вера // Смена вех : сб. статей. Прага, 1921. С. 114.
- ²² *Муров Н. Е.* Указ. соч. С. 37.
- ²³ Там же. С. 118.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 119.
- ²⁶ Там же. С. 114.
- ²⁷ Там же. С. 42.
- ²⁸ Там же. С. 39.
- ²⁹ Там же. С. 89.
- ³⁰ Там же. С. 41.
- ³¹ Там же. С. 47.
- ³² Там же. С. 51.
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Шульгин В. В.* Что нам в них не нравится. СПб., 1992. С. 95, 103.

УДК 32.019.5 – 053.81

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ СМИ

А. В. Россошанский

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности нормативно-правовой базы российской медиасреды, влияние общественно-политических процессов, бизнеса, властных структур на деятельность и функциональные характеристики СМИ. В зависимости от меняющихся политических ролей СМИ автор выделяет и характеризует три этапа развития российской медиасистемы.

Ключевые слова: массмедиа, медиасреда, медиасистема, политические функции СМИ.

Evolution of Political Functionality of the Russian Mass Media

A. V. Rossoshansky

This article is devoted to the peculiarities of the Russian media sphere's law basis and the way social-political processes, business and power structures influence activity and functional features of the Mass Media.

© Россошанский А. В., 2012

According to the changing political roles of the Mass Media the author figures out and describes three stages of the Russian media-system's development.

Key words: mass media, media-sphere, media-system, political functions of the mass media.

Одним из ключевых факторов, определяющих функциональность СМИ в современном российском обществе, являются «правила игры», установленные в соответствии с существующей политико-правовой средой, конфигурацией политического режима. В зависимости от них набор функций, выполняемых СМИ, может значительно варьироваться.

В традиционных западных демократиях к основным функциям СМИ, регулирующим политические отношения, принято относить:

информационную; социализации; контроля и критики власти; артикуляции интересов; интеграции субъектов политики и мобилизации граждан¹. Они являются важным каналом коммуникации между обществом и властью, обеспечивающим стабильное функционирование политической системы.

В социально ориентированных демократиях этот набор дополняется рядом других функций, свойственных так называемой качественной прессе. Это наблюдение за жизнью общества и полный отчет о его состоянии, формирование образа мира, обеспечение форума для выработки консенсуса и распространение культуры. В этом случае акцент делается на обеспечении обратной связи. СМИ выступают в качестве площадки для обсуждения общественно важных проблем и привлечения к ним всеобщего внимания.

В еще не устоявшихся, новых демократиях функциональность СМИ выглядит несколько иначе. Так, венгерский социолог П. Тамаш, рассматривая массмедиа в ряде стран, находящихся в стадии постсоциалистического развития, выделяет такие функции, как стабилизация общественной системы, поддержка слабого гражданского общества, поддержка новых элит, участие в их легитимации и формирование доверия к ним, установление новых границ публичности и приватности, социальное определение в новой системе стратификации, внедрение новых моделей делового поведения². В таких условиях СМИ становятся влиятельным субъектом политики, инструментом реализации политических интересов.

Таким образом, функции СМИ модифицируются в зависимости от параметров политического режима и конкретизируются в различных областях социально-политической деятельности.

Для того чтобы выяснить, как менялась роль СМИ в постсоветской России, рассмотрим, как трансформировались политико-правовые условия их функционирования.

«Правила игры», которые сегодня установлены для СМИ, являются следствием уже достаточно долгого процесса совершенствования нормативно-правовой базы, воздействия трансформации системы властных отношений, адаптации к отечественным политическим традициям, сложившимся в информационной сфере.

Принципиальные параметры российской медийной среды сформированы в начале 1990-х гг., когда были приняты первые нормативно-правовые акты, закрепляющие принципиальные основы информационной деятельности в стране. Ядром законодательства о СМИ стал Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», принятый в декабре 1991 г. Его основной идеей стали свобода печати и недопустимость цензуры. Как следует из текста закона, в Российской Федерации поиск, получение, производство и распространение массовой информации, учреждение средств массовой информации, владение,

пользование и распоряжение ими, изготовление, приобретение, хранение и эксплуатация технических устройств и оборудования, сырья и материалов, предназначенных для производства и распространения продукции средств массовой информации, не подлежат ограничению. Помимо этого устанавливается запрет на создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации.

Важно, что эти принципы отразились и в основном законе государства – Конституции Российской Федерации. Самостоятельность и независимость агентов процесса коммуникации закрепляется в ст. 29, согласно которой «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любыми законными способами <...> гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается»³.

На начальном этапе (в начале 1990-х гг.), в период зарождения новой российской государственности, эти принципы как никогда больше выражались на практике и были приближены к реальной политической жизни. СМИ имели значительную свободу действий и мнений и относительную независимость. Либеральные тенденции в период перестройки и гласности дали СМИ возможность выйти за идеологические рамки, в которых существовали советская пресса и электронные медиа. На время они превратились в духовного лидера общества, вели его за собой, объясняли происходящее, излучали надежду и занимали в жизни большинства людей особое и важное место. Тем самым по содержанию кардинально изменились их ценностно-регулирующая и социально-организационная функции. СМИ стали главной движущей силой происходящих перемен, способствующей массовой демократической мобилизации граждан, внедряющей в массовое сознание западные либеральные ценности – свободу слова, политический плюрализм и идеологическое многообразие, главенство частной собственности над общественной и государственной, ее неприкосновенность, свободу предпринимательской деятельности и т. д. По мнению многих ученых-обществоведов, «перестройка» стала «золотым веком гласности» – периодом журнального и газетного бума, когда пресса пользовалась огромной популярностью и авторитетом. В качестве основного врага СМИ объявили партийно-советскую номенклатуру – «главную социальную силу механизма торможения»⁴.

Такое состояние СМИ было во многом результатом сопротивления российской республиканской власти, возглавляемой Б. Ельциным, и союзной под руководством М. Горбачёва, а затем борьбы за власть между исполнительной и законодательной властью. Фактически это означало борьбу старой советской идеологии и

новой, зарождающейся демократической. В этих условиях ни одна из политических сил, поглощенных и ослабленных борьбой, не была в состоянии установить полного контроля СМИ. В результате поначалу СМИ выступали как самостоятельный субъект политики, расположения которого стремились добиться каждая из противоборствующих сторон.

Политическая борьба между парламентом и президентом велась под лозунгом большей преданности каждой из ветвей государственной власти принципам свободы печати. И парламент, и президент пытались привлечь на свою сторону как можно большее количество средств массовой информации. Если парламент принимал закон или постановление о гарантиях свободы слова, президент тут же издавал указ о защите свободы печати⁵. Законодательная власть учредила наблюдательные советы по обеспечению свободы слова, а президент основал Федеральный информационный центр и Государственную инспекцию по защите свободы печати и массовой информации. Когда президент предписывал выделять субсидии редакционным коллективам, законодательная ветвь власти принимала нормативный акт о дополнительных льготах для органов печати.

Одновременно с борьбой за лояльность существующих СМИ шел процесс образования новых подконтрольных СМИ. Так, в июне 1990 г. по решению российского Верховного Совета, была учреждена Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания (ВГТРК). Но вплоть до мая 1991 г. власти СССР либо отказывались выделять ВГТРК необходимые частоты, либо давали их с потенциально немногочисленной аудиторией. В споре с правительственными органами СССР относительно второго канала Центрального телевидения и одного из трех общенациональных радиоканалов Верховный Совет РСФСР настаивал на своем праве учреждать средства массовой информации, которые бы не только отражали новую идентичность России, но и были первыми национальными каналами, свободными от цензуры и контроля со стороны Кремля. Те же доводы выдвигались и при учреждении «Российской газеты» – ежедневной газеты российского парламента⁶.

После победы Ельцина и особенно после провала путча 1991 г. начался «дележ приза», когда победитель получал все. Уже 21 августа Ельцин издал Указ «О средствах массовой информации в РСФСР», по которому Гостелерадио СССР перешло в ведение правительства России, а ВГТРК получила целиком второй общесоюзный канал. Этот закон был призван закрепить и легитимировать новый статус массмедиа – их независимость от партийно-государственной власти.

Позднее рядом правительственных и президентских актов наследство Гостелерадио поделили между ВГТРК и вновь образованными государственными телерадиокомпаниями «Остан-

кино», «Петербург» и «Москва». Журналистские коллективы получили права их соучредителей⁷.

В этот период функционирование СМИ в большей степени соответствовало «либертарианской» модели, предполагающей, что пресса работает по законам рыночного спроса и предложения и снабжает потребителей товаром, хотя товар этот особого рода. Поэтому «рынок идей» должен функционировать по тем же законам, что и рынок товаров, а всякое ограничение свободы печати не допускается, так как рыночная конкуренция сама обеспечит «естественный отбор» лучших изданий и вымирание худших.

Создавалась новая система российских демократических массмедиа, преданных «либертарианской» идеологии. Такая ценностная доминанта влияла на выполнение информационной функции. Фактически главной целью деятельности новых демократических СМИ было производство и распространение не объективной информации, а только той ее части, которая была востребована обществом (критика советской идеологии, разоблачение партийной номенклатуры, пропаганда демократических взглядов и т. д.). Как отмечает В. Усачева, перед СМИ в этот период (1990–1993 гг.) стояли следующие задачи:

- информировать, но следуя при этом определенной политической линии;
- «искать правду», но соответствующую нынешним идеалам;
- контролировать власть, но только в форме ее «воспитания»⁸.

Существенно, что такое состояние было не навязано другими акторами, а продуцировано самими СМИ при одобрении и поощрении исполнительной вертикали власти, заинтересованной в демократизации СМИ и тем самым в крушении культов и идеалов советской эпохи. Главенство демократических настроений привело к необъективному отрицанию всего, что было связано с советской властью, когда неявным ограничителем стала выступать уже «цензура демократии».

Таким образом, на этапе становления российской медиа-системы СМИ обладали значительным суверенитетом, продуцированным либеральной политико-правовой средой. Их главной функциональной особенностью в этот период была критика всего связанного с советской эпохой. Они были союзниками новой демократической власти, снявшей с их деятельности все существовавшие ранее ограничения, и врагами старой советской партийной номенклатуры.

Устранение цензуры, государственной монополии создало политические предпосылки для формирования «четвертой ветви власти» в лице СМИ. После принятия в декабре Конституции и избрания нового парламента начинается активная работа по созданию нормативно-правовой базы, регулирующей информационные отношения. Одним из главных становится вопрос о порядке взаимодействия СМИ и государства в новых условиях.

Преобразования начались с властных структур. 22 декабря 1993 г. президент издает Указ «О совершенствовании государственного управления в сфере массовой информации», по которому ликвидировалось Министерство печати и информации, а вместо него образовывалось два новых органа: непосредственно подчиненная президенту Федеральная служба России по телевидению и радиовещанию (ФСТР) и Государственный комитет РФ по печати (Госкомпечати), подведомственный правительству. Комитет отвечал за печатные средства массовой информации: регистрацию, лицензирование издательской и полиграфической деятельности, а также контролирование соблюдения законодательства печатными средствами массовой информации. В свою очередь ФСТР отвечала за теле- и радиовещание: проводила регистрацию электронных СМИ, лицензирование телевизионного вещания, радиовещания и вещания дополнительной информации, контроль соблюдения законодательства электронными средствами массовой информации⁹.

Для законодательного регулирования этих отношений Государственной думой в течение двух зимних месяцев была принята целая группа законов: 15 декабря 1994 г. Федеральный закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации» (вступил в силу 13 января 1995 г.); 20 января 1995 г. Федеральный закон «О связи» (вступил в силу 16 февраля 1995 г.); 25 января 1995 г. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» (вступил в силу 20 января 1995 г.).

Закон «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»¹⁰ предусматривает освещение событий, связанных с деятельностью государственных органов в соответствующих государственных СМИ. В число событий входят обращения и заявления, сделанные Президентом Российской Федерации, Советом Федерации, Государственной думой и Правительством РФ, открытие первых официальных сессий палат парламента и нового правительства, а также инаугурация президента. Данный закон, по сути, отделяет государственные СМИ, которым власть может предписывать конкретные информационные решения, от негосударственных. Действие закона распространяется только на те периодические издания, телерадиопрограммы, в составе учредителей которых есть органы государственного управления. В соответствии с ним государственным СМИ предписывалась функция информационного сопровождения деятельности высших органов государственной власти

Действующий механизм государственного регулирования процессов на информационном пространстве определяется новым Федеральным законом «О связи»¹¹, вступившим в силу 1 января 2004 г., который отменил ранее существовавший.

Им устанавливаются правовые основы деятельности в области связи, полномочия органов государственной власти по регулированию подобной деятельности, права и обязанности лиц, участвующих в данном процессе или пользующихся услугами связи. Урегулировано оказание универсальных услуг связи, к которым относятся, в частности, услуги по передаче данных и предоставлению доступа к сети Интернет с использованием пунктов коллективного доступа. Введено понятие оператора, занимающего существенное положение в сети связи общего пользования, определены требования к порядку присоединения сетей электросвязи и их взаимодействия с сетью электросвязи такого оператора, а также порядок установления цен на услуги присоединения и услуги по пропуску трафика, оказываемые этими операторами. Подробно урегулирован порядок выдачи, переоформления, изменения, приостановления, возобновления и аннулирования лицензий.

Новые правила существенно расширили информационную функцию СМИ. Они получили право заниматься рекламой – распространять информацию, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке. Особенности отдельных способов распространения рекламы – на телевидении, радио, в газетах и т. д., – в особенности рекламы отдельных видов товаров детально отражены в Федеральном законе «О рекламе»¹², принятом Государственной думой 14 июня 1995 г. и вступившем в силу в июле 1995 г.

Рассматривая политические функции СМИ, нельзя не учитывать их зависимости от экономических факторов, обеспечивающих самостоятельность прессы и равные стартовые позиции для конкуренции. Без эффективного правового регулирования экономических отношений в сфере массовой информации нельзя создать благоприятных правовых условий для обеспечения информационного плюрализма. Речь идет, во-первых, о мерах, гарантирующих прозрачность отношений собственности и контроля организаций, осуществляющих выпуск СМИ (транспарентность). Во-вторых, настоятельным велением времени является установление мер, которые могли бы обеспечить добросовестную конкуренцию между организациями, осуществляющими выпуск СМИ, упорядочить объективно полезный процесс концентрации средств массовой информации и в то же время предотвратить их монополизацию. В-третьих, через регулирование отношений собственности и контроля законодатель должен обеспечить защиту профессиональной самостоятельности редакций и журналистов¹³.

Фактически ни одна из этих мер реализована не была. В законе о СМИ есть только одна норма, которую можно интерпретировать как меру по обеспечению транспарентности. Так,

ст. 10 требует от учредителя при регистрации СМИ указывать, в отношении каких других средств массовой информации он является учредителем, собственником, главным редактором (редакцией), издателем или распространителем. Кроме этого, в законе закреплён принцип профессиональной самостоятельности редакций и журналистов. Однако на практике он подвергался постоянной эрозии из-за того, что сложившиеся в сфере СМИ теневые экономические отношения не позволяли установить цивилизованные отношения между редакциями и владельцами.

Налицо была очень серьёзная проблема – неразвитость норм, регулирующих экономические отношения, прежде всего отношения собственности, в сфере деятельности СМИ. Как считает Н. Б. Кириллова, в значительной степени именно из-за этого и у государства, и у капитала оказались развязанными руки при установлении своего влияния в информационном пространстве России¹⁴.

К этому нужно добавить, что почти не работали механизмы государственной экономической поддержки СМИ, определяемые Федеральными законами «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации»¹⁵ и «Об экономической поддержке районных (городских) газет»¹⁶.

Суть Федерального закона «Об экономической поддержке районных (городских) газет» заключалась в том, что он трансформировал ранее существовавшую систему дотаций. Документ предусматривал выделение средств из федерального бюджета на развитие материально-технической базы районных и городских газет и оплату расходов, связанных с их производством и распространением (оплата полиграфических услуг, бумаги, услуг федеральной почтовой связи). Право на получение дотаций признаётся только за теми изданиями, которые включены в Федеральный реестр районных (городских) газет, формируемый Правительством РФ при разработке бюджета и утверждаемый Государственной думой при принятии бюджета. Одновременно в субъектах Российской Федерации создавалась целая система комиссий, которые получали от редакций, органов местного самоуправления, журналистских организаций заявки на включение в Реестр и проводили предварительный отбор. При этом от каждого района в Реестр могла попасть только одна газета. Однако в связи с отсутствием необходимого финансирования данный закон так и не заработал, так как в середине 1990-х гг. государство практически не финансировало принадлежавшие ему СМИ.

В дальнейшем идея выборочной поддержки средств массовой информации получила отражение и в постановлении Правительства РФ № 11 от 12 января 1996 г. «Об улучшении информационного обеспечения населения Российской Федерации». Здесь предусматривалось,

что отдельные «информационно-аналитические материалы информационных агентств, социально значимые телерадиопрограммы и издания» по представлению соответствующих федеральных органов исполнительной власти могут быть отнесены к категории продукции для федеральных государственных нужд с соответствующей закупкой и оплатой из средств федерального бюджета.

Намного полезней оказался Федеральный закон «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации». Согласно его нормам, средства массовой информации, которые по объективным причинам не могут компенсировать своих расходов через размещение рекламы, продажу тиража и т. д., имели право на определённые льготы – налоговые, таможенные, валютные. При этом льготы не распространялись на периодические печатные издания рекламного и эротического характера (ч. 1 ст. 6), поскольку они носят сугубо коммерческий характер и не могут рассматриваться как институты культуры и развития демократии. Впрочем, налоговые льготы просуществовали только до 31 декабря 2001 г., а таможенные были сведены к тем, которые вытекают из присоединения России с апреля 1995 г. к Соглашению о ввозе материалов образовательного, научного и культурного характера от 17 июня 1950 г. (Флорентийское соглашение). Сам же закон утратил силу с 1 января 2005 года.

Отсутствие эффективных законодательных механизмов, регулирующих экономические отношения в информационной сфере, стало причиной распространения сначала неформальных, «теневых» практик финансирования деятельности СМИ, а затем и их приватизации, которая институционализировала процессы политизации российских СМИ, информационного влияния частного капитала на политику. Новые правила игры требовали от руководителей газет и телерадиокомпаний беспрекословного выполнения воли собственников. СМИ вынуждены были отстаивать интересы своих хозяев, совсем не обязательно совпадающие с интересами общества или государства, а порой и прямо противоречащие им.

К концу 1990-х гг. в России существовало около десятка крупных политизированных и коммерческих медиа-холдингов. Однако способностью проводить самостоятельную информационную политику обладали только государственный холдинг масс-медиа, контролируемый Борисом Березовским, группа «Мост-Медиа» Владимира Гусинского, а также группа СМИ Юрия Лужкова и близких мэрии Москвы компаний. Их преимуществом по сравнению с другими очагами концентрации СМИ был контроль, прежде всего, за всероссийскими телеканалами¹⁷.

В этот период деятельность СМИ, в том числе и государственных, подчинялась интересам капитала, зачастую в ущерб обществу и государству. Показательной являлась ситуация с первым

каналом. Он был образован на базе главного в стране телевизионного канала «Останкино». Председателем попечительского совета был Президент РФ, контрольный пакет акций (51%) принадлежал государству и был распределен между Госкомимуществом (45%), ИТАР-ТАСС (3%) и Телевизионным техническим центром (ТТЦ 3%). Однако частные инвесторы из числа лояльных Кремлю во главе с Борисом Березовским всегда могли заблокировать решения государства, договорившись с какой-либо из этих трех структур¹⁸.

Это было возможно из-за отсутствия консолидированной позиции исполнительной власти, напряженности в отношениях между правительством и президентом. Так, в 1998 г. именно первый канал стал главной проблемой для Евгения Примакова, когда тот был премьером. Пытаясь возродить единую государственную информационную политику для того, чтобы получить необходимую информационную поддержку своей деятельности, премьер вступил в конфронтацию с теми, кто управлял ОРТ. Причем со стороны СМИ этот шаг был расценен как покушение на свободу слова и проявление личных политических амбиций Е. Примакова, который, в конечном счете, так ничего и не добился.

Четвертая власть усилиями «групп интересов», инкорпорировавших прессу в свой политико-экономический бизнес, превратилась в инструмент лоббирования. СМИ приобретались не как обычное коммерческое предприятие, не из расчета коммерческой прибыли, а из чисто политических соображений, с целью получения мощных рычагов воздействия на общественное мнение и влияния на процессы принятия политических решений в стране.

Начиная с 1999 г. с появлением фигуры В. Путина на политическом олимпе государство начинает возвращать свои позиции во влиянии на СМИ. После избрания его президентом в 2000 г. начинается процесс удаления с политической арены тех медиамагнатов, которые не принимают новых правил игры. Стремясь не допустить масштабной критики в свой адрес, исполнительная власть начала оказывать давление на телеканал через правоохранительные органы.

Менялась система государственного управления в области средств массовой информации и массовых коммуникаций. Вместо Госкомпечати и ФСТР было образовано новое Министерство РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций (МПТР).

Одним из первых шагов министерства стали попытки усилить контроль над каналами ОРТ и ТВЦ. Пользуясь своими полномочиями, Минпечати отказало им в автоматическом продлении лицензии и объявило конкурс на право вещать по первому и третьему телеканалам. Обосновали такое решение ссылкой на предупреждения, вынесенные телекомпаниям в 1999 г. во время кампании по выборам в Государственную думу.

Таким образом, власть начала контролировать СМИ, пользуясь при этом буквой закона.

Закономерным следствием этого процесса стала смена собственников НТВ, когда в течение апреля 2001 г. контрольный пакет акций НТВ, принадлежавший В. Гусинскому, перешел к «Газпром-медиа». Общенациональные телевизионные каналы вновь оказались под полным государственным контролем.

Помимо силовых методов использовались и финансовые инструменты. Так, впервые в 1999 г. в федеральном бюджете на исполнение законов «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации» и «Об экономической поддержке районных (городских) газет» были заложены значительные средства. В результате дотации получили около двух тысяч газет. Был изменен и механизм распределения средств. Ранее предусматривалось их распределение через Министерство финансов РФ и органы исполнительной власти субъектов Федерации. По новым правилам деньги распределялись напрямую Министерством печати, что делало региональные СМИ менее зависимыми от местного начальства, и прежде всего губернаторов.

Таким образом, во взаимоотношениях с властью функциональность СМИ менялась неоднократно. На начальном этапе развития российской медиасистемы (демократическом) СМИ обладали значительной самостоятельностью, выступали в качестве относительно неподконтрольной силы, участвующей в борьбе за власть между старой партийной номенклатурой и новой демократической, либерально ориентированной властью. На втором этапе (олигархическом), в период массовой приватизации, СМИ потеряли свою былую независимость и стали инструментом давления на власть со стороны бизнес-структур. На третьем этапе (государственном) они испытывают давление новых институциональных условий, связанных с укреплением вертикали власти, и выступают уже инструментом легитимации действий государственной власти.

Примечания

- 1 См.: Пугачев В. П. Средства массовой коммуникации в современном политическом процессе // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 1995. № 5. С. 5–7.
- 2 См.: Фомичева И. Д. Социология СМИ. М., 2007. С. 40.
- 3 Конституция Российской Федерации. Ст. 29, ч. 4, 5. М., 2005.
- 4 Согрин В. Политическая история современной России 1985–1994: от Горбачёва до Ельцина. М., 1994. С. 13.
- 5 См., например: Указ Президента РФ «О защите свободы средств массовой информации» от 20 марта 1993 г. № 376 // Собр. актов Президента и Рос. Федерации. 1993. № 13, ст. 1100; Постановление съезда народных депутатов от 29 марта 1993 г. «О мерах по защите свободы слова на государственном телевидении и

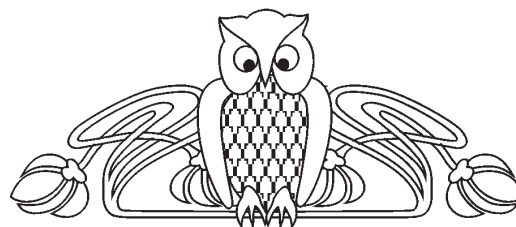
- радиовещании и в информационных службах» // ВСНД и ВС РФ. 1993. № 14, ст. 503.
- ⁶ См.: СМИ постсоветской России. М., 2002. С. 156.
- ⁷ См., например: Указы Президента РФ № 44, 47 // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 5–6. Ст. 339, 252.
- ⁸ См.: Усачева В. Власть и СМИ в России : как изменились их взаимоотношения? // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 4.
- ⁹ См.: Указ Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере массовой информации» от 22 дек. 1993 г. // Рос. газета . 1993. 23 дек.
- ¹⁰ URL: <http://base.garant.ru/103529/> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹¹ URL: <http://www.rg.ru/2003/07/10/svjaz-dok.html> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹² URL: <http://www.rg.ru/2006/03/15/reklama-dok.html> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹³ См.: Федотов М. А. Правовые основы журналистики. М., 2002. С. 258.
- ¹⁴ См.: Кириллова Н. В. Медиасреда российской модернизации. М., 2005. С. 191.
- ¹⁵ Рос. газета. 1995. 5 дек.
- ¹⁶ Рос. газета. 1995. 29 нояб.
- ¹⁷ См.: Засурский И. И. СМИ и власть. Россия девяностых // Средства массовой информации постсоветской России / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2002. С. 75.
- ¹⁸ См.: Рихтер А. Г. Правовые основы свободной печати // Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2001. С. 159.

УДК 316.334.3+366.636

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности СМИ как института гражданского общества и значимого фактора его развития, раскрывается их роль в формировании политической культуры российского общества.

Ключевые слова: СМИ, политическая культура, гражданское общество, политическая активность граждан.

Role of Mass Media in Formation of Political Culture and Development of Institutes of the Civil Society in Russia

V. A. Zimin

Peculiarities of the Mass Media's work as an institute of civil society and an important factor of its development are considered in this article. Also the role of the Mass Media in foundation of the Russian society's political culture is shown by the author.

Key words: mass media, political culture, civil society, citizen's political activity.

Одной из важнейших проблем демократического развития современной России является становление и укрепление гражданского общества. В свою очередь, его существование невозможно без наличия у членов этого общества гражданских качеств и особой политической культуры. По мнению О. В. Орловой, суть ее заключается в том, что «в гражданском обществе действует человек – обладатель конкретных интересов и потребностей, для удовлетворения которых он

нацелен способностью к сознательной деятельности, прагматическому решению совместно с другими людьми экономических, политических и иных проблем»¹.

В формировании политической культуры граждан и развитии институтов гражданского общества в Российской Федерации важна существенная помощь демократических средств массовой информации, всего комплекса общественных групп, которые должны представлять организованные интересы различных объединений и гражданских институтов.

Средства массовой информации являются важнейшим институтом гражданского общества. Телевидение, пресса и радио формируют представления граждан о стране, в которой они живут. Объективность такой картины зависит в первую очередь от разнообразия СМИ, наличия в информационном поле различных точек зрения. Развитие глобальных сетей цифровых телекоммуникаций значительно усилило влияние средств массовой коммуникации на формирование мировоззренческих установок, ценностной ориентации российских граждан.

Средства массовой информации предназначены для широкого обмена сообщениями в рамках всего общества или достаточно широких социальных общностей. Они являются одновременно каналом выражения общественного мнения и

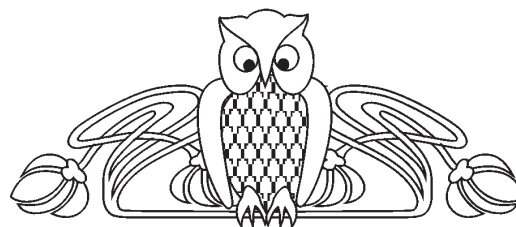
- радиовещании и в информационных службах» // ВСНД и ВС РФ. 1993. № 14, ст. 503.
- ⁶ См.: СМИ постсоветской России. М., 2002. С. 156.
- ⁷ См., например: Указы Президента РФ № 44, 47 // ВСНД и ВС РФ. 1992. № 5–6. Ст. 339, 252.
- ⁸ См.: Усачева В. Власть и СМИ в России : как изменились их взаимоотношения? // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 4.
- ⁹ См.: Указ Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере массовой информации» от 22 дек. 1993 г. // Рос. газета . 1993. 23 дек.
- ¹⁰ URL: <http://base.garant.ru/103529/> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹¹ URL: <http://www.rg.ru/2003/07/10/svjaz-dok.html> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹² URL: <http://www.rg.ru/2006/03/15/reklama-dok.html> (дата обращения: 18.11.2011).
- ¹³ См.: Федотов М. А. Правовые основы журналистики. М., 2002. С. 258.
- ¹⁴ См.: Кириллова Н. В. Медиасреда российской модернизации. М., 2005. С. 191.
- ¹⁵ Рос. газета. 1995. 5 дек.
- ¹⁶ Рос. газета. 1995. 29 нояб.
- ¹⁷ См.: Засурский И. И. СМИ и власть. Россия девяностых // Средства массовой информации постсоветской России / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2002. С. 75.
- ¹⁸ См.: Рихтер А. Г. Правовые основы свободной печати // Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2001. С. 159.

УДК 316.334.3+366.636

РОЛЬ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

В. А. Зимин

Саратовский государственный университет
E-mail: natali.26.12@mail.ru

В статье рассматриваются особенности деятельности СМИ как института гражданского общества и значимого фактора его развития, раскрывается их роль в формировании политической культуры российского общества.

Ключевые слова: СМИ, политическая культура, гражданское общество, политическая активность граждан.

Role of Mass Media in Formation of Political Culture and Development of Institutes of the Civil Society in Russia

V. A. Zimin

Peculiarities of the Mass Media's work as an institute of civil society and an important factor of its development are considered in this article. Also the role of the Mass Media in foundation of the Russian society's political culture is shown by the author.

Key words: mass media, political culture, civil society, citizen's political activity.

Одной из важнейших проблем демократического развития современной России является становление и укрепление гражданского общества. В свою очередь, его существование невозможно без наличия у членов этого общества гражданских качеств и особой политической культуры. По мнению О. В. Орловой, суть ее заключается в том, что «в гражданском обществе действует человек – обладатель конкретных интересов и потребностей, для удовлетворения которых он

нацелен способностью к сознательной деятельности, прагматическому решению совместно с другими людьми экономических, политических и иных проблем»¹.

В формировании политической культуры граждан и развитии институтов гражданского общества в Российской Федерации важна существенная помощь демократических средств массовой информации, всего комплекса общественных групп, которые должны представлять организованные интересы различных объединений и гражданских институтов.

Средства массовой информации являются важнейшим институтом гражданского общества. Телевидение, пресса и радио формируют представления граждан о стране, в которой они живут. Объективность такой картины зависит в первую очередь от разнообразия СМИ, наличия в информационном поле различных точек зрения. Развитие глобальных сетей цифровых телекоммуникаций значительно усилило влияние средств массовой коммуникации на формирование мировоззренческих установок, ценностной ориентации российских граждан.

Средства массовой информации предназначены для широкого обмена сообщениями в рамках всего общества или достаточно широких социальных общностей. Они являются одновременно каналом выражения общественного мнения и

системой его формирования². За короткий период времени СМИ могут воздействовать на большое число россиян.

Сознательная односторонняя заинтересованность в подаче материала на социально значимую тему в пользу одного из субъектов политики тормозит развитие демократической политической культуры. Опасно также манипулирование массовым сознанием и поведением населения. Сбалансированная полная и объективная информация о разных сторонах общественной жизни является важным условием совершенствования политической культуры россиян. Функции средств массовой информации должны состоять в: информировании населения; мобилизации и формировании общественного мнения; содействии политическому образованию, воспитанию, политической социализации граждан; возможности артикуляции разных общественных интересов; контроле и критике государственных и местных органов власти, интегрировании субъектов политики.

Социологические исследования РОМИРа в сентябре 2000 г. (2000 респондентов в 115 населенных пунктах РФ) показывали, что 20,6% россиян высказывали мнение о том, что в Российской Федерации средства массовой информации предоставлена полная свобода, и 31,3% скорее поддержали данную точку зрения, 5,9% считали, что это полностью не так, а скорее не так – 19,6% ответивших³. Последующие опросы, проведенные РОМИРом, подтвердили, что российским СМИ предоставлена полная свобода слова (уже 49% респондентов в 2003 г. и 60% в 2005 г.). Отрицали ее 42 и 37% соответственно, затруднились ответить 9 и 3%⁴.

Великий писатель и гуманист А. И. Солженицын говорил: «Свобода слова, как всякая свобода, – дорогой, но двоякий дар. Когда говорят, что у нас сейчас подавлена свобода слова, я, имея советский опыт, не согласен. Я считаю, что в основных объемах пресса свободна, говорит, что хочет, и ничего не боится и не подавлена. Другое дело, что пресса во многом руководствуется соображениями своих финансовых хозяев. И вот это внутреннее нарушение свободы очень опасно»⁵.

По оценке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, только 10–12% российских общественно-политических изданий являлись экономически самостоятельными, а почти тридцать тысяч «служили» не читателю, а тому, кто их взял на содержание, – все тому же государству, олигархам и проч. Так, в г. Пензе тратилось почти 7 млн руб. на «свои» официальные издания, но они не пользовались у читателей особым спросом⁶.

Получая деньги из регионального бюджета, местные СМИ, как правило, теряют независимость и вынуждены ориентироваться на мнение администрации, что окончательно убивает цивилизованный рынок региональной прессы. Теряя автономность, пресса превращается в информационного лоббиста.

Отстраненность журналистики от ряда острых проблем общества, увлечение пиаром и развлекательной составляющей размывают значение средств массовой информации как одного из основных институтов гражданского общества. Эти тенденции обострились под влиянием экономического кризиса, подорвавшего финансовые основы отдельных независимых изданий. На наш взгляд, необходимо принять закон об основах экономических отношений в сфере массовой информации.

Социологический опрос, проведенный нами на промышленных предприятиях Самарской, Саратовской, Ульяновской, Пензенской, Нижегородской областей, а также Татарстана и Чувашии в сентябре–декабре 2003 г. (3718 респондентов), показал, что работники отдали предпочтение таким газетам, как «Аргументы и факты» (19,1%), «Российская газета» (17,3%), «Комсомольская правда» (14,4%), «Труд» (9%), «Известия» (8,5%), «Правда» (3,7%), «Советская Россия» (1,8%). Беспокоит то, что 69,3% опрошенных газет не читали или читали иногда. По данным Левада-Центра (опрос 2005 г.), тиражи газет в России, в сравнении с 1990 г., сократились в 6 раз, а журналов – в 8 раз, при этом в 7 раз упала подписка на газеты, а на журналы – в 16 раз. На тысячу населения в 1990 г. подписка составляла почти 1900 экз., а в 2005 г. – всего 200. В России читали газеты и журналы всего лишь 20% населения.

Не читали книг 37% россиян⁷. В значительной степени это можно объяснить процессами воздействия компьютерных технологий и появлением новых источников информации, которые потеснили печать. Произошло также удорожание производства газет, журналов и книг.

По данным нашего опроса (321 чел.), работники промышленных предприятий Саратовской области в 2003 г. узнавали новости и другую политическую информацию из программ телевизионных каналов следующим образом (таблица):

Какой программе ежедневных телевизионных новостей Вы отдаете предпочтение?

Программа	%
«Время» (1 канал)	39,6
«Вести» (канал «Россия»)	25,9
Теленовости (на местных каналах)	18,7
«Сегодня» (канал «НТВ»)	5,9
«События» (канал «ТВЦ»)	5,2
Не смотрю	4,7

В настоящий период идет процесс принципиальных изменений в структуре спроса на политическую информацию. Наше общество стало более сложным, более дифференцированным. Россия к

2015 г. должна перейти на цифровое телевидение. Персональное телевидение откроет новую эпоху информационного общества, позволит каждому создать свое личное коммуникационное пространство. Особенно актуально это для России, в которой телевидение является одним из самых распространенных и важнейших средств массовой информации.

Важнейшей тенденцией развития российских СМИ в XXI в. является быстрый рост интернет-аудитории. Одновременно активно развивается Web 2.0., так как произошел взрывной рост социальных сетей.

Основным контекстом общественной самоорганизации современной молодежи являются ее активность и объединения в Интернете. В определенной степени это ресурс для дальнейшего развития ее гражданской активности в традиционном пространстве. Однако Интернет воздействует на достаточно узкий сегмент общества, социально и политически активный.

Исследователи практически повсеместно отмечали в 2005–2009 гг. недостаточное освещение в СМИ гражданской активности. В этот период наиболее активная часть общества, которая стремилась донести свою позицию до власти, до представителей общественных объединений, устремилась в социальные сети. Однако с 2010 г. картина несколько изменилась. Средства массовой информации стали чаще освещать различные гражданские акции. На региональных и федеральных телеканалах заметно возросло число упоминаний различных форм протестной активности. Например, такие резонансные акции, как протест против строительства дороги через Химкинский лес, протест оппозиции против результатов выборов в Государственную думу 2011 г. и другие попали в фокус внимания властей и в ряде случаев повлияли на принятие ими решения. Это в какой-то мере укрепило веру общества в то, что проявление гражданской позиции, ее активное выражение через СМИ и Интернет позволяет добиться результата. «То, что люди высказывают свою точку зрения по поводу процессов, происходящих в стране, – абсолютно нормальные вещи, – сказал В. В. Путин. – До тех пор, пока все действует в рамках закона. Я рассчитываю на то, что так оно и будет. Я действительно видел на экранах телевизоров людей, которые ясно и четко формулируют свою позицию. Там были разные люди, и я радовался тому, что увидел свежие, интеллигентные, здоровые, энергичные лица людей. Меня это радует. И если это результат “путинского режима”, то это хорошо»⁸.

Средства массовой информации, самостоятельно или используя в качестве первоисточника блогосферу, сумели поднять проблемы экологических нарушений крупных промышленных предприятий, а также важнейшие проблемы, связанные с бедственным положением стариков в домах престарелых и людей, пострадавших во

время летних природных пожаров 2010 г., и др.

Свобода прессы в Российской Федерации подвергается испытанию. В самой журналистской среде зачастую наблюдается отсутствие высоких этических и профессиональных стандартов. Есть покушения и заказные убийства журналистов. Так, в Самарской области в октябре 1995 г. был застрелен главный редактор газеты «Тольятти сегодня» А. Уланов, а в январе 1997 г. выстрелом в упор был убит редактор газеты «Обо всем» Н. Лапин. В октябре 2000 г. киллеры расправились с директором телеканала «Лада-ТВ» С. Ивановым, а в ноябре того же года погиб главный редактор названной телекомпании С. Логинов. От рук киллеров погибли главный редактор независимой газеты «Тольяттинское обозрение» В. Иванов (апрель 2002 г.) и сменивший его на этом посту А. Сидоров (октябрь 2003 г.). В 2005 г. была попытка убийства директора компании «Медиа-Самара» Д. Сурьянинова. В эту компанию входили шесть газет, журнал, три телеканала и две радиостанции. Поиск убийц и заказчиков до сих пор продолжается⁹.

Активную позицию заняли средства массовой информации, блогеры и другие ресурсы социальных медиа при освещении всех подробностей нападения на журналиста газеты «Коммерсантъ» О. Кашина. В России начала формироваться система активного взаимодействия гражданского общества и СМИ как его важнейшего института. Между тем большое число важнейших проблем, связанных с деятельностью институтов гражданского общества, остается вне поля зрения средств массовой информации.

По мнению респондентов, в средствах массовой информации не хватает полноты и достоверности информации об основных проблемах жизни населения, некоторые события освещаются односторонне по заказу правящей элиты. В СМИ очень много негативной информации, которая формирует у россиян недоверие к институтам государственной власти и приводит к психическому и моральному опустошению. Многие россияне предлагают ввести цензуру на телеканалах, но не политическую, а нравственную. Граждане РФ предлагают ввести запрет не на открытые дискуссии между различными политическими силами и не на общественную экспертизу действий власти, а на демонстрацию по телевидению сцен жестокости, насилия, разврата. Велико количество россиян, негативно воспринимающих рекламу в СМИ, в том числе и политическую. Со стороны политической рекламы сосредоточивается поле для манипулирования общественным сознанием, прежде всего вокруг частично адекватно интерпретирующей группы. Здесь в первую очередь политическим деятелям и партиям необходимо совершенствовать механизм воздействия такой рекламы на изменение или закрепление тех или иных политических убеждений россиян.

На наш взгляд, Российскому государству надо совместно со средствами массовой информации выработать действенные механизмы духовно-идеологического влияния на общество, в первую очередь на подрастающее поколение, в вопросах искоренения негативных тенденций в стране, воспитания патриотизма и сохранения лучших традиций народов Российской Федерации.

В России имеются положительные тенденции в процессах политической структуризации общества: происходит рост числа и объема деятельности структур гражданского общества; властью создаются определенные условия для их свободного самостоятельного развития; повышается гражданская активность россиян.

Перед средствами массовой информации стоит задача дальнейшего формирования политической и гражданской культуры, которая позволила бы нашему обществу выйти на новый уровень развития и помогла бы укоренению демократических ценностей, стать центром общественного и гражданского согласия.

Примечания

- 1 Орлова О. В. Гражданское общество и личность : политико-правовые аспекты. М., 2005. С. 88–89.
- 2 См.: Милехин А. В., Шарков Ф. И. Социологический мониторинг средств массовой информации и электро-рального поведения. М., 2003. С. 62.
- 3 См.: Лайдинен Н. В. Образ России в зеркале российского общественного мнения // Социс. 2001. № 4. С. 30.
- 4 См.: Ильичёв И. Свободы слова стало больше // Известия. 2005. 22 сент.
- 5 Солженицын А. Наш дух сильнее гнетущего бытия // Аргументы и факты. 2001. № 4. С. 3.
- 6 См.: Широков Б. Персональная «правда» // Пульс Поволжья. 2004. 7 июля.
- 7 См.: «Нечитающая Россия» // Рос. газ. 2005. 25 нояб. ; Как часто мы читаем книги? // Труд. 2006. 31 авг.
- 8 Ответы В. В. Путина на вопросы граждан России для программы «Разговор» 15 декабря 2011 года // Рос. газ. 2011. 16 дек.
- 9 См.: Караулова Л. Заточка против слова // Аргументы и факты. Самара. 2003. № 42. С. 1. ; Имуков С. Кровавое обозрение // Рос. газ. 2005. 24 мая.

УДК: 378.091.2 + [378.016: 32] (470+571)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТАНДАРТОВ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В. Г. Семенова, Е. В. Сергеева

Саратовский государственный университет
E-mail: semenovavg@mail.ru, sergeevaev@inbox.ru

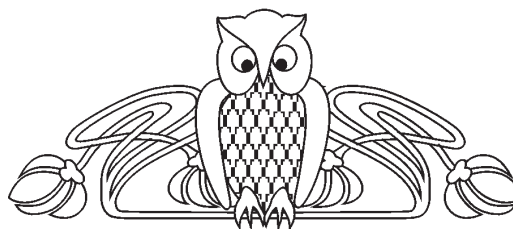
В статье рассматриваются основные методологические и практические сложности, возникшие перед политологическим научным сообществом при переходе на двухуровневую систему образования и реализации государственных образовательных стандартов третьего поколения. Авторами не только названы ключевые проблемы, но и предложены возможные варианты их решения, а также обозначены перспективные направления развития политологического образования в региональных вузах.

Ключевые слова: система образования, политологическое образование, федеральный государственный образовательный стандарт, бакалавриат, магистратура.

Political Science Education in Terms of Adaptation State Standards of Third-Generation

V. G. Semenova, E. V. Sergeeva

The basic methodological and practical difficulties of political scientists' community while transition to a two-level system of education and realization of State educational standards of the third generation are considered in this article. The authors not only highlight the key

problems, but also offer possible ways of their solution and suggest potential directions of development of the political science education in regional universities.

Key words: educational system, political education, federal state educational standard, bachelor and postgraduate degrees.

Возникновение и развитие любой науки напрямую связано с формированием и развитием профессионального сообщества, разработкой инновационных методов научных исследований и продуцированием новых знаний. Ключевую роль в этих процессах с момента своего появления стали играть классические университеты как центры, в которых учебная и научная деятельность гармонично дополняет и стимулирует одна другую. Поэтому когда возникает вопрос о состоянии современного научного знания, проблемах и противоречиях в науке, прежде всего обращают внимание на систему подготовки и воспроизводства научных кадров в рамках образовательной системы.

На наш взгляд, Российскому государству надо совместно со средствами массовой информации выработать действенные механизмы духовно-идеологического влияния на общество, в первую очередь на подрастающее поколение, в вопросах искоренения негативных тенденций в стране, воспитания патриотизма и сохранения лучших традиций народов Российской Федерации.

В России имеются положительные тенденции в процессах политической структуризации общества: происходит рост числа и объема деятельности структур гражданского общества; властью создаются определенные условия для их свободного самостоятельного развития; повышается гражданская активность россиян.

Перед средствами массовой информации стоит задача дальнейшего формирования политической и гражданской культуры, которая позволила бы нашему обществу выйти на новый уровень развития и помогла бы укоренению демократических ценностей, стать центром общественного и гражданского согласия.

Примечания

- 1 Орлова О. В. Гражданское общество и личность : политико-правовые аспекты. М., 2005. С. 88–89.
- 2 См.: Милехин А. В., Шарков Ф. И. Социологический мониторинг средств массовой информации и электро-рального поведения. М., 2003. С. 62.
- 3 См.: Лайдинен Н. В. Образ России в зеркале российского общественного мнения // Социс. 2001. № 4. С. 30.
- 4 См.: Ильичёв И. Свободы слова стало больше // Известия. 2005. 22 сент.
- 5 Солженицын А. Наш дух сильнее гнетущего бытия // Аргументы и факты. 2001. № 4. С. 3.
- 6 См.: Широков Б. Персональная «правда» // Пульс Поволжья. 2004. 7 июля.
- 7 См.: «Нечитающая Россия» // Рос. газ. 2005. 25 нояб. ; Как часто мы читаем книги? // Труд. 2006. 31 авг.
- 8 Ответы В. В. Путина на вопросы граждан России для программы «Разговор» 15 декабря 2011 года // Рос. газ. 2011. 16 дек.
- 9 См.: Караулова Л. Заточка против слова // Аргументы и факты. Самара. 2003. № 42. С. 1. ; Имуков С. Кровавое обозрение // Рос. газ. 2005. 24 мая.

УДК: 378.091.2 + [378.016: 32] (470+571)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ АДАПТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТАНДАРТОВ ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ

В. Г. Семенова, Е. В. Сергеева

Саратовский государственный университет
E-mail: semenovavg@mail.ru, sergeevaev@inbox.ru

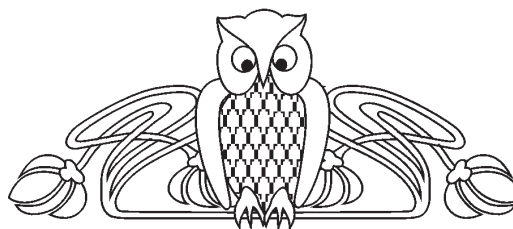
В статье рассматриваются основные методологические и практические сложности, возникшие перед политологическим научным сообществом при переходе на двухуровневую систему образования и реализации государственных образовательных стандартов третьего поколения. Авторами не только названы ключевые проблемы, но и предложены возможные варианты их решения, а также обозначены перспективные направления развития политологического образования в региональных вузах.

Ключевые слова: система образования, политологическое образование, федеральный государственный образовательный стандарт, бакалавриат, магистратура.

Political Science Education in Terms of Adaptation State Standards of Third-Generation

V. G. Semenova, E. V. Sergeeva

The basic methodological and practical difficulties of political scientists' community while transition to a two-level system of education and realization of State educational standards of the third generation are considered in this article. The authors not only highlight the key

problems, but also offer possible ways of their solution and suggest potential directions of development of the political science education in regional universities.

Key words: educational system, political education, federal state educational standard, bachelor and postgraduate degrees.

Возникновение и развитие любой науки напрямую связано с формированием и развитием профессионального сообщества, разработкой инновационных методов научных исследований и продуцированием новых знаний. Ключевую роль в этих процессах с момента своего появления стали играть классические университеты как центры, в которых учебная и научная деятельность гармонично дополняет и стимулирует одна другую. Поэтому когда возникает вопрос о состоянии современного научного знания, проблемах и противоречиях в науке, прежде всего обращают внимание на систему подготовки и воспроизводства научных кадров в рамках образовательной системы.

Российская политическая наука – дисциплина молодая, ее академическое и институциональное существование в российском образовательном пространстве насчитывает чуть более двадцати лет¹. Колоссальный шаг, который она сделала за этот период от нескольких столичных центров до широкой сети профессионального сообщества, структурированного в рамках разнообразных научных направлений и школ, напрямую связан с развитием академического сообщества. Именно вузы, особенно в региональном пространстве, стали институциональной базой этого процесса. Факторами, способствующими этому процессу, являлись следующие аспекты: включение политологии как общеобязательной гуманитарной дисциплины в стандарты подготовки специалистов всех профилей, разработка стандартов по подготовке специалистов-политологов, функционирование системы послевузовского образования и защиты диссертаций по политическим наукам.

В этой связи мы можем сказать, что в постсоветский период со стороны государства были созданы достаточно «свободные» условия для становления и развития политологического сообщества, которые обеспечили быстрый количественный рост числа профессиональных политологов. В то же время создавались основные институты саморегулирования политического сообщества (деятельность УМС, диссертационные советы по политической науке, Российская ассоциация политической науки и т. д.), которые во многом осуществляли рефлексию качества исследований и подготовки специалистов. Усилиями этих двух элементов во многом и определяются тенденции развития политологического образования. И сегодня, на этапе активного реформирования системы образования, государство вновь пересматривает фундаментальные цели, задачи, принципы, нормы и правила осуществления образовательной деятельности, а на профессиональное сообщество возлагается задача их эффективной реализации. Поэтому от слаженной работы этих двух элементов зависит дальнейшее развитие образования и науки в целом, и политической науки в частности.

На сегодняшний день в политической литературе нет единства по поводу интерпретации терминов «политическое образование» и «политологическое образование»: некоторые ставят знак равенства между этими понятиями, другие же, напротив, стремятся разграничить их. Также политологическое образование можно рассматривать, с одной стороны, как процесс преподавания политологии в вузе, а с другой стороны, как системную организацию обучения профессиональных политологов.

В нашем случае мы будем придерживаться следующей интерпретации данных понятий. Под *политическим образованием* мы будем понимать целенаправленный, системный и разнообразный по формам и методам процесс формирования знаний о политике, политических ценностей и

моделей политического поведения, субъектами которого выступают как политические, так и гражданские институты общества. Данный вид образования осуществляется в рамках всего социума, и вузы являются в этом случае важнейшим, но не единственным институтом, реализующим его цели и задачи.

Ключевые различия между политическим и политологическим образованием в вузе заключаются в цели и, соответственно, в конечном результате обучения. В первом случае необходимо выработать критическое, рациональное и объективное представление о политических институтах и процессах, подготовить человека к исполнению разных политических ролей, развить способность делать самостоятельный выбор и нести за него ответственность. Политологическое же образование носит более узкий характер, мы можем его определить как обучение методам и способам научного познания мира политического, которое строится на принципах объективности, критичности, верифицируемости и т. д. Наиболее полно оно реализуется при подготовке политологов. Для непрофильных специальностей оно осуществляется отчасти: преподавание тоже ориентируется на последние научные достижения, объективность и рациональность познания, а также включает в себя элементы политического информирования и политического воспитания.

Мы под *политологическим образованием* будем понимать процесс профессиональной подготовки политологов, который осуществляется в высших учебных заведениях в соответствии с теми целями и задачами, которые изложены в государственном стандарте. В данном случае политологическое образование является *объектом* нашего исследования.

Предметом же нашего изучения выступает осуществление политологического образования в высших учебных заведениях в условиях завершения обучения специалистов-политологов и одновременно образовательной деятельности в рамках двухступенчатой модели «бакалавриат – магистратура» по политическим наукам. Этот переход мы можем рассматривать как последнюю, но, несомненно, важную стадию реализации государственных решений по внедрению новых правил, норм, требований к осуществлению образовательной деятельности. Это один из самых сложных этапов для современного образования в общем и для политологического образования в частности. Поэтому анализ основных проблем и выявление определенных перспектив развития политологического образования в условиях адаптации двухуровневой системы обучения являются чрезвычайно важной и актуальной темой для научной дискуссии.

Институциональные изменения в системе образования во многом осуществлялись по традиционной логике российских модернизационных процессов: инициатива реформировать ту или

иную отрасль исходит от государства, а общество в короткие сроки перестраивается для реализации намеченных государством целей. В этой связи важнейшими проблемами становятся: адаптация нововведенных институтов в чужеродной для них среде, изменение культурных стереотипов общества, увеличение интенсивности коммуникационных процессов для формирования единого понимания целей и задач предпринятых реформ. Именно эти факторы определяют возможность эффективной реализации принятых решений.

Сегодняшние реформы в системе образования, инициированные присоединением к Болонскому процессу, весьма неоднозначно оценивались (и оцениваются) в высшей школе, вызвали ряд организационных, методических, психологических и коммуникативных проблем в учебных заведениях.

Прежде всего вузы столкнулись с отсутствием четкого нормативного регулирования новой системы образования. Так, в соответствии со ст. 6 ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в РФ с 2009 г. было установлено три вида высшего образования – бакалавриат, магистратура и аспирантура, которые должны одновременно реализовываться вузами². В проекте нового Закона «Об образовании» (на 14 октября 2011 г., версия 3.0.2) также подтверждаются три уровня высшего образования³: 1) бакалавриат, 2) специалист и магистратура, 3) подготовка научно-педагогических кадров, ординатура, ассистентура-стажировка⁴. Таким образом, в действующем законе и проекте будущего закона присутствует четкое определение лишь того, что бакалавриат, специалист и магистратура – это три совершенно самостоятельных и разных по объему и степени сложности, иерархически соподчиненных друг другу (поступление в магистратуру невозможно без окончания бакалавриата или специалиста, а в аспирантуру – без окончания специалиста и магистратуры) вида высшего образования. Данная ситуация обосновывается необходимостью реализации доктрины непрерывного образования «через всю жизнь», возможности построения индивидуальной стратегии обучения, создания условий для повышения квалификации и углубления своих знаний по выбранному направлению.

Таким образом, Министерство образования и науки определило лишь общие черты новой системы образования, регламентируя процедурные вопросы согласования нормативных документов и получения аккредитации на осуществление той или иной образовательной программы, оставляя вопросы качественного характера (разработка государственных стандартов, профили обучения, учебных планов, программ и т. д.) профессиональному сообществу для самостоятельного решения. Отдельные уточнения были даны высшими должностными лицами министерства. В частности, комментируя переход на двухуровневую систе-

му, министр образования А. Фурсенко отметил: «...четырёхлетний бакалавриат будет обеспечивать кадры для текущих потребностей экономики, магистратура же будет готовить специалистов, занимающихся глубокими научными разработками, обеспечивающими будущее страны»⁵.

При этом позиция министерства по вопросам перехода на двухуровневую систему предполагает и качественное обновление системы преподавания. Как отмечал директор департамента государственной политики в образовании Минобрнауки И. Реморенко, «введение двухуровневого образования – не просто формальное превращение пятилетних образовательных программ в шестилетние, имеющих промежуточные результаты после четырех лет обучения. Трансформируется сама организация учебного процесса»⁶. Очевидно, что такая трансформация требует длительного периода адаптации нововведений.

В рамках политологического образования сегодня созданы и утверждены два федеральных государственных стандарта третьего поколения – «бакалавра» и «магистра», – которые стали основополагающими документами для организации работы по подготовке политологов в системе высшего образования. Трудности реализации этих стандартов, с одной стороны, связаны с общими проблемами реализации стандартов третьего поколения, а с другой стороны, обусловлены спецификой политологического образования.

Первая, и основополагающая методологическая проблема, на наш взгляд, обусловлена сохранением переходного состояния, когда завершается работа по обучению специалистов и уже активно ведется работа по подготовке бакалавров и магистров, и заключается в понимании разницы между специалистом-«политологом» и бакалавром и магистром, обучающимися по направлению «Политология».

Введение любых изменений приводит неизбежно к ломке традиционного стереотипного образа мысли и действия и очень часто наталкивается на немалое сопротивление со стороны общественности. Состояние переходности создает ряд психологических трудностей при восприятии места и роли бакалавриата (и среди профессорско-преподавательского состава, и со стороны самих студентов) как к «недоученным» специалистам, как к незавершенному образованию. Более того, подобное отношение транслируется и на рынок труда, где пока бакалавриат не рассматривается как базовое образование для текущих потребностей экономики. Хотя п. 7 ст. 6 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» определено, что «квалификация “бакалавр” при поступлении на работу дает гражданину право на занятие должности, для которой квалификационными требованиями предусмотрено высшее профессиональное образование»⁷. Скорее всего, со временем эта проблема будет успешно решена, однако общее впечатление

снижения содержательности, а следовательно, и качества высшего образования присутствует.

Как справедливо отмечает профессор Н. Ф. Голованова, «нельзя не признать, что диплом бакалавра пока в нашей стране не воспринимается как ученая степень»⁸. Это еще одна серьезнейшая проблема, вставшая перед научным политологическим сообществом в настоящее время. Анализ некоторых учебных планов по направлению подготовки «Политология», находящихся в открытом доступе, показывает, что факультеты и выпускающие кафедры политических наук, создавая учебные планы, ориентировались главным образом на уже наработанный опыт подготовки специалистов. Была выбрана стратегия наименьшего сопротивления, главным аргументом здесь стала необходимость сохранения учебной нагрузки, кадров, научных достижений профильных кафедр. Ориентация на «свои» давно разработанные и апробированные профессиональные курсы привела к тому, что бакалавриат стал уменьшенной в академических часах «технической копией» специалитета. Сокращению подверглись прежде всего дисциплины гуманитарного, социологического и экономического и математического и естественнонаучного циклов.

Такая ситуация характерна не только для политологического образования, но и для всего высшего образования, когда под сокращение попадают непрофильные дисциплины, хотя во многих стандартах число общекультурных компетенций, которые как раз и должны реализоваться данными курсами, превосходит профессиональные компетенции. Так, в ФГОСе бакалавриата по направлению подготовки «Политология» предусмотрено 23 общекультурные и 18 профессиональных компетенций⁹. Возникает вопрос об оценке данной тенденции.

Некоторые исследователи негативно относятся к сложившейся ситуации. Так, Н. Ф. Голованова считает: «...главной становится не профессиональная подготовка, а социализация молодежи, приобщение ее к системе социальных связей, норм и ценностей современного общества. Современный студент испытывает потребность не столько в профессиональных, сколько в общих компетенциях, без которых затруднено его общение и обеднена социализация. В высшем образовании доминантой становится не собственно обучение, освоение информации и профессиональных навыков, а формирование способности (готовности) самостоятельно и результативно действовать в реальных жизненных и профессиональных ситуациях»¹⁰.

Отчасти с этой позицией можно согласиться. Анализ содержания общекультурных компетенций, предложенных федеральным стандартом, позволяет говорить о том, что большая часть из них ориентирована именно на социальную адаптацию выпускника вуза, на осуществление трудовой деятельности в сложных условиях современной

стадии развития общества с учетом таких ее особенностей, как конфликтность, рискогенность, высокая динамичность, информативность и т. д. Безусловно, целый ряд общекультурных компетенций может быть и, скорее всего, реализуется в дисциплинах профессионального блока. Однако с учетом специфики политической науки, а также ориентированности новых стандартов на практическое применение полученных знаний, на рынок труда, возникает вопрос о полноценном формировании, например, языковых компетенций, математических навыков, знания компьютерных технологий, без которых вообще сегодня сложно осуществлять любую профессиональную деятельность. Очевидно, что политологическое образование, чтобы быть востребованным на рынке труда, должно быть ориентировано на получение не только узкопрофессиональных знаний, но и более широкой компетентностной базы для работы в самых разных сферах. Так, на сайте факультета политологии МГУ указывается, как минимум, на девять профессиональных направлений, где могут работать политологи: исследователь политики, преподаватель политических наук, политический лидер, дипломат, политический аналитик, PR-менеджер, государственный служащий, политический журналист, политтехнолог, GR-менеджер¹¹, и этот список при желании можно продолжить.

Что же касается формирования именно профессиональной составляющей образовательных программ, то в этой связи возникает вполне закономерный вопрос о разработке профилей для политологического образования. ФГОС не формулирует особых требований для создания в рамках бакалавриата профилей обучения, оставляя это в распоряжении вуза. Более того, два ведущих российских вуза (МГУ и СПбГУ), а также 40 учебных заведений, имеющих статус научно-исследовательских университетов, по новому законодательству получили право разрабатывать собственные образовательные стандарты по различным направлениям подготовки. В частности, факультет политологии МГУ уже воспользовался своим правом и ввел в действие собственный университетский образовательный стандарт по направлению подготовки «Политология», в котором значительно пересмотрены требования ФГОСа к уровню и качеству подготовки. Согласно новому стандарту в МГУ предусмотрено 9 профилей подготовки бакалавров-политологов¹², в НИУ ВШЭ – 4 профиля¹³, в МГИМО¹⁴ и СПбГУ¹⁵ – по 3 профиля, позволяющих создавать и развивать конкретные научные направления в вузах, а также сохранять накопленные традиции подготовки студентов. Соответственно, выбор необходимых дисциплин для обучения по профилям определяется в каждом случае самостоятельно.

Осуществлять подобную работу во многом позволяет то, что в данных учебных заведениях существуют факультеты политологии, в рамках которых возможно аккумулировать усилия

большого количества специалистов, способных реализовать разнообразные учебные программы. Региональные же вузы значительно отстают в этом отношении по причине ресурсной ограниченности, что неоднократно становилось темой для серьезных дискуссий внутри политологического сообщества. Необязательность создания профилей приводит к тому, что они попросту не принимаются. А это свидетельствует о неподготовленности вузов в обеспечении возможностей индивидуальной траектории образования, для чего в стандартах предусмотрены курсы по выбору. С нашей точки зрения, это должна быть продуманная, последовательная концепция, когда определенные курсы по выбору, продолжая друг друга, логично работают на выбранный профиль направления подготовки. Этого тоже пока не происходит, и выбор осуществляют сами профилирующие кафедры, что также не совсем вписывается в новую концепцию образования.

На наш взгляд, работа по созданию профилей в региональных вузах, в том числе и с учетом региональной специфики, может благоприятно сказаться на будущем развитии отечественного политологического образования в целом, поскольку позволит создавать новые направления исследования и обучения. В то же время она может послужить основой для поиска каждым отдельным региональным политологическим сообществом своего специфического и уникального научного направления.

Уникальные образовательные программы возможно формировать и реализовывать и в формате магистратуры. Однако функционирование магистратуры в сегодняшних условиях также вызывает ряд вопросов для размышления и обсуждения. Следуя логике, магистратура воспринимается как обязательная ступень для завершения высшего профессионального образования по выбранному направлению, более узкая, более утилитарная, позволяющая углубить знания и сформировать практические научно-исследовательские, педагогические и узкопрофессиональные навыки. С другой стороны, в соответствии с Федеральным законом «Об образовании», чтобы поступить в магистратуру, не обязательно иметь профильное образование, то есть в отношении политологии это, например, могут быть выпускники социологического, исторического, экономического, философского и иных гуманитарных направлений. В таком случае бакалавриат по политологии и магистерские программы по политическим наукам, реализуемые на кафедрах политических наук, не должны быть привязаны друг к другу.

Однако магистерские программы, как правило, составлены кафедрами также под определенные научные и кадровые интересы и ориентированы на уже имеющиеся знания в области политической теории и методологии, основных направлений политического анализа, направлений современной политологии. В этой связи возни-

кает достаточно сложный вопрос, каким образом выстраивать учебный процесс в магистратуре, поскольку лишь бакалавры-политологи будут обладать определенной базой фундаментальных знаний и навыков. Соответственно, перед преподавателями встанет вопрос: ориентироваться на изучение базовых понятий и теорий, что уже известно бакалаврам, либо попытаться формировать профессиональные навыки без фундаментальной теоретической подготовки некоторых магистрантов? Отчасти блок обязательных общепрофессиональных дисциплин, предусмотренных государственным стандартом, может снять это противоречие, однако вопрос о совершенно разном базовом уровне образования магистрантов в рамках одной группы, что затрудняет реализацию единой программы обучения, остается весьма актуальным.

Но мы согласны с мнением научного руководителя факультета прикладной политологии НИУ ВШЭ М. Урнова о том, что нельзя допускать, чтобы дисциплины магистратуры дублировали содержание дисциплин бакалавриата, такое дублирование дискредитирует саму идею магистратуры¹⁶. На наш взгляд, одним из возможных вариантов выхода из сложившейся ситуации может быть формирование индивидуального подхода к каждому обучающемуся в магистратуре: это могут быть выполнение индивидуальных заданий, участие в дискуссиях, тренингах, разработка собственных проектов в ходе практических занятий по различным дисциплинам и спецкурсам, в рамках которых магистрант может самостоятельно ознакомиться с теорией проблемы. При этом преподаватель выполняет направляющую функцию, осуществляет консультации и контроль освоения дисциплины, но не выносит многие теоретические вопросы в содержание курса. Тем более что в соответствии с новым государственным стандартом структура учебного процесса подготовки магистров должна быть иной, нежели в бакалавриате, а именно содержать не более 20% лекций, а практические занятия следует проводить в интерактивной форме. По мнению некоторых специалистов, сама роль преподавателя в формате магистратуры должна стать иной. Так, исследователь Г. В. Панина полагает, что «в магистратуре преподаватель не столько лектор и руководитель обучения, сколько консультант и инициатор творческой активности студента»¹⁷. Такой подход как нельзя лучше способствует формированию именно индивидуальной траектории обучения магистранта, что само по себе является важнейшей составляющей двухуровневой системы образования. В стандарте отдельно подчеркнута, что формирование индивидуальной линии обучения является правом студента-магистранта и необходимым условием реализации магистерских программ¹⁸.

На возможность формирования индивидуальной траектории обучения направлены и пред-

усмотренная модульная система образования, а также курсы по выбору студента. Это касается как бакалавриата, так и магистратуры и является одним из ключевых принципов формирующейся системы образования. Конечно, это не означает, что студенты изучают только то, что хотят. Индивидуальная траектория образования – это возможность осознанного выбора из предложенного набора дисциплин. Однако наполнение образовательной программы дисциплинами по выбору, на наш взгляд, также должно быть продуманным, последовательным, работающим на формирование определенных профессиональных компетенций.

В этой связи возникает еще одна очень важная проблема адаптации государственных стандартов третьего поколения – неработающая новая система аттестации, ориентированная на кредитные единицы, а следовательно, и отсутствие межвузовской коммуникации как внутри государства, так и за его пределами. Те преимущества, о которых неоднократно говорили сторонники Болонской системы, а именно использование единой общеевропейской кредитной системы ECTS, которая становится основой учета и контроля полученных студентом знаний в любом учебном заведении, стимуляция академической мобильности студентов и преподавателей с целью проведения политики международной открытости вузов, введение систем измерения качества образования в направлении общеевропейского понимания, объединение академических ресурсов и культурно-образовательных традиций разных стран в реализации интегрированных образовательных программ, что позволит студентам расширить свои познавательные возможности и укрепить уверенность в своих силах, формирование подхода к образованию как процессу, длящемуся всю жизнь, активизация студенчества в качестве действенного субъекта получения знаний и приобретения необходимых трудовых навыков, открытость вузов для международного академического сотрудничества в области учебной деятельности, научных исследований, привлечение студентов к многосторонним междисциплинарным проектам¹⁹, попросту не были заложены в процесс составления образовательных программ, в силу чего при сохранении сегодняшних условий попросту не могут быть реализованы.

В итоге анализ практики реализации ФГОС третьего поколения при переходе на двухуровневую систему образования выявил ряд достаточно серьезных дискуссионных проблем, с которыми столкнулось политологическое научное и преподавательское сообщество в настоящее время. Те изменения, которые произошли, еще рано оценивать, сегодня мы можем говорить лишь об условиях, которые они создали для дальнейшего развития академической науки. Те идеи и принципы организации учебного процесса, которые инициировало государство, действительно способны изменить не только формальные, но и

качественные характеристики политологического образования, делая его более динамичным, индивидуализированным, способным соединить как высокий теоретический уровень, так и практическую ориентацию. Но все это сегодня полностью зависит от вуза и его возможностей.

Академическая свобода создавать профили обучения, открывать авторские образовательные программы, а также принимать собственные университетские образовательные стандарты, с одной стороны, способна привести к абсолютно новому высшему образованию, в том числе и политологическому, которое будет отражать потребности рынка труда и станет основой для дальнейшего развития научных школ и направлений. Работа столичных вузов показывает большой потенциал политических знаний и навыков в разных профессиональных сферах, в силу чего одной из перспективных областей политологического образования могут стать междисциплинарные профили обучения бакалавров и магистров. Это так же актуально и для региональной политической науки, которая, таким образом, сможет занять свою нишу в структуре политологического сообщества, но сегодня из-за недостатка информационных, коммуникационных, административных, финансовых и других ресурсов испытывает некоторые трудности на пути достижения этой цели. Но с другой стороны, та же самая академическая свобода и, как следствие ее, сосуществование совершенно разных моделей образования могут стать основой для фрагментации единого образовательного пространства страны, создавая все больше вопросов и проблем, увеличивая разницу между центральными и периферийными вузами.

Примечания

- ¹ Хотя вопрос о точке отсчета возникновения политической науки в России на сегодняшний день является открытым для обсуждения. В нашем исследовании мы ведем речь о процессах становления и развития политологического образования как основы формирования политической науки, поэтому конец 1980 – начало 1990-х гг. мы берем за отправную точку развития политологии как академической дисциплины.
- ² О высшем и послевузовском профессиональном образовании : Федер. закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3995/> (дата обращения: 30.10.2011).
- ³ «Уровень образования – формализованный показатель завершенного цикла образования определенного объема и степени сложности». Проект федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (на 30 декабря 2011 г., версия 3.0.2). URL: <http://mon.gov.ru/dok/proj/7786/> (дата обращения: 02.02.2012).
- ⁴ Там же.
- ⁵ Университеты на пути к новому качеству образования // Приоритетные национальные проекты : [сайт]. URL:

- http://www.rost.ru/news/2008/06/111626_14338.shtml (дата обращения: 30.10.2011).
- 6 Реморенко И. На два уровня современнее. URL: <http://mon.gov.ru/ruk/zam/remorenko/int/5205/> (дата обращения: 02.02.2012).
 - 7 О высшем и послевузовском профессиональном образовании : Федер. закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ.
 - 8 Голованова Н. Ф. Бакалавриат как проблема // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 37.
 - 9 Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 «Политология» (квалификация (степень) бакалавр). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm768-1.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
 - 10 Голованова Н. Ф. Указ. соч. С. 40.
 - 11 Факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: <http://polit.msu.ru/> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 12 Там же.
 - 13 НИУ ВШЭ. Факультет прикладной политологии. URL: <http://fpp.hse.ru/curriculum> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 14 Московский государственный институт международных отношений МИД России : [сайт]. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politsc/docs/document10573.phtml> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 15 Факультет политологии. Санкт-Петербургский государственный университет : [сайт]. URL: <http://www.politology.spbu.ru/rus/education/entrant/> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 16 См.: Такого большого числа бюджетных мест не было никогда. Интервью с научным руководителем факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ М. Ю. Урновым. URL: <http://www.hse.ru/news/admission/20221960.html> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 17 Панина Г. В. К вопросу о компетенциях и статусе бакалавра // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 42.
 - 18 Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 «Политология» (квалификация (степень) магистр). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm768-1.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
 - 19 См.: Болонский процесс / под науч. ред. проф. В. И. Байденко. М., 2005.

УДК 321.7 (470+571)

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

М. В. Горбачёв

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktp@sgar.ru

Статья посвящена анализу основных направлений цивилизационно-сравнительного изучения политики, их возможностям и эффективности применения. Автор обращается к моделям макрокультурной интерпретации политики, основанным как на единстве цивилизационных общностей, так и на их типологическом многообразии.

Ключевые слова: методологические модели, цивилизационные исследования, «центральная цивилизация», цивилизационный тип, макрокультурные различия, цивилизационные «коды», цивилизационный инструментарий.

**Civilization Research Policy:
Methodology Unity and Diversity**

M. V. Gorbachov

This article deals with problems of the search of the main trends comparative civilization policy research (resource and effectiveness). The main attention paid to macro models of study policy: theory of «central civilization» and concept of local civilization.

Key words: methodological models, civilization research, «central civilization», type of civilization, macroculture diversity, civilization «codes», civilization instruments.

Цивилизационные исследования политики являются одним из важнейших направлений в современной политической компаративистике. Европейские, американские, восточные ученые в области макрокультурных исследований ведут активную научную полемику на страницах таких специализированных научных журналов, как «Journal of World-Systems Research», «Comparative Civilization Research», «Comparative Civilization review», «Civilization analysis» и др.

Отечественные цивилизационисты активно дискутируют со своими зарубежными коллегами, критикуют их модели социокультурного анализа политики, предлагают свои подходы. В результате вокруг концепта «цивилизация» и его возможностей как инструмента анализа политической реальности сформировался собственный научный дискурс. Он имеет свою специфику, отличительные характеристики. Мы считаем, одна из таких особенностей состоит в том, что ученые понимают цивилизацию не только в разных культурных смыслах, но и в разном «числовом выражении».

- http://www.rost.ru/news/2008/06/111626_14338.shtml (дата обращения: 30.10.2011).
- 6 Реморенко И. На два уровня современнее. URL: <http://mon.gov.ru/ruk/zam/remorenko/int/5205/> (дата обращения: 02.02.2012).
 - 7 О высшем и послевузовском профессиональном образовании : Федер. закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ.
 - 8 Голованова Н. Ф. Бакалавриат как проблема // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 37.
 - 9 Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 «Политология» (квалификация (степень) бакалавр). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm768-1.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
 - 10 Голованова Н. Ф. Указ. соч. С. 40.
 - 11 Факультет политологии МГУ им. М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: <http://polit.msu.ru/> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 12 Там же.
 - 13 НИУ ВШЭ. Факультет прикладной политологии. URL: <http://fpp.hse.ru/curriculum> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 14 Московский государственный институт международных отношений МИД России : [сайт]. URL: <http://www.mgimo.ru/study/faculty/politisc/docs/document10573.phtml> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 15 Факультет политологии. Санкт-Петербургский государственный университет : [сайт]. URL: <http://www.politology.spbu.ru/rus/education/entrant/> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 16 См.: Такого большого числа бюджетных мест не было никогда. Интервью с научным руководителем факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ М. Ю. Урновым. URL: <http://www.hse.ru/news/admission/20221960.html> (дата обращения: 30.10.2011).
 - 17 Панина Г. В. К вопросу о компетенциях и статусе бакалавра // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 42.
 - 18 Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030200 «Политология» (квалификация (степень) магистр). URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm768-1.pdf (дата обращения: 30.10.2011).
 - 19 См.: Болонский процесс / под науч. ред. проф. В. И. Байденко. М., 2005.

УДК 321.7 (470+571)

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ

М. В. Горбачёв

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: ktpp@sgar.ru

Статья посвящена анализу основных направлений цивилизационно-сравнительного изучения политики, их возможностям и эффективности применения. Автор обращается к моделям макрокультурной интерпретации политики, основанным как на единстве цивилизационных общностей, так и на их типологическом многообразии.

Ключевые слова: методологические модели, цивилизационные исследования, «центральная цивилизация», цивилизационный тип, макрокультурные различия, цивилизационные «коды», цивилизационный инструментарий.

**Civilization Research Policy:
Methodology Unity and Diversity**

M. V. Gorbachov

This article deals with problems of the search of the main trends comparative civilization policy research (resource and effectiveness). The main attention paid to macro models of study policy: theory of «central civilization» and concept of local civilization.

Key words: methodological models, civilization research, «central civilization», type of civilization, macroculture diversity, civilization «codes», civilization instruments.

Цивилизационные исследования политики являются одним из важнейших направлений в современной политической компаративистике. Европейские, американские, восточные ученые в области макрокультурных исследований ведут активную научную полемику на страницах таких специализированных научных журналов, как «Journal of World-Systems Reseach», «Comparative Civilization Research», «Comparative Civilization review», «Civilization analysis» и др.

Отечественные цивилизационисты активно дискутируют со своими зарубежными коллегами, критикуют их модели социокультурного анализа политики, предлагают свои подходы. В результате вокруг концепта «цивилизация» и его возможностей как инструмента анализа политической реальности сформировался собственный научный дискурс. Он имеет свою специфику, отличительные характеристики. Мы считаем, одна из таких особенностей состоит в том, что ученые понимают цивилизацию не только в разных культурных смыслах, но и в разном «числовом выражении».

«Классическая теория» цивилизаций основана на принципе многообразия цивилизаций и, как следствие, форм политики в них. Ее смысл состоит в сравнении политической жизни различных обществ посредством анализа и интерпретации специфических особенностей цивилизаций, к которым они относятся¹. Исследователи, придерживающиеся такого методологического тренда, в основу концепта «цивилизация» вкладывают культурно-религиозную специфику². Согласно их теоретическим постулатам, она программирует внутренние политические особенности развития общества и государства, а также характер их внешних отношений с другими макрокультурами (конфликт, сотрудничество, изоляция и т. д.)³.

Указанный способ интерпретации политической действительности как внутри каждого отдельного государства, так и на уровне межгосударственного взаимодействия основывается на признании факта существования определенного «раскола» между обществами по культурно-религиозному признаку, который может стать основой цивилизационного конфликта⁴. Как следствие, предполагается, что существует целый перечень макрокультур, общества и государства которых обладают специфичной внутренней и внешней политикой. Поэтому общества, входящие в разные цивилизации, могут как достаточно легко воспринимать друг друга, передавать политический опыт и традиции, так и находиться в состоянии перманентного соперничества и даже конфликта.

Обозначенной позиции придерживаются многие российские, европейские и американские ученые. Так, исторически первым и в отечественной, и в зарубежной компаративистике было деление цивилизаций по географическому принципу Запад – Восток⁵. Наиболее распространенные варианты данного понимания цивилизационного многообразия содержатся в трудах таких исследователей, как Г. Э. Грюнебаум (классический вариант Запад – Восток⁶), А. Кребер (культура реальность – культура ценность⁷), Г. Беккер (светская и священная культура⁸). Более масштабную модель цивилизационных типов представил российский цивилизационист Н. Я. Данилевский. Ученый выделил двенадцать цивилизационных общностей: египетскую, китайскую, ассирио-вавилонско-финикийскую, халдейскую, индийскую, иранскую, еврейскую, греческую, римскую, арабийскую, европейскую, российскую⁹.

Расширенную классификацию различных цивилизаций и форм политики в них предложил английский компаративист А. Тойнби. Он предположил, что существует двадцать одно культурное общество, девятнадцать из которых наиболее значимы. Причем в настоящее время их осталось десять¹⁰. Немецкий историк О. Шпенглер значительно сократил число возможных макрокультур и назвал только восемь цивилизаций: египетскую, вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую), арабскую (магическую), мексиканскую, западную¹¹.

В цивилизационной концепции немецкого компаративиста К. Ясперса также происходит сокращение числа макрокультур. Ученый выстраивает не горизонтальное позиционирование цивилизаций по отношению друг к другу, а вертикальное, деля все культурные общности на «осевые» и «доосевые». Цивилизации, преодолевшие эпоху «доосевого» времени, сформировали базовые ценности мышления (соотношение трансцендентного и мирского порядка), которые актуальны до сих пор. Макрокультуры, которые не смогли качественно и своевременно это сделать, либо погибли, либо вошли в состав других цивилизаций¹². Существенное уменьшение числа макрокультур присутствует в цивилизационной типологии другого европейского компаративиста – Ш. Эйзенштадта. Ученый выделил макрокультуры образования в зависимости от политического режима, который в них сложился. Согласно его подходу, существуют патримониальные, имперские, имперско-феодальные, централизованные бюрократические империи¹³.

Другой способ отнесения цивилизаций к разным группам на основе экономических параметров предложили И. Валлерстайн и В. Мак-Нил. Исследователи выделяют цивилизации центра, полупериферии и периферии. Критерием является степень участия макро общностей в глобальной мировой экономике и возможности их влияния на другие крупные общности¹⁴.

Синтез цивилизационной типологии И. Валлерстайна с марксистской парадигмой осуществил американский цивилизационист Д. Уилкинсон. Исследуя проблему постоянного перемещения культурного центра мира (на основе его внутренних экономических процессов и окружающей макрокультурной среды), он пришел к выводу, что существуют две макросоциальные общности: «центральная цивилизация» и «цивилизации периферии». «Центральная цивилизация» – это мировой культурный центр развития, который характеризуется динамизмом, постоянной трансформацией своей структуры. «Цивилизации периферии» следуют в фарватере эволюции этой макрокультуры¹⁵. В данной концепции число цивилизаций сокращается до двух основных, то есть происходит возврат к цивилизационным дискурсам А. Кребера, Г. Беккера, Г. Э. Грюнебаума.

Многие современные отечественные компаративисты также предлагают «двухполюсные» модели цивилизационных типологий. Так, Я. Г. Шемякин и С. Семенов полагают, что в настоящее время существуют только два типа цивилизаций: «классические» и «пограничные». «Классические» цивилизации отличаются целостностью, монолитным религиозным фундаментом (западно-христианская, южно-азиатская, конфуцианско-буддийская, исламская макрокультуры)¹⁶. В «пограничных» культурах, напротив, преобладают начала поликультурности и гетерогенности¹⁷.

Переход от двухполюсной типологии к универсальной модели классификации цивилизаций в современной политической компаративистике осуществил японский специалист в области макрокультурных отношений Ф. Фукуяма. Ученый выдвинул гипотезу, согласно которой все страны по мере модернизации непременно воспримут западные ценности и это будет означать конец истории цивилизаций¹⁸. В результате образуется общепланетарная макросоциальная общность, основанная на универсальных ценностях и принципах.

Возвращение к масштабной макрокультурной типологизации осуществил современный американский цивилизационист З. Бжезинский. Характеризуя проблемы и перспективы доминирования США в современной системе международных отношений, он разделил все макросоциальные общности на цивилизации-гегемоны (США), которые имеют возможность осуществлять глобальное вмешательство во все мировые процессы; цивилизации «демократического плацдарма» (центральная и восточная Европа, часть государств Азии и Тихоокеанского региона), которые способны на фрагментарное влияние в рамках своего континента; цивилизации – «черные дыры», бывшие в прошлом цивилизациями-гегемонами и в настоящее время утратившие эту важную роль (СССР – Россия)¹⁹.

В концепции еще одного американского компаративиста С. Хантингтона также представлена усложненная типологизация цивилизаций, характеризующая их многообразием. Так, он выделяет следующие макрокультуры: западную, исламскую, индуистскую, синскую, японскую, латиноамериканскую, православную, буддистскую, африканскую цивилизации²⁰.

Выделяя типы цивилизаций и систематизируя их (создание типологических моделей), компаративисты осуществляли попытки исследовать специфику политической жизни в различных макрообщностях. При этом подчеркивалось, что каждому из перечисленных выше типов культурных общностей присущ свой уникальный «код» политики. Учитывая то, что цивилизационных типологий в современной макро культурной компаративистике насчитывается более ста, критерии сравнения политических явлений, относящихся к различным типам макрокультур, в процессе применения неоднородных цивилизационных типологий становятся достаточно абстрактными. Проведение компаративного исследования в таких условиях представляется сложной, во многом трудновыполнимой задачей.

Определенный выход из такой «методологической проблемы» можно обнаружить в цивилизационной теории японского компаративиста К. Мияхары. Его понимание методологического инструмента проведения сравнительных исследований политики, то есть цивилизаций, по многим аспектам совпадает с концепциями

Ф. Фукуямы, Д. Уилкинсона, К. Ясперса, А. Кребера. Японский ученый сделал предположение, что цивилизация формируется при наличии системы «язык – валюта»²¹. Такая система для отдельной культурной общности работает над ее усовершенствованием. На международном уровне единые язык и валюта формируют международную цивилизацию.

Международная цивилизация является единой системой для всех наций и культур и способствует распространению среди них сходных черт с помощью международных языка и валюты²². Международная цивилизация образовалась благодаря определенному механизму, получившему название «перенос цивилизации». Японский компаративист описывал его следующим образом: в истории человечества перенос цивилизации осуществлялся тремя методами – во-первых, прямой метод, или передвижение людей, включая и миграцию, во-вторых, косвенный метод, или перенос цивилизации благодаря информации, заключенной в книгах, документах, товарах, телевизионных программах, художественных фильмах, в-третьих, завоевание или оккупация другими нациями²³. Механизм «переноса цивилизации», по мнению ученого, носит характер коммуникации, которая включает в себя отправителя, средство, канал, адресата.

Необходимо подчеркнуть, что в процессе «переноса цивилизации» активную роль играет именно адресат, поскольку отправитель, как правило, не заинтересован в переносе культуры, а адресат нуждается в новой или более развитой цивилизации. Таким образом, процесс «переноса» цивилизации в основном начинается по инициативе адресата, который обнаруживает, что существует значительный разрыв между уровнями развития цивилизации-отправителя и цивилизации-адресата, и формирует желание принять цивилизацию отправителя²⁴.

В то же время перенос цивилизации может быть успешным только в случае владения адресатом языком принимаемой цивилизационной общности. Если же адресат не имеет «языковых возможностей» и не располагает «знаниями и опытом», перенос цивилизации не может состояться²⁵. Основанием для этого является то, что культура отправителя выражается в его языке, так что адресат должен располагать «языковыми возможностями». Одновременно необходимо иметь знания и опыт, отсутствие которых может привести к искажению принимаемых принципов и норм макрокультуры отправителя. В результате «перенос» цивилизации может не состояться или привести к существенным макрокультурным сдвигам.

Таким образом, в современном цивилизационном подходе к интерпретации политики сосуществует множество методологических принципов. Один из них заключается в понимании макрокультуры как явления общего типологиче-

ского ряда, но обладающего уникальностью в силу своих религиозных, экономических, политических, военных, геополитических и других особенностей. Значение другого состоит в единстве макросоциальных образований, которое основывается на механизмах культурного переноса, цивилизационной коммуникации, экономической интеграции.

В результате в современной политической компаративистике универсальная теория цивилизации (теория «центральной цивилизации» К. Мияхары и др.), обладающая четким механизмом выделения цивилизационных типов (этапы присоединения обществ к «центральной цивилизации»), активно «конкурирует» с «классическим» цивилизационным подходом. Для него характерны множественность цивилизационных концептов и, как следствие, значительное число неповторяющихся и даже противоречащих друг другу «культурных кодов», детерминирующих политику. Применение данных методологических подходов, основанных на единстве или многообразии цивилизационного инструментария, в частности концепта «цивилизация» и типологического ряда цивилизации, обосновывается конкретными научными целями и задачами компаративного исследования.

Примечания

- ¹ См.: *Купин В. Н.* Современная Россия в глобальном мире // Человек и общество : культурная интеграция. Саратов, 2008. С. 47.
- ² См.: *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1993.
- ³ См.: *Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. Summer 1993. P. 22–49.
- ⁴ См.: *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2007. С. 241.
- ⁵ См.: *Балашов Н. И.* История всемирной литературы : в 8 т. М., 1985. Т. 3. С. 7, 20–21.
- ⁶ См.: *Грюнебаум Г. Э.* Классический ислам. Очерки истории (600–1258). М., 1970. С. 15–30.
- ⁷ См.: *Kroeber A. L.* Style of civilization. N.Y., 1957. P. 60–72.
- ⁸ См.: *Беккер Г.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 12–23.
- ⁹ См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2003. С. 84.
- ¹⁰ См.: *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 68–70.
- ¹¹ См.: *Шпенглер О.* Закат Европы : в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 16.
- ¹² См.: *Ясперс К.* «Осевое время» и цивилизации // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 205.
- ¹³ См.: *Эйзенштадт Ш.* О цивилизационных принципах в патримониальных, имперских и имперско-феодальных режимах // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 157–159.
- ¹⁴ См.: *Мелко М., Сандерсон Т.* Миросистемная теория : за и против // Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1998. С. 527–528.
- ¹⁵ См.: *Wilkinson D.* Decline Phases in Civilization, Regions and Oikumaenes // Comparative Civilization Review. Fall. 1995. P. 33.
- ¹⁶ См.: *Шемякин Я. Г.* Россия и Латинская Америка : особенности «пограничных» цивилизаций планетарного масштаба в сравнительно-исторической перспективе // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 39.
- ¹⁷ См.: *Семенов С.* Ибероамериканская и восточноевропейская общности как пограничные культуры // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 159.
- ¹⁸ См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1999. С. 290–291.
- ¹⁹ См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 3, 32–40, 49–51.
- ²⁰ См.: *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- ²¹ См.: *Miakhara K.* Structure of international Civilization. Kaub, 2001. P. 19.
- ²² См.: *Miakhara K.* Mechanism of civilization transfer. Kaub, 2001. P. 20.
- ²³ Там же. С. 23.
- ²⁴ См.: *Miakhara K.* Structure of international Civilization. P. 19.
- ²⁵ См.: *Miakhara K.* Mechanism of civilization transfer. P. 45.

Слово молодым политологам

УДК 329.052(470+571)

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕСИСТЕМНЫХ ОППОЗИЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. И. Давыденко

Саратовский государственный университет
E-mail: warg313@yandex.ru

В статье идет речь об особенностях развития несистемной оппозиции в современной России. Особое внимание уделяется проблемам разделения и взаимодействия несистемных оппозиционных организаций, их сходству и различиям.

Ключевые слова: несистемная оппозиция, оппозиционные образования, националистическое движение, несистемные либералы, метод деятельности, стратегии действий.

Problems Cooperation Unsystematic Opposition Organizations to Political Process of Modern Russia

D. I. Davydenko

The paper discusses peculiarities of development the unsystematic opposition in modern Russia. Special attention is paid to problem differentiation and cooperation unsystematic opposition organizations, their similarities and distinctions.

Key words: unsystematic opposition, extreme and opposition formations, nationalist floating, unsystematic liberals, practice of activity, strategy of activity.

В политической науке не существует единого определения несистемной оппозиции. Данной проблеме посвящен ряд исследований отечественных ученых. Так, В. Козодой определяет несистемную оппозицию как «“лево-” и “праворадикальные” партии и группировки, программные установки которых полностью (либо частично) отрицают преобладающую систему политических ценностей. Их деятельность нацелена на дискредитацию функционирующих институтов государственной власти, подрыв их легитимности и нарушение нормального хода политического процесса»¹.

Зачастую в российской политической науке *несистемной оппозицией* называют политические образования, которые вообще не хотят иметь ничего общего с существующей властью и легальным порядком. Они считают возможным проявлять свою политическую активность в рамках «уличной демократии», провоцируют массовые беспорядки и т. п.

Однако, если исходить из системного подхода, существует и другое определение. По мнению

И. Большакова, «системность характеризуется отношением оппозиции к политической системе в целом и ее институтам в частности. Но по этому параметру почти все оппозиционные структуры, включая представленные в парламенте, являются несистемными»². Подобное определение несистемной оппозиции значительно реже встречается в российской политической науке. Традиционно предпочтение отдается первому варианту.

Относительно такого подхода также есть определенные оговорки. Не все незарегистрированные организации можно отнести к несистемной оппозиции. Необходимо различать *экстремистские и оппозиционные образования*. Так, социолог Ю. Волков отмечает, что «некоторые из организаций такого рода, например объединения фашистского, нацистского толка, оппозицией не могут быть названы, это просто антиобщественные образования. Все они являются внесистемными явлениями по отношению к обществу как метасистеме, имеющей высшие нравственные ценности, и поэтому требующими соответствующего к себе отношения»³.

Таким образом, исходя из первого определения, по нашему мнению, под термином «несистемная внесистемная оппозиция» необходимо понимать организации, не зарегистрированные Минюстом России в качестве партий, противопоставляющих себя действующему режиму и не носящих экстремистского характера.

Официально в России зарегистрировано 7 политических партий, из них одна правящая – «Единая Россия», – а остальные номинально являются оппозиционными. Фактически современные оппозиционные партии не могут ничего противопоставить «Единой России». Это системная оппозиция.

Кроме официально зарегистрированных есть еще ряд организаций, называющих себя партиями, противопоставляющих себя правящему режиму и относящихся к несистемной оппозиции современной России. Наиболее известные из них – «Другая Россия» Эдуарда Лимонова и «Парнас» Бориса

Немцова и Владимира Рыжкова. Кроме этих партий существует *националистическое движение*, которое обладает своей спецификой, но также подхитит под определение несистемной оппозиции.

Такое явление как несистемная оппозиция появилось в России в 2006 г., когда была создана коалиция «Другая Россия», позже распущенная и преобразованная в незарегистрированную партию с таким же названием⁴. В зарубежных СМИ именно несистемную оппозицию зачастую рассматривают в качестве реального противовеса действующему политическому режиму. В свою очередь, власть обвиняет оппозиционеров в отстаивании интересов «Запада»⁵.

Несмотря на различия в риторике, программных документах и политических взглядах, и «лимоновцы», и либералы ставят перед собой одну цель – смену правящего режима. Традиционно лидеры несистемной оппозиции представляют своего противника в лице непосредственно Владимира Путина, то есть правящий режим для них носит ярко выраженный персонифицированный характер. Для либералов данную цель можно рассматривать как попытку вернуть утраченные ранее позиции, так как лидеры «Солидарности» и «Парнаса» в 1990-х гг. находились во власти. Лимонов также традиционно противопоставляет себя правящему режиму.

Отдельно стоит выделить националистические движения. Они более аморфны и не имеют столь четкой структуры, как другие рассматриваемые организации. «Движение против нелегальной иммиграции», до того как его запретили, декларировало своей целью помощь государству в борьбе с нелегальной иммиграцией, но власти поставили организацию вне закона, признав ее экстремистской. Националисты не противопоставляют себя лидерам государства, но несистемной оппозицией их сделала национальная политика государства.

Как и традиционные политические партии, несистемную оппозицию также можно разделить на правых и левых по политическим взглядам.

«Левыми» представителями несистемной оппозиции являются члены незарегистрированной партии «Другая Россия», возглавляемой Э. Лимоновым. Она представляет собой менее радикальный вариант запрещенной ею же «Национал-большевистской партии». Критика действующей власти ею выстраивается, скорее, с точки зрения «левых» взглядов. Экономический блок авторы программы пытаются представить социально ориентированным, основной упор сделан на национализацию сырьевой промышленности, решение проблемы жилья, установление контроля цен, введение прогрессивной шкалы налогообложения⁶.

К числу «правых» оппозиционеров относятся «Парнас» и «Солидарность», возглавляемые известными либералами 1990-х Б. Немцовым, В. Рыжковым, экс-премьером М. Касьяновым и быв-

шим лидером молодежной организации «Яблока» И. Яшиным. Эти политические лидеры представляют идеологию правых партий, характерную для России того периода (СПС, «Яблоко»).

Лидеры *несистемных либералов* уже находились у власти и дискредитировали себя в глазах населения, что осложняет их популяризацию. Согласно данным социологических опросов «Левада-центра», проведенных в 2011 г., лидерам несистемной оппозиции не доверяли 58% россиян. Сопредседателю «Парнаса» Б. Немцову в апреле 2011 г. доверяли 6%, а в ноябре – 3%. Еще одному сопредседателю незарегистрированной партии, экс-депутату Госдумы В. Рыжкову, бывшему премьеру М. Касьянову (тоже сопредседатель «Парнас»), как и лидеру «Объединенного гражданского фронта» Гарри Каспарову, доверяли 2%. Блогеру Алексею Навальному и Илье Яшину из движения «Солидарность» доверяли на уровне 1%⁷.

Наряду с традиционно причисляемыми к несистемной оппозиции либеральными организациями («Солидарность», «Парнас») и левыми последователями Лимонова («Другая Россия») к данной категории можно отнести националистические движения. Основной проблемой при исследовании деятельности националистов является их раздробленность. Они не имеют единой структуры, стремящейся к такой партийной организации, как у либеральной крыла несистемной оппозиции. Однако уличные акции, такие как «Русский марш», собирают значительное число сторонников. Только в Москве 4 ноября 2011 г., по данным СМИ, приняли участие от 3,5 до 7 тыс. человек⁸. При этом в националистических объединениях состоит значительное число членов запрещенного ныне «Движения против нелегальной иммиграции».

Националисты имеют довольно массовую поддержку, но их политические взгляды находятся на грани экстремизма. В результате деятельность националистических организаций нередко попадает под запрет (РНЕ, ДПНИ).

Основным и наиболее часто используемым *методом деятельности* оппозиционеров являются уличные акции. Фактически это один из немногих доступных для них способ выражения своей позиции. У несистемной оппозиции достаточно ограниченный доступ к медиаресурсам. Наиболее доступным является интернет-пространство, тогда как наиболее эффективные СМИ (телевидение) для лидеров «Другой России» и «Солидарности» фактически закрыты. Для несистемных либералов сеть Интернет и радио «Эхо Москвы» – это приоритетные и те немногие ресурсы, при помощи которых они имеют возможность обращаться к своей потенциальной аудитории. Их уличные акции не собирают большого числа сторонников по нескольким причинам. У либералов нет такой широкой поддержки, как у националистов, среди молодежных движений, способных выйти на

уличные мероприятия. Число сторонников «Парнаса» и «Солидарности» невелико, что не может обеспечить массовости акций.

Лидеры «Парнаса» пытались зарегистрировать его в качестве политической партии в 2011 г., но Минюст 22 июня отказал в регистрации⁹. Отсутствие официального статуса партии не дает ей возможности принимать участие в выборах.

В то же время для националистов «уличная демократия» остается практически единственным видом легальной деятельности. Необходимо отметить, что в их акциях отсутствует какая-либо системность, обычно они приурочены к памятным датам или резонансным событиям в стране. Несмотря на отсутствие четкой организации, многие акции собирают достаточно большое число сторонников, как правило, больше, чем другие представители несистемной оппозиции. «Русские марши» стали своеобразной визитной карточкой националистов, узнаваемым брендом. Методы деятельности несистемных националистических движений сильно ограничены, они не стремятся, в отличие от либералов, регистрироваться в качестве политических партий и таким образом участвовать в выборах.

К участию в массовых акциях также тяготеют и сторонники Лимонова из «Другой России». Изначально являясь частью объединенной несистемной оппозиции, она продолжает свою серию акций в рамках «Стратегии 31», даже несмотря на то, что, согласно данным социологических опросов, не пользуется популярностью у значительного числа населения страны¹⁰.

Таким образом, у всех трех типов несистемной оппозиции прослеживаются как общие черты, так и значительные различия. Лидеры оппозиционных объединений по-разному используют свои ресурсы и преследуют разные цели. Если для «лимоновцев» и либералов главной целью являются смена действующего режима и приход к власти, то националисты не декларируют подобных заявлений. В то же время нельзя сказать, что они действуют в рамках сложившейся политической системы и абсолютно лояльны к действующей власти.

Взаимоотношения несистемных оппозиционеров обладают своей спецификой. На ранней стадии развития данного явления в России условные либералы регулярно принимали участие в совместных акциях с «лимоновцами». Подобное смешение разношерстных политиков в рамках одной акции было новым явлением для современной России. Это было связано со слабостью отдельных организаций, еще не набравших определенного политического веса, и для обеспечения массовости уличных мероприятий лидерам с разными взглядами приходилось идти на компромисс. С развитием несистемной оппозиции последовал логичный процесс разделения, и на современном этапе у «Другой России» и либералов разные *стратегии действий*.

Либералы попытались пойти традиционным путем и зарегистрировать свою партию, чтобы иметь возможность принимать участие в выборах и действовать в рамках политической системы, тогда как «Другая Россия» продолжает развивать свое направление «уличной демократии». Эдуард Лимонов не пытается зарегистрировать свою партию в Минюсте, но от участия в выборах не отказывается, выдвигая свою кандидатуру на президентские выборы. Таким образом, среди несистемных оппозиционеров прослеживается тенденция к увеличению числа способов участия в политической жизни страны – от «уличной демократии» к традиционным выборам.

Несколько особняком стоят националисты. Они не стремятся создавать партии, выдвигать кандидатов на выборы и участвовать в политической жизни страны в рамках системы. Это стихийная сила, балансирующая на грани экстремизма, которую нельзя не учитывать при исследовании несистемной оппозиции в современной России. Однако она значительно отличается от других оппозиционеров и представить совместные действия несистемных либералов и националистов практически невозможно.

Примечания

- 1 Козодой В. И. Общественно-политическая жизнь Сибири (вторая половина 1980-х – середина 1990-х) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009. С. 10.
- 2 Большаков И. Несистемная оппозиция: «терминологическая» ошибка или политическая реальность // Свободная мысль. 2011. № 3 (1622). С. 111.
- 3 Волков Ю. Е. Социальные системы как объект социологического анализа // Социс. 2009. № 9. С. 125.
- 4 См.: Коалиция «Другая Россия». URL: // <http://kommersant.ru/factbook/189254> (дата обращения: 08.12.2011).
- 5 См.: Особенности освещения деятельности российской внесистемной оппозиции в иностранных СМИ // Молодежная политическая наука в Саратове. Вып. 2. Саратов, 2011. С. 72.
- 6 См.: Программа политической партии «Другая Россия» // Рос. газ. 2010. Федер. вып. № 5237. 20 июля.
- 7 См.: Несистемной оппозиции очертили узкий круг. URL: // <http://www.levada.ru/08-12-2011/nesistemnoi-oppozitsii-ochertili-uzkii-krug-nakanune-vyborov-ona-nepolzovalas-doveriem-r> (дата обращения: 08.12.2011).
- 8 См.: В Москве начался «Русский марш». URL: <http://lenta.ru/news/2011/11/04/rus/> (дата обращения: 01.12.2011).
- 9 См.: Замоскворецкий суд повторно отказал «Парнасу» в регистрации, исправив ошибки Минюста. URL: www.gazeta.ru/news/lenta/2011/11/03/n_2081294.shtml (дата обращения: 01.12.2011).
- 10 См.: О «Стратегии 31», движении «Наши» и планируемых съездах молодежи 4–6 декабря. URL: <http://www.levada.ru/01-12-2011/o-strategii-31-dvizhenii-nashi-planiruemyykh-sezdakh-molodezhi-4-6-dekabrja> (дата обращения: 07.12.2011).

УДК 316.334.3

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П. А. Малуев

Московский государственный университет
E-mail: malueff@gmail.com

В статье рассматриваются факторы влияния государственной информационной политики на процессы формирования институтов гражданского общества в современной России. Особое внимание обращается на нормотворческую и правоприменительную функции государственной информационной политики в информационно-коммуникационной сфере, включая средства массовой информации. Применяя ретроспективный и неинституциональный подходы, автор исследует факторы влияния государственной информационной политики на примере формирования конкретных институтов гражданского общества в современной России.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политические институты, информационное общество, интернет-технологии, информационная политика, информационная сфера, средства массовой информации.

Factors of Influence of the State Information Policy on the Formation of Institutions of Civil Society in Modern Russia

P. A. Maluev

The article considers the factors of influence of the state information policy in the processes of formation of institutions of civil society in modern Russia. Special attention is drawn to rule-making and law-enforcement functions of the state information policy in the information-communication sphere, including the mass media. By applying retrospective and new institutional approaches, the author examines the factors of influence of the state information policy on the example of formation of specific institutions of civil society in modern Russia.

Key words: political communication, political institutions, information society, Internet technology, information policy, information sphere, mass media.

Политическая жизнь современных обществ во многом зависит от информационно-коммуникационных технологий, от степени их развития, способности максимально эффективно использовать данные технологии в политической деятельности и решать с их помощью самые разные задачи политического свойства. Информационно-коммуникационные технологии используются сегодня не только в целях массовой пропаганды определенных политических идей и концепций; в современных условиях они создают свое собственное деятельностное пространство – уникальную среду преимущественно сетевой коммуникации.

В России процесс формирования единой среды сетевой коммуникации некоторое время оставался без должного внимания со стороны государства. В частности, российская власть практически не вмешивалась в процессы развития в стране интернет-пространства со своими порой весьма своеобразными «правилами игры». Однако, на наш взгляд, в настоящее время государство располагает достаточными ресурсами для того, чтобы принимать активное участие в формировании современных институтов гражданского общества, учитывающих особенности глобального информационного общества, а также общие принципы его развития. Власть могла бы сегодня начать проведение целенаправленной и системной информационной политики, ключевым результатом которой могло бы стать значительное повышение уровня законной и конструктивной самоорганизации граждан.

Под информационной политикой будем понимать такую деятельность социальных акторов (человека, организации, общества, государства, международных структур и т. п.), обеспеченных или стремящихся к обеспечению необходимым и достаточным ресурсом власти для осуществления своей программы действий в пространстве социальных коммуникаций, которая направлена на формирование и развитие информационно-коммуникационных отношений, выработку содержательных и технико-технологических аспектов информации и ее трансляцию в публичную среду, преобразование информационной сферы с определенной целью. Соответственно, государственная информационная политика в рамках данного подхода рассматривается как информационная политика (в предложенном выше смысле), имеющая общегосударственное значение (определяемая интересами всего государства), вырабатываемая и реализуемая во благо граждан и государства различными социальными акторами, в том числе государством и самими гражданами.

Таким образом, государственная информационная политика может выступать в процессе формирования институтов гражданского общества в разных качествах: во-первых, как основной или второстепенный субъект данного процесса, то есть напрямую формируя (блокируя форми-

рование) институты гражданского общества; во-вторых, как обеспечивающая данный процесс система, то есть такая система, которая создает определенные условия для формирования (блокирования формирования) того или иного института гражданского общества.

Оба качества государственной информационной политики проявляются в процессе формирования институтов гражданского общества, в первую очередь в ее нормотворческой функции. Законом или иным нормативным актом государственная информационная политика может инициировать (рекомендовать или обязывать) формирование целого спектра институтов гражданского общества, что также влечет за собой образование множества различных структур, организаций, объединений.

Рассмотрим в качестве примера некоторые практически аспекты формирования в современной России такого важного института гражданского общества, как право граждан и организаций на доступ к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления. Данное право долгое время оставалось неурегулированным в законодательной практике современной России. Наконец 9 февраля 2009 г. в России был принят долгожданный Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹. В Законе обозначено шесть способов обеспечения доступа к информации: опубликование и обнародование, размещение в информационно-телекоммуникационных сетях (в том числе в Интернете) и общественно доступных местах (на стендах и досках объявлений и т. п.), предоставление по запросу, ознакомление, присутствие на заседаниях государственных органов и органов местного самоуправления. Информация о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления может предоставляться как в устной форме, так и в различных формах документированной информации, в том числе в виде электронного документа с электронной цифровой подписью или аналогом собственноручной подписи.

Что касается предоставления информации по запросу, то в Законе предусмотрены специальные процедуры, регламентирующие запрос. Несмотря на то что под запросом законодатель понимает обращение пользователя информацией в устной или письменной форме, в том числе в виде электронного документа, в государственный орган или орган местного самоуправления либо к его должностному лицу о предоставлении информации о деятельности этого органа, в ст. 2 п. 5 сказано, что действие настоящего Закона не распространяется на порядок рассмотрения государственными органами и органами местного самоуправления обращений граждан.

Таким образом, наряду с правом обращения граждан, которое реализуется согласно Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке

рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»², вводится дополнительное право – право на запрос информации физическими и юридическими лицами, а также общественными объединениями о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления. Особо отметим, что авторы Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» предоставили субъектам, осуществляющим запрос информации, очень важную возможность не обосновывать необходимость получения запрашиваемой информации, доступ к которой не ограничен (ст. 8). Следует отметить, что данный Закон в пределах сферы своей деятельности предъявляет к государственным органам и органам местного самоуправления ряд серьезных требований, к которым они, на наш взгляд, еще не вполне готовы.

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» является основой для развития в России концепции «электронного правительства». Основная идея электронного правительства заключается в том, что благодаря активному внедрению информационных технологий правительство становится более доступным и открытым для граждан. Электронное правительство можно рассматривать в качестве одного из ключевых институтов информационного общества в условиях демократии; оно значительно приближает граждан, бизнес-структуры и организации «третьего сектора» к институтам государственной власти и органам местного самоуправления, что, по мнению многих исследователей и экспертов, значительно снижает уровень коррупции.

Теперь перейдем к рассмотрению тех сфер российской действительности, где нормотворческая функция государственной информационной политики либо целенаправленно, либо нецеленаправленно носит пассивный характер, то есть налицо своеобразный отказ в законодательном обеспечении ряда важных для дальнейшего развития российского общества гражданских, общественных и государственных практик. Прежде всего, речь будет идти о проблеме правового регулирования Интернета, точнее, о его российской части – рунете. В силу того что Интернет – это международная телекоммуникационная сеть общего пользования, его правовое регулирование значительно усложняется. Интернет многофункционален. Нам представляется, что правовой регламентации подлежат в первую очередь такие его функции, как медийная, рыночная и архивная.

Медийная функция Интернета предполагает, что многие его ресурсы вполне подпадают под определение средств массовой информации. Например, такие информационные порталы, как Lenta.ru, Gazeta.ru, Strana.ru, Vesti.ru и Ytro.ru изначально создавались как СМИ и информагентства

в режиме онлайн. Поэтому подобные интернет-ресурсы подлежат правовому регулированию как средства массовой информации. Однако не все онлайн-источники информации являются массовыми и нуждаются в обязательной регистрации. Поэтому законодатель должен разработать соответствующий механизм, который позволял бы определять степень массовости того или иного источника информации в Интернете.

Рыночная функция интернета предполагает, что Интернет есть кибер-площадка для совершения различных бизнес-операций и коммерческих сделок. В настоящее время по всему миру быстрыми темпами развивается электронная коммерция. В настоящее время Президентом РФ подписан только Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи»³, а такие важные законопроекты как «Об электронной торговле» и «Об электронном документе» до сих пор находятся в стадии обсуждения, что сдерживает темпы развития отечественного рынка электронной коммерции.

Архивная функция Интернета предполагает, что это огромный онлайн-архив, хранящий большие массивы разнообразной информации, у которой может быть свой законный автор или правообладатель. И в этом отношении Интернет (в первую очередь онлайн-базы данных) подпадает под статьи законодательства об интеллектуальной собственности на информацию, а также о библиотечном и архивном деле. Однако Сеть функционирует таким образом, что соблюдение всех исключительных прав может привести к тотальной блокировке ее работы. В ситуации отсутствия эффективных инструментов правовой защиты авторских прав в Интернете в апреле 2008 г. ВГТРК, «Газета.Ru», ИД «Коммерсантъ», Международная информационная группа «Интерфакс», РАМИ «РИА Новости», «Sports.Ru» на конференции «Интернет и бизнес» договорились о совместной разработке в 2008–2009 гг. мер по защите авторских прав на создаваемые ими текстовые, фото-, аудио-, видео-, флеш-материалы, рисунки и другой контент⁴.

Помимо функционального подхода, сторонниками которого мы являемся, в последнее время активно разрабатывается комплексный подход к правовому регулированию Интернета. В настоящее время в России разными авторами разработано несколько проектов законов, призванных регулировать сферу российского интернет-сегмента. Среди наиболее известных подобных законодательных инициатив следует отметить проект модельного закона «Об Интернете»⁵ и проект закона «О государственной политике Российской Федерации по развитию и использованию сети Интернет»⁶. Оба законопроекта определяют лишь общие понятия в сфере Интернета и не содержат каких-либо императивных указаний, в силу чего не совсем понятно, каков практический смысл данных законодательных инициатив.

Для нас принципиально важно отметить, что в современной научной и публицистической литературе все чаще можно встретить тезис о том, что Интернет и иные возможности глобального информационного общества могут сформировать своеобразное виртуальное пространство публичной сферы общества, то есть в силу определенных обстоятельств, вместо того чтобы проявлять гражданскую активность в оффлайне, люди начинают проявлять ее в онлайн; Интернет расширяет возможности прямой демократии. И при этом таких примеров становится все больше и больше, в том числе и в рунете. В частности, это касается так называемых сетевых сообществ и социальных сетей, представленных в виртуальном пространстве Интернета и определяемых как группы людей, общающихся между собой посредством интернет-ресурсов и/или мобильной связи с целью обсуждения различных общественных и политических вопросов и проблем. В ряде случаев такая форма общения может выступать аналогом объединений граждан, собраний граждан, уличных пикетов, митингов, шествий или демонстраций. Достаточно вспомнить тысячи обманутых российских дольщиков, создавших по Рунету множество виртуальных сетевых сообществ, юридически не зарегистрированных в соответствующих органах государственной регистрации.

Таким образом, отказываясь, в частности, от всепроникающего регулирования Интернета, власть создает условия для свободного формирования виртуальных институтов гражданского общества. Это свидетельствует о том, что не только нормативное регулирование может порождать определенные институты гражданского общества, но и отсутствие такового.

Как отмечает В. Н. Руденко, в последнее десятилетие за счет развития информационно-коммуникационных технологий, прежде всего интернет-технологий, идет формирование нового типа общественности – «цифровой публики». Данный тип общественности характеризуется достаточно высокой способностью ее членов к самоорганизации и принятию самостоятельных решений⁷. Именно такой тип общественности, по мнению многих западных исследователей⁸, является основой для развития так называемой электронной демократии – особой формы народовластия, основанной на активном использовании гражданами прогрессивных информационно-коммуникационных технологий.

Однако стоит особо отметить, что сами по себе технологии не являются единственным фактором институциональной трансформации российского гражданского общества. Не менее важными продолжают оставаться отношение граждан к данным технологиям и готовность использовать их в целях защиты своих законных интересов, прав и свобод. Россияне в большинстве своем все еще с опаской относятся к ин-

тернет-ресурсам, ориентированным на решение социально значимых проблем, и не настолько охотно, как хотелось бы, используют их возможности в борьбе за свои права и интересы. Хотя рост известности, к примеру, таких проектов, как «РосПил.Info» или «Демократор.Ru», с каждым месяцем прибавляет им сторонников и активных пользователей, а решение каждой последующей проблемы воспринимается как большая победа тех, кто поддержал данную проблему и оставил свой электронный голос в поддержку ее скорейшего решения. В результате вокруг решенных проблем, да и нерешенных тоже, формируются сообщества заинтересованных граждан, которые отслеживают то, что происходит с их проблемами. Данные комьюнити можно, на наш взгляд, рассматривать в качестве своеобразных аналогов групп по интересам, которые, как известно, являются основой основ самоорганизации граждан.

При этом важно отметить, что публичная сфера предполагает не столько обсуждение чего-либо (к сожалению, в Интернете это происходит зачастую в виде флуда или даже откровенного спама), сколько конвертацию этого обсуждения в самостоятельное и ответственное гражданское действие. По крайней мере эта конвертация является показателем действенности публичного общения и очень важна для оценки эффективности функционирования институтов гражданского общества в виртуальном пространстве Интернета, также она важна и с точки зрения оценки результативности самой информационной политики в Сети. Если не считать единичных случаев⁹, то именно такой конвертации не достает сегодня российской блогосфере, как в советское время ее недоставало так называемым кухонным разговорам. В российском киберпространстве все еще доминируют те группы, которые по самым разным причинам были отстранены от реальной (оффлайновой) публичной политики. И многие онлайн-проекты, позиционируемые как механизмы и площадки электронной демократии, скорее выполняют функцию «выпускания пара».

В силу вышесказанного одной из задач государственной информационной политики, на наш взгляд, должна стать разработка механизмов прежде всего общественного контроля стремительно развивающейся блогосферы. Например, Общественная палата России могла бы разработать общие рекомендации по процедуре регистрации авторов блогов и записей в блогах. Речь идет о рекомендательных инициативах, направленных на стимулирование механизмов саморегулирования интернет-среды. В настоящее время достаточно примеров, в том числе и в рунете, эффективного саморегулирования. В частности, общаясь в рамках интернет-форумов, социальных сообществ, блогов, участники этого общения все чаще делают друг другу замечания относительно употребления ненормативной лексики, оскорблений личного характера в чей-либо

адрес, размещения недостоверной информации. Это становится всеупотребительной неформальной нормой.

Рассуждая о проблеме регулирования Интернета, ряд исследователей обращают внимание на тот факт, что он может являться не только технологией, значительно расширяющей возможности гражданского общества, но и мощным инструментом контроля этого общества со стороны власти¹⁰. В целом соглашаясь с этим выводом, отметим, что с ростом интернет-аудитории власть все чаще будет обращаться к этому инструменту в целях влияния на общественное мнение – это неизбежно. Через это прошли все традиционные средства массовой коммуникации. Самым эффективным защитным механизмом в данном случае являются все те же самые институты гражданского общества – при условии их высокой эффективности и востребованности со стороны граждан.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии, включая Интернет и мобильную телефонию, приводят к появлению новых неформальных (обычаи, традиции) и формальных (законы, нормативные акты) установлений, принципов, норм и «правил игры» в сфере функционирования институтов гражданского общества. При этом роль государственной информационной политики в процессе формирования данных институтов весьма значительна. Как посредством принятия нормативных актов, так и отказа в законодательном обеспечении у государственной информационной политики есть реальные возможности инициировать формирование самых разных институтов гражданского общества.

Примечания

- 1 Рос. газ. 2009. 13 февр.
- 2 Рос. газ. 2006. 10 мая.
- 3 Рос. газ. 2002. 10 янв.
- 4 *Захаров М.* Крестовый поход против Интернета. URL: <http://www.frip.ru/newfrip/cnt/analitic/sel?cid=3195>. - 2008 (дата обращения: 20.11.2011).
- 5 Проект модельного закона «Об Интернете» (Рассмотрен 29 января 2008 года Комиссией Совета Федерации по информационной политике). URL: http://council.gov.ru/kom_home/kom_inf/zak290108.htm. - 2008 (дата обращения: 20.11.2011).
- 6 Проект закона «О государственной политике Российской Федерации по развитию и использованию сети Интернет». URL: http://www.shubin.ru/it_zakontext/it_zakon/id/413967.html. - 2001 (дата обращения: 20.11.2011).
- 7 См.: *Руденко В. Н.* Новые Афины, или электронная республика. О перспективах развития прямой демократии в современном обществе // Полис. 2006. № 4. С. 7–16.
- 8 *Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии* / пер. с англ. Т. Давыдовой [и др.]; под ред. П. Ладлоу. Екатеринбург, 2005; *Grossman L.* The Electronic Republic. Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y., 1995;

Rhodes R. A. The New Governance : Governing without Government // Political Studies. 1996. Vol. 44. № 4 и др.

⁹ См.: Бадковский Д. Передача власти: Политика.ру. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/06/230488>. - 2010-12-26. - 2010 (дата обращения: 20.11.2011).

¹⁰ См.: Гордон Е. Главный миф о российском Интернете. URL: [http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html)

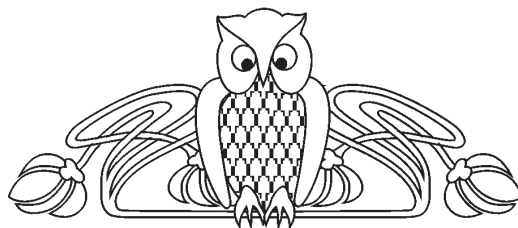
[svobodyinet.html](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html) (дата обращения: 20.11.2011) ; Павловский Г. Интернет вредит свободе. URL: <http://www.russia.ru/video/pavlovskyinternet/> (дата обращения: 20.11.2011); Галкин А. А. Что нас ждет: расцвет электронной демократии или всплеск электронного тоталитаризма? // Проблемы становления гражданского общества в России. М., 2003. С. 115–116 и др.

УДК 329.05(470-671)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены особенности электоральной функциональности политических партий России на различных этапах партгогенеза в постсоветской России. Автор выделил и обобщил взаимосвязь различных функций политических партий, выявил основные факторы доминирования электоральной функции, обосновал особую роль идеологической составляющей их деятельности.

Ключевые слова: политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии, идеология.

Main Tendencies of Parties' Electoral Functionality in Modern Russia

D. G. Tretyakov

Peculiarities of the Russian postsoviet political parties' electoral functionality within different stages of their development are considered in this article. The author pinpointed and generalized connection between different political parties' functions, worked out main features of electoral function's dominance and proved the specific role of ideological side of parties' activity.

Key words: political parties, electoral functionality of the parties, political technologies, ideology.

Принятие закона о политических партиях и эволюция электорального законодательства в России в 2000-е гг. существенно повлияли на российскую политическую систему и функциональность ее основных субъектов. В первую очередь это коснулось политических партий. Само становление российской многопартийности было специфичным, что не могло не сказаться на функциональности политических партий. Огромное количество общественно-политических организаций, в той или иной степени претендующих на то, чтобы считаться политическими партиями, на самом деле в большинстве своем было протопартиями с ограниченным набором политических функций, которые существенно отличались от классических.

Суть классической функциональности партий хорошо представил известный российский партиолог А. Н. Кулик. По его мнению, там, где становится возможным выбирать управляющих, возникают политические партии, которые номинируют кандидатов на выборные должности, мобилизуют электорат в их поддержку и организуют избирательные кампании. Партии должны были становиться основным институтом политического участия граждан, который, создав механизмы согласования разнородных социальных интересов, снял бы противостояние между гражданским обществом и государством, легитимировал власть и обеспечил ее ротацию¹. Однако реальная политическая практика 1990-х гг. показала, что значительная часть данных функций реализовывалась формально. Обусловлено это было не только молодостью многопартийной системы и отсутствием должных традиций, но и несовершенством законодательства, регулирующего избирательные процессы и деятельность общественно-политических организаций.

Условно можно выделить несколько этапов эволюции политической и электоральной функциональности политических партий в постсоветское время. Первый охватывает период становления с конца 1980-х гг. и по 1995 г. Важнейшими функциями партий и общественно-политических организаций, участвующих в политической жизни, в это время были самоорганизация и взаимоотстройка друг от друга. В данный период естественно-стихийного партгогенеза в постсоветской России уже началось применение административного ресурса для целенаправленного использования партий в интересах властных структур. Однако партийное конструирование не было властной привилегией и часто приобретало хаотический характер, когда любой известный (и не очень известный) политик предпочитал создать свою

Rhodes R. A. The New Governance : Governing without Government // Political Studies. 1996. Vol. 44. № 4 и др.

⁹ См.: Бадковский Д. Передача власти: Политика.ру. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/04/06/230488>. - 2010-12-26. - 2010 (дата обращения: 20.11.2011).

¹⁰ См.: Гордон Е. Главный миф о российском Интернете. URL: [http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html)

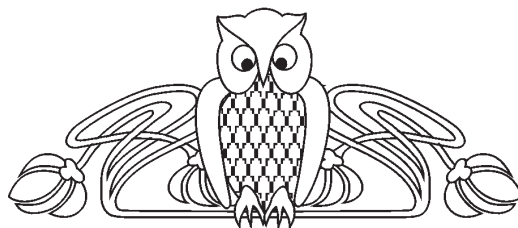
[svobodyinet.html](http://www.mk.ru/politics/article/2011/01/12/557467-svobodyinet.html) (дата обращения: 20.11.2011) ; Павловский Г. Интернет вредит свободе. URL: <http://www.russia.ru/video/pavlovskyinternet/> (дата обращения: 20.11.2011); Галкин А. А. Что нас ждет: расцвет электронной демократии или всплеск электронного тоталитаризма? // Проблемы становления гражданского общества в России. М., 2003. С. 115–116 и др.

УДК 329.05(470-671)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ПАРТИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Д. Г. Третьяков

Саратовский государственный университет
E-mail: tret4ever@mail.ru

В статье рассмотрены особенности электоральной функциональности политических партий России на различных этапах партгогенеза в постсоветской России. Автор выделил и обобщил взаимосвязь различных функций политических партий, выявил основные факторы доминирования электоральной функции, обосновал особую роль идеологической составляющей их деятельности.

Ключевые слова: политические партии, электоральная функциональность партий, политические технологии, идеология.

Main Tendencies of Parties' Electoral Functionality in Modern Russia

D. G. Tretyakov

Peculiarities of the Russian postsoviet political parties' electoral functionality within different stages of their development are considered in this article. The author pinpointed and generalized connection between different political parties' functions, worked out main features of electoral function's dominance and proved the specific role of ideological side of parties' activity.

Key words: political parties, electoral functionality of the parties, political technologies, ideology.

Принятие закона о политических партиях и эволюция электорального законодательства в России в 2000-е гг. существенно повлияли на российскую политическую систему и функциональность ее основных субъектов. В первую очередь это коснулось политических партий. Само становление российской многопартийности было специфичным, что не могло не сказаться на функциональности политических партий. Огромное количество общественно-политических организаций, в той или иной степени претендующих на то, чтобы считаться политическими партиями, на самом деле в большинстве своем было протопартиями с ограниченным набором политических функций, которые существенно отличались от классических.

Суть классической функциональности партий хорошо представил известный российский партиолог А. Н. Кулик. По его мнению, там, где становится возможным выбирать управляющих, возникают политические партии, которые номинируют кандидатов на выборные должности, мобилизуют электорат в их поддержку и организуют избирательные кампании. Партии должны были становиться основным институтом политического участия граждан, который, создав механизмы согласования разнородных социальных интересов, снял бы противостояние между гражданским обществом и государством, легитимировал власть и обеспечил ее ротацию¹. Однако реальная политическая практика 1990-х гг. показала, что значительная часть данных функций реализовывалась формально. Обусловлено это было не только молодостью многопартийной системы и отсутствием должных традиций, но и несовершенством законодательства, регулирующего избирательные процессы и деятельность общественно-политических организаций.

Условно можно выделить несколько этапов эволюции политической и электоральной функциональности политических партий в постсоветское время. Первый охватывает период становления с конца 1980-х гг. и по 1995 г. Важнейшими функциями партий и общественно-политических организаций, участвующих в политической жизни, в это время были самоорганизация и взаимоотстройка друг от друга. В данный период естественно-стихийного партгогенеза в постсоветской России уже началось применение административного ресурса для целенаправленного использования партий в интересах властных структур. Однако партийное конструирование не было властной привилегией и часто приобретало хаотический характер, когда любой известный (и не очень известный) политик предпочитал создать свою

«карманную» партию для того, чтобы использовать ее ресурсы для своей победы на выборах по одномандатному округу в Государственную думу (или на выборах в региональное законодательное собрание).

Характерной чертой данного периода был очень высокий уровень конкуренции, обусловленный огромным количеством формирующихся партий. Лидерские амбиции политиков разного идейно-мировоззренческого спектра институционализировались в самые разные партии². Их создание не было ограничено сколько-нибудь серьезными формальными требованиями и особенно никем не контролировалось. Считалось, что порядок в их структурировании будет наведен естественным образом в результате отсеивания в ходе участия в выборах разного уровня и масштаба. Партийный плюрализм оценивался как важнейшее достижение и самодостаточный результат демократических постсоветских преобразований.

По мнению К. В. Киселева, «в период становления российской партийной системы идеологическое позиционирование было необходимым элементом любой политической конструкции. И это принципиальная особенность этого этапа конструирования партийной системы. Другое дело, что различия между партиями одного идеологического направления были часто неразличимыми»³. На наш взгляд, идеологическая функция действительно занимала особое место в деятельности большинства партий, так как служила главным средством позиционирования в очень пестром партийно-политическом спектре. Однако ее вряд ли можно оценить как самодостаточную в связи с тем, что она была подчинена личностному позиционированию политиков, добивающихся максимальной известности и узнаваемости. В ряду данных задач идеологическая функция выполняла инструментальную роль, определяя своеобразную политико-пространственную систему координат, в рамках которой раскрывались лидерские имиджевые характеристики политиков.

Следовательно, причины обязательного идеологического позиционирования были обусловлены прежде всего соображениями технологического, проектного характера. Дело в том, что избиратели в этот период были исключительно политизированы, а потому «конструируемые партии с неизбежностью должны были отвечать на предъявляемые им идеологические вопросы. Партия и движению необходимо было определиться по отношению к начавшимся реформам, которые коренным образом изменили жизнь в стране, затронув всех и каждого»⁴. Полярными точками отсчета в позиционировании всех политических партий и общественно-политических организаций было отношение к коммунизму и либерализму. Такое фрагментированное и очень пестрое позиционирование по шкале «коммунизм – либерализм» сохраняло свою актуальность до

выборов Президента Российской Федерации в 1996 г., которые Б. Н. Ельцин проводил под лозунгами недопущения реставрации коммунизма.

По оценкам большинства исследователей, радикальное позиционирование и либеральная идентификация в рамках партийно-политического спектра не принесли в первой половине 1990-х гг. значительных успехов исполнительной власти⁵. «Фрагментированность либерального сектора, связанная с политическими амбициями отдельных политических деятелей, комплексом внутренних противоречий по вопросам экономического и политического развития и низким уровнем партийной дисциплины, серьезно ограничила электоральные возможности и мобилизационный потенциал проправительственных структур»⁶.

Формально борьба за власть между партиями осуществлялась с помощью воздействия на общественное мнение на основе публичной апелляции к традициям, идеалам и ценностям различных социальных групп российского общества. Именно поэтому западные исследователи и российские либералы до сих пор оценивают данный период как этап расцвета свободы слова и реальной многопартийности. Формально в это время партии выполняли весь классический набор функций: артикулирование и оформление социально-политических программ, ориентированных на интересы конкретных социальных групп; формирование установок и массовых настроений; функцию политической социализации, политического образования и воспитания; функцию рекрутирования и мобилизации и др.

Реально главная функция политических партий в данный период состояла в том, что они выступали средством борьбы за обладание властным ресурсом в центре и на местах. Этот ресурс был необходим отдельным соперничающим группам, ведущим ожесточенную борьбу за приватизацию бывшей общенародной собственности. Желая получить власть и влияние в местных и федеральных органах, эти группы делали ставку на ту или иную политическую партию, с помощью которой они стремились провести своих представителей в выборные органы.

На втором этапе (1995–2001 гг.) главной задачей для президентской администрации стало сдерживание массовых оппозиционных настроений, вызванных недовольством людей результатами проводимых радикальных социально-экономических преобразований. Одним из механизмов стала целенаправленная «канализация» оппозиционного ресурса общества в русло поддержки специально сконструированных политических партий. Данный этап использования партийных механизмов для легитимации и идеологической поддержки правящего курса характеризуется активной деятельностью президентской администрации по формированию и реализации собственных партийных проектов. Соответственно, существенно меняется и функциональность таких

партий, обусловленная теми задачами, которые изначально перед ними ставили политтехнологи.

Главной целью такого проектируемого партстроительства было создание устойчивой политической системы на базе создания доминирующей партии власти и управляемой левой и правой партийной оппозиции. В рамках этого проекта, помимо доминирующей партии, предполагалось и наличие партий «союзников», обеспечивающих солидарное голосование в легислатуре, но при этом ориентированных на голоса оппозиционных власти избирателей. Такими партиями, по мнению К. В. Киселева, можно считать ЛДПР, аккумулирующую протестные голоса, СПС (затем «Правое дело»), ориентированные на работу с молодежью, интеллигенцией и бизнесом, и др.; технологические партии, используемые для недопущения в легислатуру «нелояльной» оппозиции путем «растяжки» голосов и иными технологическими приемами; партии для сбора голосов по различным сегментам (Аграрная партия России, РЭП «Зеленые», Народная партия РФ, «Народная воля» и др.); партия контролируемой оппозиции (КПРФ)⁷.

Такие технологии партийной инженерии обусловили иной формат позиционирования в рамках партийно-политического спектра и существенно уменьшили роль идеологической функции. За основу была взята центристская политическая ориентация, на базе которой на выборах в Государственную думу 1995 г. сформировались правоцентристский избирательный блок «Наш дом – Россия» и левоцентристский блок Ивана Рыбкина. На выборах в Государственную думу 1999 г. роль «правого центра» политтехнологи отвели движению «Единство», а «левого центра» – объединению «Отечество – Вся Россия».

Доминирование позиций «центризма» привело к микшированию идеологических оснований партийных программ и к усилению технологической составляющей в борьбе за голоса избирателей. Информационно-коммуникационные и имиджевые технологии (в том числе и пресловутые «грязные» технологии) становятся доминирующими, существенно уменьшив и без того не очень значимую роль функций политического представительства интересов различных социальных групп, политической социализации, воспитания, предоставления возможностей для политического участия граждан и др. Соответственно, отсутствовала и последовательная реализация внутрипартийных функций, нацеленные на расширение партийных рядов, формирование разветвленной сети региональных партийных организаций⁸, проведение партийных политических кампаний в периоды между выборами, осуществление работы с гражданами на местах и т. д.

Третий этап начался с принятия Закона о политических партиях в 2001 г. и продолжается по настоящее время. С одной стороны, законом было

дано функциональное определение политической партии – это «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления»⁹. Более того, все содержание закона подчинено такому функциональному пониманию места и роли партий в политической жизни современной России и нацелено на обязательное для партий следование данной трактовке. С другой стороны, существенное изменение партийной и политической системы в целом в этот период вызывает неоднозначные, в том числе и крайне негативные оценки¹⁰.

В контексте нашего исследования важно выделить следующие результаты преобразований, которые существенно повлияли на эволюцию функциональности политических партий. Одним из обязательных требований к политической партии закон определил ее численность (не менее 50 тыс. членов партии до 2010 г.) и обязательное наличие достаточно крупных региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации. Выполнение этого условия кардинально изменило отношение к внутрипартийным функциям.

Каждая партия должна была заняться вплотную вопросами регионального партийного строительства и привлечением большого количества рядовых членов, разделяющих ее программу и согласных жертвовать своим временем на проведение различных партийных мероприятий¹¹. Данное требование (в сочетании с необходимостью преодоления 7%-ного барьера на выборах в Государственную думу) привело к радикальной «кристаллизации» партийной системы в России и сведению к минимуму зарегистрированных партий. Резкое уменьшение количества партий и отмена мажоритарной составляющей и одномандатных округов на выборах в Государственную думу изменили возможности бизнес-элиты в политическом продвижении и защите своих интересов. Партии-фавориты стали главными инструментами в решении данных задач как на федеральном, так и на региональном уровне.

В результате начался определенный процесс консолидации правящего слоя на основе презентации его социально-экономических интересов ведущими политическими партиями. По мнению А. А. Ануфриевой, в качестве базовых трендов этого периода можно выделить «последовательную тенденцию снижения уровня идеологического обеспечения деятельности “партий власти”, устойчивый рост их мобилизационных возможностей и отказ от радикализма в партийно-политическом позиционировании. При этом высокие показатели электоральной поддержки

«партии власти» напрямую являлись следствием технического формата позиционирования в партийно-политическом спектре и низкого уровня идеологического обеспечения партийного строительства»¹².

Такая оценка не является единичной. Например, К. В. Киселев утверждает, что «динамика развития партийной системы России в парадигме «идеологичность – проектность» смещалась от использования идеологии в конструировании партий в направлении создания безыдеологичных проектов. И тем не менее, до сих пор большинство политиков уверены, что идеология – неотъемлемый элемент партийного «образования», атрибут, без которого создание партии невозможно, хотя история партийной системы России доказывает обратное»¹³. На наш взгляд, с этим утверждением трудно согласиться. Как свидетельствует история, идеология большевистской партии стала весьма успешной основой для массовой мобилизации на свою сторону представителей самых разных слоев города и деревни России и масштабных и впечатляющих преобразований социалистического периода.

По мнению К. В. Киселева, любая попытка совмещения партийного проекта и идеологии «неизбежно приводит либо к краху идеологии, либо к разрушению проекта как такового. При этом «разрушение проекта» может проходить путем выхода его из-под контроля «конструкторов». И в этом практическая сложность «наделения» партий идеологиями. Идеологический каркас делает партийное образование «жестким», неповоротливым, лишает мобильности. В конкурентной ситуации идеократические партии имеют больше минусов, чем плюсов. Например, тяготеющее к типу идеократических партий «Яблоко» на выборах в региональные legislatures 11 марта 2007 г. ничего не могло противопоставить вполне проектной тактике СПС, который отказался от жесткого идеологического каркаса в пользу технологических изысков»¹⁴.

Как представляется, апелляция к успешности деидеологизированных партийных проектов в постсоветской России не совсем обоснованна, так как учитывает их эффективность как самостоятельный технологический результат (определенные итоги на выборах) без оценки их влияния на политическую систему в целом. Поэтому признание технологической успешности конструирования политических партий в 2000-е гг. вряд ли может быть распространено на стратегические оценки политической ситуации в целом. Кто сегодня осмелится утверждать, что существующая политическая система России характеризуется институциональной стабильностью и наличием прочной и осознанной поддержки большинства населения? Массовые протесты против результатов выборов в Государственную думу в декабре 2011 г. еще раз показали наличие серьезных проблем в нашем общественном устройстве.

Процессы ослабления идеологического фактора партийной деятельности на Западе не могут для нас быть аргументом, так как происходят в условиях достаточно гомогенной и устойчивой политической культуры и наличия общественного консенсуса по важнейшим социальным ценностям. В России такого консенсуса в наличии нет. Как видится, его формирование и невозможно без выполнения партиями своих идеологических функций.

Неслучайно именно в этот период доминирующая партия «Единая Россия» инициировала публичное обсуждение своего идеологического проекта «суверенной демократии», который вызвал самый широкий общественный резонанс. Несмотря на то что официально он не был принят, сама процедура обсуждения, разнообразная аргументация «за» и «против» представителей различных политических сил, широко тиражируемая российскими СМИ, уже представляют собой значительную активизацию этой важнейшей идеологической функции в современной России.

Превращение ведущих российских партий в массовые организации определенным образом изменило и их электоральную функциональность. Наличие региональных партийных отделений дает возможность не ограничиваться рекламнопропагандистскими информационно-коммуникационными технологиями в СМИ, но использовать формы непосредственного воздействия на избирателей в ходе избирательных кампаний. Думается, именно в этом заключается главный положительный результат проведенных преобразований. Партии постепенно становятся частью российского общества, связанной с ним тысячами своих членов и непосредственной агитационно-пропагандистской работой с населением. Эффективными политическими субъектами они могут стать в результате повышения уровня доверия со стороны населения ко всем другим институтам и механизмам политической системы, и прежде всего к институту выборов.

Если резюмировать основные направления эволюции политической и электоральной функциональности партий в постсоветской России, то концентрированно их можно представить следующим образом (таблица).

В целом можно констатировать, что основные тенденции эволюции электоральной функциональности политических партий в постсоветской России проявляются в постепенном переходе от использования партий как фантомных организаций для достижения конкретных текущих целей на выборах в крупные и стабильные политические институты, ориентированные на стратегические направления общественного развития. Происходит смена приоритетов с сиюминутных электоральных целей и задач в период ограниченной по времени избирательной кампании на постоянную и последовательную работу с населением для завоевания доверия и привлечения на свою сторону.

Функциональность политических партий в постсоветской России

Ключевые характеристики партийного функционирования	Период		
	1990–1995 гг.	1995–2001 гг.	2001–2012 гг.
Уровень конкурентности	Высокий. Отсутствие доминирующей партии	Средний. Первые попытки конструирования «управляемой» многопартийной системы	Низкий. Формирование партийной системы на основе доминирующей роли «партии власти»
Доминирующие характеристики организационной структуры большинства партий	Протопартийная аморфность	Организационное оформление электоральных партий	Организационное оформление массовых общероссийских партий
Доминирующие функциональные характеристики партий	Продвижение и конкуренция интересов формирующейся бизнес-элиты	Конкурентное представительство интересов ведущих групп бизнес-элиты	Обеспечение доминирующих позиций ведущих групп бизнес-элиты
Роль идеологического позиционирования	Высокая	Средняя	Низкая
Доминирующие ресурсы электоральной мобилизации	Информационно-коммуникационные технологии; популизм	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс	Информационно-коммуникационные технологии; административный ресурс; партийно-организационный ресурс

Тем самым объективно ограничивается манипуляционная составляющая предвыборных партийных избирательных технологий. Проблем, связанных прежде всего с повсеместным использованием административного ресурса партией власти, остается достаточно много, но шансы на их ограничение и решение с помощью имеющейся нормативно-правовой и институциональной базы в результате повышения активности гражданского общества в современной России достаточно велики.

Примечания

- ¹ См.: Кулик А. Н. Российская многопартийность сквозь призму политической конкуренции // Мелешикина Е. Ю., Михалева Г. М. Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства. М., 2009.
- ² См.: Вилков А. А. Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. научно-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) [и др.]. М., 2011. С. 157–162.
- ³ Киселев К. В. Партийное проектирование в современной России : роль идеологии. URL: <http://www.echoekb.ru/blogs/2011/3/4/1/1627/495/> (дата обращения: 22.03.11).
- ⁴ Там же.

- ⁵ См.: Гельман В. Я. От «бесформенного плюрализма» – к «доминирующей власти»? (Трансформация российской партийной системы) // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46–58.
- ⁶ Ануфриева А. А. Специфика партийного механизма идеологической и мобилизационной поддержки властного курса России // Власть. 2010. № 12. С. 33.
- ⁷ См.: Киселев К. В. Указ. соч.
- ⁸ Исключением стала КППРФ, у которой была разветвленная сеть первичных организаций, доставшихся по наследству от КПСС.
- ⁹ «О политических партиях» : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 3. Понятие политической партии и ее структура // Рос. газ. 2001. 11 июля.
- ¹⁰ См.: Коргунок Ю. Г. Система с доминирующей партией и режим политической конкуренции // Мелешикина Е. Ю., Михалева Г. М. Политическая конкуренция и партии в государствах постсоветского пространства ; Мелешикина Е. Ю. Доминирование по-русски или мировой феномен? // Политическая наука. 2006. № 1. С. 135–161.
- ¹¹ Например, партия «Единая Россия» к ноябрю 2004 г. насчитывала свыше 800 000 членов, а в 2010 г. уже 2 055 602, среди которых почти 2 000 являлись депутатами всех уровней // Партия «Единая Россия» : [сайт]. URL: <http://www.edinros.ru/news> (дата обращения: 30.10.2011).
- ¹² Ануфриева А. А. Указ. соч. С. 35.
- ¹³ Киселев К. В. Указ. соч.
- ¹⁴ Там же.

УДК 322

ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ю. В. Зевако

Саратовский государственный университет
E-mail: milirita@rambler.ru

В данной статье исследуются технологии конструирования политической идентичности в полиэтнической среде Российской империи. Автор приводит классификацию технологий формирования наднациональной идентичности, характеризует политико-административную практику их реализации, проводит ретроспективный анализ условий и проблем формирования единой политической идентичности многонационального населения имперской России.

Ключевые слова: технологии конструирования, политическая идентичность, империя.

Tehnologies of Engineering of the Politucal Identity in the Poly-Ethnic Environment of the Russian Empire

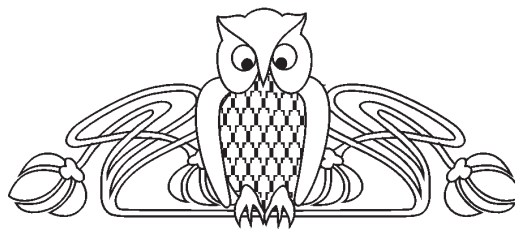
Y. V. Zevako

This article investigates the technologies of engineering of the political identity in the poly-ethnic environment of the Russian Empire. The author gives a classification of a supranational identity formation technology, describes the political and administrative practices for their implementation, conducting a retrospective analysis of conditions and problems of forming a common political identity of the multinational population of the imperial Russia.

Key words: technologies of engineering, political identity, empire.

Одним из ключевых политических процессов конца XVIII – начала XX в. в странах Западной Европы было формирование государств-наций. Во второй половине XIX в. к этому процессу присоединилась и Россия. Однако если западноевропейские государства-нации формировались на основе титульного этноса метрополии в противопоставление народам колоний, то в исключительных условиях особой полиэтничности, поликонфессиональности и территориального размаха Российской империи политический процесс формирования нации-согражданства (политической нации) должен был основываться на выработке единой наднациональной политической идентичности для всех народов российского имперского пространства вне зависимости от принадлежности к историческому центру или периферии.

Формирование политической идентичности в полиэтнической среде в данном контексте рассматривается как процесс политической консолидации и гомогенизации сообщества, превращения

многонациональной империи в национальное государство¹.

В настоящей статье термин «политическая идентичность» используется в узком понимании, как специально создаваемая и/или естественно формирующаяся наднациональная общегосударственная идентичность, интегрирующая в себе множество идентичностей, в том числе этнических, в пределах конкретного политико-территориального пространства².

Новейший большой толковый словарь русского языка дает следующее определение понятию «технология» – это, с одной стороны, «совокупность производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли производства, приемов, применяемых в каком-либо деле, мастерстве и т. п.», а с другой – «совокупность знаний о способах обработки материалов, изделий, методов осуществления каких-либо производственных процессов»³.

Конструктивистский подход позволяет интерпретировать формирование политической идентичности с точки зрения инженерии и технологий, полагая под «отраслью производства» – «производство», продуцирование новых идентичностей, в том числе и политической, а также разработку теории и практики подобного продуцирования, то есть совокупность действий, мероприятий и операций, реализуемых властью посредством специальных механизмов и на основе накопленных знаний.

Принимая во внимание традиционное разделение сферы общественной жизни на политическую, экономическую, социальную и духовную, технологии формирования политической идентичности рационально распределить сообразно такому делению.

К политической сфере можно отнести собственно политическую и административную сферы общественных отношений. В административной сфере отечественная политико-правовая практика выработала целый комплекс технологий формирования политической идентичности: изменение сетки административно-территориального деления, контроль миграционных потоков, формирование специализированных органов управления в сфере этнонациональной полити-

ки, а также административное принуждение в отношении отдельных этнических групп либо конкретных их представителей, в том числе с применением легального насилия. В собственно политической сфере к числу самостоятельных технологий можно причислить формирование и развитие концепций национальной политики и конструирование общегосударственной политической идеологии.

В сфере экономики в контексте формирования политической идентичности можно обозначить технологии, связанные с налоговой политикой, экономической миграцией, экономическим районированием, развитием коммуникаций (от железных дорог до Интернета).

В социальной сфере технологии формирования политической идентичности неразрывно связаны с процессом социализации, охватывающим этапы становления личности в системе образования, военной службы, трудовых отношений и повседневными практиками совместной жизни и деятельности различных этносов.

Технологии формирования политической идентичности в духовной сфере включают в себя историко-культурную, языковую, религиозную политику развития общегосударственной мифологии и праздничной культуры.

Рассмотрим подробнее некоторые из элементов обозначенного комплекса разноплановых технологий конструирования политической идентичности, применявшихся в Российской империи в XIX – начале XX в.

Пространственная протяженность, социокультурная неоднородность, разность исторического «стажа» включения в орбиту российского влияния разных территорий требовали от российской администрации как в центре, так и на местах особой гибкости и внимания к подвластным народам. Выбор механизмов формирования интегративной политической идентичности на территории Российской империи, сплочения окраин и народов Европейской и Азиатской России во многом зависел от особенностей геополитического положения конкретного региона, природно-климатических условий, этнического и религиозного факторов, сословного состава населения и др.⁴

Тем не менее российская власть имела всегда довольно двойственное отношение к способу и характеру учета местных социальных и культурных особенностей при формировании колоний: быть господами или обращать должное внимание на каждую историческую особенность. Таким образом, с одной стороны, русские не вмешивались в быт местного населения, понимая, что это опасно с политической точки зрения и бессмысленно с практической, а с другой – видели свою задачу в том, чтобы путем просвещения привести население, например Русского Туркестана, к цивилизованной жизни. Именно в таком споре, и даже конфликте рождался тот политический

и административный опыт, который назывался колониальным управлением⁵.

Основной административной технологией формирования общегосударственной политической идентичности стала реализация в практическом управлении сущности унитарной формы государственного устройства – сетка административно-территориального деления начиная с губернской реформы Петра I формировалась исключительно по территориальным признакам, игнорируя этнические рубежи. Например, в начале XX в. компактный регион расселения татар на Средней Волге был разделен на пять губерний⁶. Большую роль в процессах политической консолидации империи играла технология административной унификации, выражавшаяся в постепенном упразднении особых территорий, например Гетманщины на Украине, которая постепенно стала внутренней областью Российской империи, во многих отношениях даже частью имперского ядра⁷.

Влияние на выработку имперской политической идентичности оказывали и административные технологии рекрутирования политико-административной элиты империи. В частности, выработка новой «русской» идентичности в политическом мышлении бывшей казацкой автономии совпала с борьбой уже не за автономные права Гетманщины, а за признание соотвечствия между украинскими и российскими чинами, а также с попытками бывших казацких старшин влиться в ряды имперского дворянства⁸.

Постоянно расширяющееся пространство Российской империи требовало не только точечных и ситуативных военно-охранительных и административных скреп, но и системного хозяйственно-экономического и социокультурного освоения новых территорий. Технологическим обеспечением физического и воображаемого присвоения и освоения пространств сначала в США и Канаде, а затем и в России стало активное строительство железных дорог.

Поражение Российской империи в Крымской войне 1853–1856 гг. заставило Петербург рассматривать железные дороги уже не как предмет роскоши, но как чрезвычайно необходимый инструмент территориальной интеграции и обороны⁹, которому начали придавать особое значение. Транссибирская магистраль с самого начала проектировалась и воспринималась как средство территориальной консолидации и приведения империи к культурной однородности. Поклонник германской железнодорожной политики М. Н. Катков в 1883 г. в газете «Московские ведомости» определенно заявлял, что «рельсы вслед за штыком должны завершить политическое сплочение»¹⁰. Русских железнодорожников, посланных на азиатские окраины империи для строительства и обслуживания трансконтинентальных магистралей, воспринимали в Петербурге как агентов / носителей цивилизаторской миссии

на Востоке. В 1890-х гг. и позднее этих посланцев европейской культуры должны были поддержать в их непростой миссии крестьяне-переселенцы, перемещаемые из западных и центральноевропейских губерний империи на земли Сибири и Центральной Азии с целью усилить русский национальный элемент в этих районах. Между 1891 и 1914 гг. Транссибирская магистраль помогла перевезти около 5 млн украинских, белорусских и русских переселенцев на широкие просторы Сибири¹¹.

В Центральной Азии железнодорожное строительство активизировалось в 1880-е гг.: к 1888 г. от Каспийского моря через Бухарский эмират до г. Самарканда протянулась Закаспийская военная железная дорога, через десять лет ее продлили до г. Ташкента (Ферганская область), вследствие чего она была переименована в Среднеазиатскую железную дорогу; к 1906 г. была построена еще одна железнодорожная ветка на ташкентском направлении – Оренбург – Ташкент. Таким образом, к началу Первой мировой войны Туркестанский край имел довольно разветвленную сеть железных дорог, связывавших его не только с центральной Россией, но и с Сибирью (Сибирская железная дорога)¹².

Сцепка огромных российских пространств с помощью железных дорог активизировала экономические механизмы формирования политической идентичности в тех районах, где они уже существовали, и стимулировала их развитие на тех территориях, которые были присоединены недавно.

Так, в Сибири экономические механизмы сплочения и интеграции были изначально базовыми и в исторической перспективе оказались выгодными для обеих сторон. Финансовые соображения предопределили позицию центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли, в разборе поземельных споров отдавать предпочтение туземцам¹³.

Тем не менее поток русских переселенцев в Сибирь постоянно нарастал, результатом чего к началу XIX в. стало преобладание среди местного населения оседлого образа жизни над кочевым, активное развитие хлебопашества и стойлового скотоводства. Переход на сходные с русским крестьянином методы хозяйствования приводил не только к экономической аккультурации туземцев, но и к социокультурной инкорпорации в состав империи, а в конечном итоге к превращению Сибири в Россию, формированию и усвоению общеимперской политической идентичности. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться, говорить и думать по-русски, обеспечивая стабильность

империи на перспективу¹⁴. Ставка на «народную дипломатию» в сфере межнациональных отношений в Сибири давала свои плоды: как отмечают исследователи, наибольших успехов в земледелии добивались «инородцы», пахотные угодья которых находились на границах волостей, смежных с землями русских крестьян; под влиянием русских крестьян у всех народов Сибири, перешедших к оседлому образу жизни, были заведены огороды; к концу XIX в. появились стационарные деревянные юрты, а зажиточные «инородцы» стали обзаводиться просторными деревянными домами с глинобитными русскими печами, умывальниками, надворными постройками и банями¹⁵. Постепенно русская культура проникала во все сферы жизни аборигенов¹⁶. Таким образом, активное крестьянское движение на восток приводило к стиранию этнографической границы между Европейской Россией и Сибирью, стихийному обрусению «инородцев»¹⁷.

Кроме того, важной составляющей хозяйственной адаптации аборигенов Сибири к общеимперской системе также были методы материального и морального поощрения со стороны государства: систематическая раздача «инородцам» ссуд деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных налоговых льгот, всевозможных поощрений для родоначальников за успехи в земледелии. Вместе с тем «приучение» «инородцев» к земледелию и оседлости происходило с помощью жесткого администрирования: например, иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин издал «Положения о развитии хлебопашества», где строго определялись размеры «инородческой» запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания ослушников. Стимулирование кочевых народов Сибири к оседлому образу жизни и унификации хозяйственной деятельности аборигенов и русских крестьян-переселенцев приводило к их социальной интеграции: в соответствии с «Уставом об управлении инородцами» М. М. Сперанского, введенным в 1822 г., оседлые аборигены приравнивались к категории государственных крестьян со всеми их податями и повинностями, кроме рекрутской¹⁸.

Довольно высокую эффективность в формировании общеимперской политической идентичности показали экономические механизмы интеграции в Русском Туркестане. Российское влияние на повседневную жизнь оседлого населения Центральной Азии принимало самые разнообразные формы, чаще всего было спонтанным и обуславливалось расширением экономических и культурных связей региона с Россией и Западом. В жизнь людей проникали фабричные товары, появлялась новая одежда, менялась мода, распространялись предметы обихода, характерные для русских; некоторые состоятельные горожане стали строить дома и обустраивать их на русский (европейский) манер; с появлением железных

дорог, телеграфа, почты увеличилась мобильность населения, возросло число людей, знавших русский язык, и т. д.¹⁹ Как и в Сибири, только с приходом русских переселенцев на азиатские окраины Российской империи там появились усовершенствованные способы обработки земли, повысившие урожайность и облегчившие тяжелую борьбу с сорной травой²⁰.

Постепенное приближение социально-экономического уровня и социокультурного пространства периферии к общероссийским реалиям требовало использования новых технологий интеграции «инородцев», направленных не на «переделывание», а на воспитание изначально лояльных империи граждан, то есть технологий русифицированной социализации «инородцев».

Со второй половины XIX в. Российская империя берет курс на русификацию – ограничение культурной самобытности на какой-либо территории империи и активное распространение там русского языка и литературы, замену местных органов власти и управления общеимперскими структурами, интенсивное распространение православия и русской культуры. В другом, более мягком варианте внутреннюю политику царской России на окраинах именовали «обрусением» – ненасильственным, естественным сближением с русским народом, превращением в русского по языку и традициям²¹.

Русификация включала в себя политическую, экономическую, кадровую, правовую, культурную, бытовую составляющие, но главная роль по праву принадлежала образованию. Для имперских властей второй половины XIX в. было очевидным, что существование единого и стабильного многонационального государства невозможно без создания прочной идеологической базы, и стержнем его должна была стать русифицированная система народного образования. В 1869–1870 гг. в недрах Министерства народного просвещения была разработана программа развития школьного дела в среде нерусских народов («Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев») и сформулирована ее основная идея: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом»²².

Осознание властями важности социокультурных технологий в формировании общеимперской политической идентичности подчеркивается многими исследователями: «Вопрос о культурном освоении Туркестана всегда рассматривался российскими властями как один из важнейших в деле вовлечения центральноазиатской окраины во внутреннюю жизнь империи»²³. «Важным средством формирования пророссийски настроенного слоя общественной и культурной элиты на Северном Кавказе служила школьная политика Российской империи»²⁴. Следует отметить, что при общем тренде на русификацию образования

среди «инородцев» чиновники на местах очень дифференцированно подходили к реализации данной задачи, исходя из культурно-исторических, экономических и прочих особенностей своего края.

В частности, школьная политика на Северном Кавказе отличалась стремлением российской администрации привязать к себе горцев как путем их приглашения на учебу в столичные российские учебные заведения (университеты, горный, технологический, лесной институты), так и путем формирования на российские казенные деньги системы начального, высшего и среднего образования при одновременном ограничении мусульманского образования. Первой практической реализацией этих стремлений стала организация светских русских школ еще в конце XVIII в. В 1840-е гг. появились первые северокавказские пансионы для горских детей, открылись Ставропольская и Екатеринодарская гимназии, довольно скоро ставшие самыми популярными и престижными местными учебными заведениями; в 1850 г. была открыта Нальчикская школа военных воспитанников для детей кабардинских князей; в 1860-е гг. первые русские школы появились в Дагестане и Ингушетии²⁵. Активизация школьной политики на Северном Кавказе пришлось на последнюю треть XIX в. и стала результатом принятия соответствующих документов в Министерстве образования и учреждения в 1868 г. Кавказского учебного округа. К концу 1890-х гг. на всем Северном Кавказе были организованы аульские начальные школы и средние учебные заведения²⁶.

В Центральной Азии имперская школьная политика проводилась в соответствии с «Планом устройства учебной части и образования в Туркестанском крае», разработанным особой комиссией в г. Ташкенте в 1870–1873 гг. и принятым в виде официального документа в 1875 г.²⁷ В соответствии с ним недавно созданные русские учебные заведения в Самарканде, Ташкенте и Чимкенте были преобразованы в двухклассные городские училища с русским языком обучения. С середины 1880-х гг. начали открываться русско-туземные школы и училища (в Сырдарьинской области, Хиве и Бухаре), число которых к 1911 г. достигло 89. При некоторых из них действовали интернаты, чтобы дети больше времени проводили в русскоязычной среде. Особенностью школьной политики в Туркестанском крае была ее своеобразная деликатность по отношению к местному населению: в отличие от обычных русских школ, в которых открывались классы для местного населения, русско-туземные школы открывались исключительно для коренных жителей края и включали учебную программу мусульманских мектебов. Кроме того, согласно утвержденной в 1887 г. инструкции, учебный день в русско-туземных школах делился на две части: первые два часа изучались чтение, письмо и арифметика на русском языке, а вторые два часа туземный учитель занимался

мусульманским вероучением²⁸. Однако, как отмечают исследователи, «крайняя ограниченность русской составляющей и неудовлетворительно поставленный учебный процесс таких школ не способствовал цивилизаторской миссии империи и превращал в фикцию “прочное и окончательно слияние” народов Центральной Азии с остальными жителями империи»²⁹.

Образовательные технологии в формировании общеимперской политической идентичности могли иметь успех только там и только тогда, когда делали знание русского языка предметом первой необходимости в повседневной жизни каждого человека, то есть когда шли рука об руку с экономическими технологиями вовлечения туземцев и «инородцев» в общеимперский товарный рынок, когда создавали условия для социального лифта (выходцам из Центральной Азии был открыт доступ в высшие учебные заведения России)³⁰, когда приносили ощутимую пользу и выгоду новым носителям государственного языка империи.

В целом технологии конструирования политической идентичности в Российской империи были разноплановыми, но не системными, лишь условно образуя политико-административный технологический комплекс. При этом они были достаточно лояльными по отношению к нерусскому населению периферии империи, что никак не позволяет назвать Российскую империю «тюрьмой народов»³¹. Экономические технологии не успевали за административными и социокультурными, а применение политических технологий осложнялось размытостью самого концепта единой русской нации, которая представлялась как ядро политической интеграции народов империи³².

Политическое развитие России в начале XX в., революции 1905 и 1917 гг. показали неэффективность созданного конструкта политической идентичности, но при этом технологии его формирования позволили создать потенциал социокультурного единства народов на большей части территории Российской империи, который впоследствии использовали в государственной этнонациональной политике и конструировании наднациональной политической идентичности как Советская власть, так и руководители современной России.

Примечания

¹ См.: *Лукина А. В.* Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004. С. 15.

- ² См.: *Зевако Ю. В.* Политическая и этическая идентичности : понятие, сущность, структура // Политические проблемы современного общества. Саратов, 2011. Вып. 15. С. 24–33.
- ³ Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. М., 1998. С. 1323.
- ⁴ См.: *Сибирь в составе Российской империи.* М., 2007. С. 208.
- ⁵ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* М., 2008. С. 208.
- ⁶ См.: *Бусыгина И. М.* Политическая география. Формирование политической карты мира : учебник. М., 2010. С. 209–210.
- ⁷ См.: *Западные окраины Российской империи.* М., 2007. С. 57–59.
- ⁸ См.: *Империя и нация в зеркале исторической памяти* : сб. ст. М., 2011. С. 292.
- ⁹ См.: *Imperium inter pares : Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* : сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М., 2010. С. 364.
- ¹⁰ Там же. С. 367.
- ¹¹ Там же. С. 368.
- ¹² См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 210–215.
- ¹³ См.: *Сибирь в составе Российской империи.* С. 208.
- ¹⁴ Там же. С. 209–210.
- ¹⁵ Там же. С. 212.
- ¹⁶ Там же. С. 214.
- ¹⁷ Там же. С. 215.
- ¹⁸ Там же. С. 212.
- ¹⁹ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 208–209.
- ²⁰ См.: *Изобретение империи : языки и практики.* М., 2011. С. 163.
- ²¹ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 171.
- ²² Там же. С. 172.
- ²³ Там же. С. 163.
- ²⁴ *Северный Кавказ в составе Российской империи.* С. 270.
- ²⁵ Там же. С. 270–271.
- ²⁶ Там же. С. 272.
- ²⁷ См.: *Центральная Азия в составе Российской империи.* С. 163–164.
- ²⁸ Там же. С. 165.
- ²⁹ Там же. С. 173.
- ³⁰ Там же. С. 161.
- ³¹ См.: *Мединский В. Р.* О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». М., 2010. С. 187–210.
- ³² См.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 68–70.

УДК 329.019.51

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА О ГРЮНВАЛЬДСКОМ СРАЖЕНИИ

А. А. Касович

Саратовский государственный университет
E-mail: kasovitch@gmail.com

В статье идет речь о формировании в сознании белорусского народа постулата об исключительной значимости Грюнвальдского сражения через национальную художественную литературу. Особое внимание уделено причинам и приемам трансляции национально ориентированного образа исторического сражения.

Ключевые слова: Грюнвальдская битва, политический миф, Белоруссия.

The Role of Byelorussian Fiction in Formation of Political Myth of Grunwald Battle

A. A. Kasovich

This article tells about formation of postulate of Grunwald battles exclusive importance in Byelorussians consciousness through the national fiction. The main attention is paid to the reasons and methods of relaying national focused image of historical battle.

Key word: Grunwald battle, political myth, Byelorussia.

Одним из важнейших компонентов политической памяти народов Восточной Европы является восприятие Грюнвальдской битвы. Грандиозное сражение, политический миф о котором способствовал формированию современной польской нации, нашло отражение в немецкой, польской, литовской и русской художественной литературе начиная с середины XIX в. По идеологическим причинам каждый литератор приписывал решающую роль в битве своему народу. Так, в ответ на одно политически ангажированное литературное произведение следовало другое, с единственно верной, с точки зрения конкретного автора, позицией. Бурные перемены в политической и культурной жизни Восточной Европы в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. не могли не повлиять на сознание народов, проживающих на этой территории. Образование новых независимых государств подогрело интерес к национальной истории, активно поддержанный региональными политическими структурами. На особую роль в этом историческом сражении претендует теперь Белоруссия. Причиной тому служит поиск исторической основы для формирования устойчивой концепции особого пути Белоруссии, отличного от пути России.

В качестве источников в статье будут исследованы исторический роман Константина Тарасова «Погоня на Грюнвальд»¹ и произведение Юрия Юстиновича «Яська и его лошадка Гривка»²,

адресованное маленьким читателям. Нас прежде всего будет интересовать не художественная ценность указанных выше произведений, а их идеологическое назначение. К сожалению, ни одна из этих книг до настоящего момента не была проанализирована в научной литературе.

Написав свой роман «Погоня на Грюнвальд» ещё в 1986 г., Константин Тарасов смог его представить читателю только после декларации о суверенитете Белоруссии. На наш взгляд, это художественное произведение написано под сильным влиянием «Крестоносцев» Генрика Сенкевича³ и скорее всего задумано автором как белорусский аналог этого романа. Оба писателя в основу своих романов положили события войны (1409–1411 гг.) Польши и Великого княжества Литовского против Тевтонского ордена, вокруг которых развиваются судьбы литературных героев. Как и польский писатель, Константин Тарасов описывает Грюнвальдское сражение во всей его грандиозности и жестокости, следуя сообщениям источников. Сходство с соответствующим отрывком «Истории Польши» Яна Длугоша в отдельных предложениях почти дословное: например, вызов магистром Тевтонского ордена Ульрихом Юнингеном Ягайло и Витовта через герольдов на битву⁴ или стойкость смоленских полков⁵.

Однако если польский автор начинает повествование с 1387 г. и заканчивает описанием Грюнвальдского сражения, то белорусский романист ограничивает действие событиями войны и подписанием Городельской унии (1413 г.). Представляется, что эти временные рамки не случайны: если Сенкевич стремился представить Грюнвальдскую битву как апогей борьбы поляков с тевтонской агрессией, то Тарасов, признавая высокую значимость сражения, вкладывает в монологи православных бояр Великого княжества Литовского в последней главе мысль о несправедливом ущемлении прав многих героев Грюнвальда после принятия Городельской унии⁶. Так белорусский автор стремится определить для читателя ближайшие итоги и значение подвига предков современных белорусов. Если Сенкевич описывает битву, акцентируя внимание на своих польских вымышленных персонажах, то Тарасов намеренно вводит в действие романа героев с характерными восточно-славянскими распространенными в Белоруссии именами Мишка Росевич, Андрей

Ильинич и другие и описывает сражение с позиций хоругвей Великого княжества Литовского, а не польских. Такая форма описания Грюнвальдской битвы призвана вызвать у читателя чувство единства с героями романа. При этом Тарасов должен был убедить читателя, что его герои – «белорусь», а не «русские», отрицая при этом вклад русских воинов, запечатленный в основных средневековых источниках⁷. Три смоленских полка, оказывавших ожесточённое сопротивление превосходящим силам тевтонцев, автор необоснованно делит на собственно смоленскую хоругвь и две хоругви «со смоленщины», оршанскую и мстиславскую⁸, отделяя, таким образом, территории, входящие в состав Белоруссии, от российских земель. Кроме того, Тарасов на страницах романа даже выражает своё скептическое отношение к подвигу смоленских богатырей, а само войско Великого княжества Литовского называет белорусско-литовско-украинским, сознательно забывая при этом русскую составляющую. Засвидетельствованное основными источниками по истории Грюнвальда бегство отрядов Великого княжества Литовского с поля сражения и вовсе не нашло отражения на страницах романа. Константин Тарасов даже полемизирует с Генриком Сенкевичем в авторском послесловии, говоря о том, что последний «некритически следовал сообщениям Длугоша и сделал разгром белорусско-литовских хоругвей фактом художественной литературы»⁹.

После «Погони на Грюнвальд» долгое время не было каких-либо значимых попыток создания в Белоруссии произведений художественной литературы, тематически связанных с Грюнвальдской битвой. И только в юбилейном для битвы 2010 г. вышла книга для детей «Яська і конік ягоны Грыўка» Юрия Устиновича. Написана книга в былинном стиле и хорошо иллюстрирована. На страницах этого произведения шестилетний полоцкий мальчик Яська огорчается, что отец не взял его с собой на Грюнвальдскую битву. Однако его игрушечный конек Гривка оказался волшебным. Когда Яська окунулся с ним в место слияния рек Полоты и Двины, мальчик превратился в сильного крепкого богатыря, а игрушка – в среброгривого боевого коня. Они успели принять участие в битве и вернуться назад. И уже затем Яська слушал от отца о Грюнвальдской битве, в том числе о своих подвигах.

Исторический роман появляется в то время, когда народное сознание особенно нуждается в обращении к прошлому. Литературное произведение, таким образом, оживляет мёртвую букву исторических хроник в необходимом власти (элитам) контексте. Так, на заре существования суверенного государства у белорусов Константин Тарасов в своём романе первым сформулировал в сознании её граждан постулат о том, что Грюнвальд явил собой величайший пример победы белорусского оружия. Вскоре его взгляд на это судьбоносное сражение был подхвачен и дополнен создателями научно-популярных концепций

развития истории Белоруссии. Если «Погоня на Грюнвальд» довольно популярна у молодежной аудитории от 12 до 18 лет, то книга Юрия Устиновича стимулирует возникновение национально ориентированного образа битвы у белорусских детей младшего школьного возраста¹⁰. Произведения художественной литературы, написанные в доступной и увлекательной форме, позволяют добиться успешного и, что немаловажно, скрытого усвоения молодёжью выгодного власти образа исторического сражения. Чувство эмоционального сопереживания вымышленным героям, говорящим на том же языке и живущим в той же местности, но шесть столетий назад, увеличивает глубину восприятия сознанием читателя тезиса о великом значении Грюнвальда для белорусского народа. Таким образом, в Белоруссии художественная литература вместе с другими формами идеологического воздействия на население (торжественные юбилейные мероприятия, использование специфической символики Грюнвальда и др.) является одним из факторов создания и развития национального, или политического, мифа о Грюнвальдской битве.

Примечания

- 1 Тарасов К. И. Погоня на Грюнвальд. Минск, 1991.
- 2 Ёсціновіч Ю. Яська і конік ягоны Грыўка. Менск, 2010.
- 3 Сенкевич Г. Крестоносцы. М., 2007.
- 4 Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб., С. 98–99 : «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча, как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с большей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дольше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоего строя, то магистр Пруссии, Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, насколько ты хочешь от ровного поля, занятого его войском» ; Тарасов К. И. Погоня на Грюнвальд. С.113: «Великий князь Александр-Витовт! Великий магистр Пруссии Ульрик фон Юнгинген шлет тебе меч, чтобы ты отважно вступил в бой, а не прятался среди лесов. Если ты считаешь поле тесным, то магистр Пруссии Ульрик фон Юнгинген готов отступить, чтобы ты вывел войска и не боялся битвы!»
- 5 Тарасов К. И. Указ. соч. С. 117–118.
- 6 Этот документ среди всего прочего ограничивал права наследования и право занятия государственных должностей у бояр Великого княжества Литовского православного вероисповедания.
- 7 См.: Тарасов К. И. Указ. соч. С. 136–137.
- 8 Хотя говорить о существовании белорусской народности в начале XV века не приходится.
- 9 Тарасов К. И. Указ. соч. С. 153.
- 10 Последняя книга оказалась настолько популярной, что в том же году была начата работа над мультфильмом по мотивам произведения. Планировалось использовать интересный прием, когда герои древних гравюр «оживают» на экране.